

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП (б)

РАСКОЛ
НА II СЪЕЗДЕ РСДРП
И II ИНТЕРНАЦИОНАЛ

**СБОРНИК
ДОКУМЕНТОВ**

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА 1933

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАСКОЛ НА II СЪЕЗДЕ РСДРП И II ИНТЕРНАЦИОНАЛ

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

Ответственный редактор М. Д. ОРАХЛАШВИЛИ.

Техническая редакция: А. ЕВТЕЕВ, И. ГАЛАКТИОНОВ.

Книга сдана в набор 17/VIII 1933 г.

Подписана к печати 14/X 1933 г.

Партиздат № 1484/м.

Тираж 50350.

Ленгорлит № 25 216.

Заказ № 920.

Формат бумаги 82 × 110 см. 11 печ. л. (131200 тип. зн. в 1 бум. л.) Бум. л. 2³/₄.

Вышла в свет — октябрь 1933 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большевистская партия родилась, выросла и окрепла «в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе с центризмом на Западе (Каутский), с центризмом у нас (Троцкий)» *. В. И. Ленин еще до образования партии большевиков (1903 г.) вел непримиримую борьбу против всех врагов и ополчителей марксизма — против эпигонов народничества, — возлагавших надежды на «разумную» политику царского правительства, против легальных марксистов и экономистов, пытавшихся столкнуть рабочее движение с революционного пути на путь трэд-юнионистский, реформистский. Причем для Ленина было ясно, что легальный марксизм и экономизм неразрывно связаны с международным оппортунизмом, представляя его русское ответвление. Не говоря о более ранних его высказываниях, достаточно напомнить брошюру «Что делать?», где Ленин говорит об этом со всей определенностью: «В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабрианцы, французские министриалисты, немецкие бернштейнианцы, *русские критики* (т. е. легальные марксисты и «экономисты». *Ред.*) — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического»: марксизма» **. Отсюда Ленин делал вывод, что борьба русских революционных марксистов с российским оппортунизмом является составной частью борьбы революционного направления в международном социалдемократическом движении против оппортунистического: «...распря различных направлений внутри социализма, — писал Ленин, — из национальной *впервые* превратилась в интернациональную». И далее: «Может быть, в этой *первой действительно международной* схватке с социалистическим оппортунизмом международная революционная

* *Сталин*. Вопросы ленинизма, 9-е изд., стр. 9 — 10.

** *Ленин*. Сочинения, т. IV, стр. 366.

социалдемократия достаточно окрепнет, чтобы положить конец давно царящей в Европе политической реакции» (курсив наш. *Ред.*).

Последовательная и непримиримая борьба революционных социал-демократов во главе с Лениным против оппортунистических течений в 90-х и начале 900-х годов, приведшая к расколу на втором съезде и к образованию большевистской партии, партии нового типа, и была такой первой схваткой революционной социалдемократии с оппортунизмом, не только российским, но и международным, решительным шагом по пути подготовки пролетариата к тому, чтобы «положить конец давно царящей в Европе политической реакции».

Порывая с меньшевиками в 1903 г., большевики указали передовым пролетариям Запада действительный выход из реформистской трясины, куда оппортунисты завели рабочее движение. Беспощадная борьба и раскол большевиков с меньшевиками должна была служить образцом для борьбы и раскола левых элементов западноевропейской социалдемократии со своими оппортунистами. Это создавало реальную угрозу со стороны большевизма господству оппортунистов во II Интернационале. Вот почему «русские дела» заставили всполошиться руководящие круги II Интернационала, вызвав у них с первого же дня раскола в РСДРП горячие симпатии к меньшевикам и явно отрицательное отношение к большевикам. Причем *все* течения II Интернационала, каждое по-своему, оказались на стороне меньшевиков и против большевиков. Открытые оппортунисты повели бешеную травлю большевиков как «дезорганизаторов» и «раскольников», используя при этом всякие небылицы и клевету на большевиков, пускавшие в оборот меньшевистскими заправилами. От явных оппортунистов не отставали центристы, пытавшиеся ликвидировать большевизм посредством беспринципного центристского объединения «всех и вся». Эта в корне враждебная большевизму политика центристов тщательно прикрывалась маской «беспристрастия». «Беспристрастный» центрист Каутский услужливо предоставлял страницы германской с.-д. печати для клеветнических статей меньшевистских вожakov, задерживая или прямо отказывая печатать статьи

большевиков, в которых последние разъясняли западноевропейским рабочим сущность и значение раскола. Так, Каутский отказался поместить в органе германской с.-д. партии «Neue Zeit» ответ Ленина на статью Р. Люксембург, направленную против большевиков, под предлогом, что это повредило бы российской социал-демократии. Еще раньше (а именно в мае 1904 г.) Каутский отказал в помещении в том же органе статьи М. Н. Лядова о расколе. Не ограничиваясь этим, Каутский выступил в меньшевистской «Искре» и в германской с.-д. печати со статьями, в которых прямо нападал на большевиков и защищал меньшевиков. Например, в помещенном в меньшевистской «Искре» письме к М. Н. Лядову (№ 66 за 1904 г.) Каутский обвиняет Ленина в нежелании ужиться с прежними редакторами «Искры» и в исключении их из состава редакции. Каутский сознательно обходит молчанием тот факт, что тройка из старого состава редакторов «Искры» (Аксельрод, Потресов, Засулич) не была избрана большинством съезда. «Большинство не должно навязывать своей воли меньшинству, — вещал Каутский, — а должно договориться с ним на основе «возможно больших уступок друг другу». «Если бы на вашем съезде, — замечает в заключение Каутский, — мне пришлось выбирать между Мартовым и Лениным, то на основании всего опыта нашей деятельности в Германии я решительно высказался бы за Мартова».

В другой своей статье «Разногласия между русскими социалистами» («Искра» № 97 от 18 апреля 1905 г.) Каутский пытается отвлечь внимание читателя от сущности разногласий между большевиками и меньшевиками, перенося центр тяжести на разногласия между социалдемократами и социалистами-революционерами, между социалдемократами и либералами. По мнению Каутского, разногласия между большевиками и меньшевиками настолько несущественны, что для ликвидации их вполне достаточно... третейского суда. Наконец, в статье «Раскол в русской социалдемократии», помещенной в «Искре» в июне 1905 г. (см. стр. 146 — 149 настоящего сборника), в статье, которую Ленин справедливо квалифицировал как преподлую, Каутский, всячески замазывая, затушевывая принципиальные расхождения между большевиками

и меньшевиками, утверждает, что разногласия между сторонами уже потеряли значение, что теперь остается только забыть решения III съезда*, для того чтобы не оставалось никаких помех к объединению сторон. Чувства международной социалдемократии к русским социалдемократам, по мнению Каутского, таковы, что «она всего больше будет ценить среди них ту фракцию, тех личностей, которые своей уступчивостью... будут содействовать объединению русской социалдемократии и что она (международная социалдемократия. *Ред.*) сочтет за положительное преступление против освободительной борьбы пролетариата действия той фракции или тех личностей, которые своей обидчивостью или злопамятностью затруднят начавшееся объединение или помешают ему». Намек, содержащийся в этой тираде, достаточно прозрачен, чтобы понять, на чьей стороне Каутский и вожди II Интернационала и кому он угрожает анафемой и отлучением.

В то время как центрист Каутский в немецкой с.-д. прессе и в меньшевистской печати замазывал и затушевывал принципиальные разногласия между большевиками и оппортунистами, защищал «обиженных» меньшевиков и охаивал большевиков, центрист Бебель «налаживал» примирительную процедуру между ними. Мы даем в приложениях два письма Бебеля, относящиеся к этому вопросу: первое — к В. И. Ленину от 3 февраля 1905 г. (см. стр. 142 — 143) и второе — в Международное социалистическое бюро от 25 июня 1905 г. (см. стр. 145). Но попытки Бебеля примирить революционно-пролетарскую партию большевиков с оппортунистами по центристскому рецепту, на беспринципной основе взаимных уступок, не увенчались и не могли, понятно, увенчаться успехом. Большевики решительно отклонили третейское разбирательство, указав Бебелю, что большевиков и меньшевиков разделяют серьезные принципиальные разногласия,

* Вполне понятно, почему Каутский добивался всеми способами (например, задерживая распространение в Германии резолюций съезда, см. стр. 110) того, чтобы решения III съезда партии были забыты. Это был первый чисто большевистский съезд, который в своих резолюциях и постановлениях завершил оформление большевистской партии, как партии *нового типа*.

что спор между ними «есть столкновение политических идей», которое (столкновение) не может быть ликвидировано третейским судом. Собранный вскоре третий съезд партии не принял специального решения по предложению Бебеля, одоблив тем самым линию большевистского центра (В. И. Ленина и Бюро комитетов большинства). Необходимо отметить, что и местные партийные организации в России всецело разделяли ленинскую точку зрения в этом вопросе. В подтверждение этого достаточно сослаться на единодушное одобрение ответа Бебелю выступавшими на съезде делегатами, а также, напр., на протест против предложения Бебеля Луганской организации РСДРП, приславшей съезду специальное постановление (см. стр. 107 — 108). Наряду с открытыми оппортунистами и центристами и германские левые социалдемократы также включились в общий антибольшевистский фронт. Крупнейший представитель германских левых Р. Люксембург выступила против большевиков с большой статьей — «Организационные разногласия в российской социалдемократии», напечатанной на немецком языке в «Neue Zeit» и на русском — в меньшевистской «Искре», в которой она обвинила большевиков в «ультрацентрализме» и в «бланкизме», взяв под свою защиту меньшевиков (выдержки из этой статьи Р. Люксембург см. стр. 131 — 139). Давая оценку этому выступлению Р. Люксембург, Ленин указывал, что Р. Люксембург совершенно определенно защищает дезорганизацию партии, что брошенные ею по адресу большевиков обвинения «конкретно и практически являются насмешкой над нашим съездом..., — теоретически же являются прямым опознанием марксизма, извращением настоящей диалектики Маркса» (см. стр. 93). «Оба они, — писал т. Сталин о выступлении Р. Люксембург и другого лидера германских левых Парвуса, — высказались против большевиков. При этом было брошено обвинение по адресу большевиков в ультрацентрализме и бланкистских тенденциях. Впоследствии эти пошлые и мещанские эпитеты были подхвачены меньшевиками и разнесены по всему миру» *.

Единодушная поддержка, которую меньшевики встретили

* Сталин. Вопросы ленинизма, 9-е изд., стр. 607.

на Западе, — придавала им еще больше энергии в их раскольнической и дезорганизаторской деятельности. Для уяснения того, какое значение имела поддержка меньшевиков виднейшими представителями западно-европейской социал-демократии, — приведем только одно место из переписки меньшевистских вожakov. «Спешу Вам сообщить, — пишет Потресов Аксельроду в мае 1904 г., — что я получил от Каутского письмо, разрешающее нам напечатать его ответ Лидину (М. Н. Лядову. *Ред.*) в «Искре». Итак, первая бомба отлита и — с божьей помощью — Ленин взлетит на воздух... Как бить Ленина, вот вопрос. Прежде всего, мне думается, следует на него выпустить авторитетов Каутского (уже имеется), Розу Люксембург и Парвуса»*.

Выступив в 1903 г. как единственная, до конца последовательно-революционная партия и ведя непримиримую борьбу с Мартовым, Аксельродом, Плехановым, Троцким и т. п., — разоблачая меньшевизм и разрывая с ними, Ленин и большевики тем самым били и по международному оппортунизму. Они беспощадно вскрывали и разоблачали буржуазно-реформистскую основу теоретических догм II Интернационала, всю фальшь и гнилость их политической практики. Организационной расплывчатости, характерной для партии II Интернационала (пу огаскивавшейся на II съезде меньшевиками, а еще раньше экономистами), — большевистская партия противопоставила ленинский организационный план, предусматривавший «перестройку всей партийной работы на новый революционный лад в духе воспитания и подготовки масс к революционной борьбе» **. В противовес терпимому отношению к оппортунистам в партиях II Интернационала большевистская партия положила в основу своей организационной практики непримиримую борьбу с оппортунистами на два фронта вплоть до раскола с ними. Порвав со своими оппортунистами-меньшевиками, большевики взяли курс на раскол, на разрыв с оппортунистами во II Интернационале, на мировой арене.

* «Социалдемократическое движение в России, т. I, стр. 124 — 125.

** *Сталин*. Вопросы ленинизма, 9-е изд., стр. 12—13.

В этом Ленин видел необходимое предварительное условие для подготовки пролетариата к штурму твердынь капитализма. «Без предварительной полной победы над оппортунизмом... не может быть и речи о диктатуре пролетариата», писал впоследствии В. И. Ленин *.

Ближайшей задачей большевистской партии после раскола с меньшевиками явилась необходимость расширения влияния большевизма на мировой арене с целью консолидации, сплочения революционных элементов западно-европейской социалдемократии, завоевания широких масс революционного пролетариата, изоляции и исключения из II Интернационала оппортунистов. Первым практическим шагом в этом направлении было расширение связей с социалистическими рабочими Запада и разъяснение им сущности и значения раскола в РСДРП как начала организационного размежевания между революционно - пролетарским и оппортунистическим течениями во II Интернационале. Особенно большое значение в этом отношении имела Германия, рабочее движение которой до начала 900-х годов шло в авангарде международного пролетариата. В октябре 1903 г. большевики посылают на Дрезденский партийтаг Германской с.-д. партии т. Лядова для информации делегатов съезда о расколе и борьбе с оппортунистами в РСДРП. В том же году т. Лядову (выделенному для руководства связями с Германией) удалось поместить в немецкой с.-д. печати две статьи о рабочем и крестьянском движении. Но попытки освещения вопроса о расколе натолкнулись на решительное сопротивление вождей германской социалдемократии, и прежде всего Каутского.

Дальнейшим шагом явилось установление *непосредственных* связей с центральными учреждениями II Интернационала, которые (связи) фактически сосредоточивались в руках у меньшевиков и которые нужно было у них вырвать.

Большевики, во-первых, послали на очередной (Амстердамский) международный социалистический конгресс своих представителей (тт. Лядова и Красикова), которые и были, вопреки протесту меньшевиков, включены в русскую

* Ленин. Сочинения, т. XXIV, стр. 648.

делегацию. Во-вторых, большевики подготовили и представили на конгресс доклад о с.-д. движении в России (см. стр. 1 — 82), где подробно осветили историю борьбы революционной социалдемократии с оппортунизмом и обосновали принципиальные расхождения между большевиками и меньшевиками, приведшие к расколу на II съезде. Этот доклад, в котором международному пролетариату были впервые показаны в развернутом виде идейные и организационные основы большевизма, бесспорно сыграл огромную роль в борьбе большевиков с международным оппортунизмом.

После III (большевистского) съезда большевики повели упорную борьбу за самостоятельное представительство в Международном социалистическом бюро. Из публикуемых здесь документов (см. стр. 109 — 123) можно судить, насколько большое значение придавалось Лениным этому вопросу. Необходимость прямого представительства в Международном социалистическом бюро приобретала в то время тем большее значение, что меньшевики, при поддержке руководства II Интернационала, стремились всячески изолировать большевиков от участия в обсуждении и разрешении вопросов международного рабочего движения. Но постановка Лениным в ЦК вопроса о выделении в МСБ большевика (вместо Плеханова, входившего в то время в МСБ от обеих частей РСДРП) — встретила сопротивление у некоторых членов ЦК (Богданова, Красина), недооценивавших задач, стоявших перед большевистской партией на международной арене, и поэтому не понимавших необходимости использования МСБ, как трибуны для пропаганды большевизма на Западе. Эти члены ЦК склонялись к тому, чтобы уполномочить на представительство от большевиков в Международном социалистическом бюро Плеханова, который, заявляя публично о непризнании III съезда *партийным съездом*, явно не желал в то же время сложить свои полномочия в Международном социалистическом бюро. В своем письме в ЦК от 12 июля 1905 г. (см. стр. 115 — 116) Ленин подробнейшим образом разъясняет, почему Плеханов не может представлять большевиков в Интернационале. Через пару недель Ленин вновь возвращается к этому вопросу (в письме в ЦК от 28 июля, см. стр. 121 —

123), решительно высказываясь против кандидатуры Плеханова. Одновременно с этим Ленин сообщает в Международное социалистическое бюро о том, что Плеханов не является представителем большевиков, и, когда Плеханов попытался выступить от обеих партий, Ленин не остановился перед дезавуированием его шагов. Наконец в письме в ЦК от 8 октября 1905 г. Ленин в прямой и категорической форме требует от ЦК выделения в Международное социалистическое бюро большевика. «Усердно прошу, — пишет он в этом письме, — бросьте теперь совсем мысль о Плеханове и назначьте своего делегата от большинства. Только тогда мы вполне будем обеспечены. Хорошо бы назначить Орловского (В. В. Воровского)» *. Наконец в половине октября ЦК выделил своего уполномоченного в МСБ, но не Воровского, на кандидатуре которого настаивал Ленин, а самого Ленина. «Жаль, что не назначили Орловского» — писал Ленин в ЦК по получении сообщения о своем назначении**.

Особо нужно сказать об объединении большевиков и меньшевиков. Вожди II Интернационала добивались объединения большевиков с меньшевиками на гнилой беспринципной центристской основе, на основе сговора верхов и взаимных уступок. Перед лицом развертывающейся революции, с целью удержать пролетариат от революционной классовой борьбы, ослабить его натиск на капитализм, разоружить пролетариат организационно, — господствовавшие во II Интернационале оппортунисты пытались, по примеру Западной Европы, и в России *спутать* большевиков с меньшевиками, с тем чтобы подчинить интересы пролетариата интересам мелкой буржуазии в рамках одной общей партии. На такой основе II Интернационал «объединил» гэдистов с жоресистами во Франции. На такой основе держалось «единство» всех партий II Интернационала, за исключением большевистской; на этой же гнилой основе вожди II Интернационала пытались создать «единство» и в России.

Ленин и большевики не возражали против объединения, но они его допускали только на *принципиальной* идейной

* Ленин. Сочинения, т. VIII, стр. 254.

** «Ленинский сборник», V, стр. 521.

и организационной основе. Большевики готовы были объединиться с теми меньшевиками, которые признавали III партийный съезд и считали для себя обязательными все его решения, т. е. которые фактически прорывали с меньшевизмом и переходили на позиции большевиков.

Большевики были за объединение прежде всего с рабочими, которые еще шли за меньшевиками, не разобравшись пока в реформистской, оппортунистической природе меньшевистской партии. Именно такое объединение имел в виду Ленин и большевики, соглашаясь на конференцию, предложенную от имени II Интернационала Августом Бебелем (см. письма в Международное социалистическое бюро, стр. 126 — 128).

Некоторые примиренчески настроенные члены ЦК, под влиянием размаха революционных выступлений масс, склонны были пренебречь этим условием объединения, сбиваясь на путь объединения «во что бы то ни стало». Ленин, в поучение этим товарищам, давал ЦК следующие, имеющие огромное принципиальное значение указания: «Мы не должны смешивать политику объединения *двух* частей с *спутыванием* обеих частей. Объединить две части — согласны. Спутать две части — никогда... Сейчас надо *бороться* самым решительным образом с *спутыванием* двух частей партии. Я бы советовал дать такой лозунг агентам самым определенным образом и поручить им проводить это в жизнь. Если этого не сделать, выйдет отчаянная каша. Меньшевикам выгодна всякая путаница, и они всячески будут плодить ее. Им «хуже не будет» (ибо хуже их дезорганизации не может ничего быть), а мы ценим свою организацию, хотя бы зачаточную, и будем отстаивать ее кулаками и зубами. Меньшевикам выгодно все запутать и сделать из IV съезда новый скандал, ибо о *своем* съезде они даже не думают. Мы же должны все усилия и все помыслы направить к сплочению, к лучшей организации *нашей* части партии. Эта тактика кажется «эгоистической», но она единственно разумная. Если мы будем хорошо сплочены, вполне организованы, если мы от себя удалим всяких кисляев и перебежчиков, тогда наше твердое ядро, хотя бы не очень большое, поведет за собою всю ораву «организационной туманности». А если у нас не будет ядра, то меньшевики, дезорганизовав

себя, дезорганизуют и нас. Если у нас будет твердое ядро, то мы скоро заставим заключить объединение с нами. Если же у нас не будет ядра, то восторжествует не другое ядро (его нет), а *путаники*, и тогда, уверяю, будет новая склока, новый неизбежный раскол и озлобление во сто раз хуже прежнего.

Давайте готовить реальное объединение, увеличивая *свою силу* и разрабатывая *ясные* проекты уставных и тактических норм. А пустых болтунов об объединении, которые *спутывают* отношения между частями партии, по-моему, следует устранять из нашей среды беспощадно*.

* * *

Величайшей исторической заслугой Ленина и большевиков является то, что они 30 лет тому назад смело подняли знамя борьбы против и российского и *международного* оппортунизма. Они не побоялись выступить против таких авторитетных вождей западно-европейской социал-демократии, как Каутский и Бебель, до конца разоблачив их оппортунистические позиции. Политика строгого размежевания, непримиримой борьбы с оппортунизмом и примиренчеством к нему и в России и на мировой арене вплоть до окончательного разрыва, раскола твердо и неуклонно проводилась Лениным начиная с 90-х годов XIX века. Эта политика разоблачения и разгрома антипартийных, оппортунистических течений и уклонов, путем борьбы на два фронта стала основным законом развития нашей партии и Коммунистического Интернационала, и никаким фальсификаторам и контрабандистам контрреволюционного троцкизма не удастся замазать, замолчать или исказить историю борьбы большевизма с международным оппортунизмом и центризмом на протяжении 30 лет, прошедших со времени возникновения нашей ленинской партии.

Борьба большевиков с оппортунистами в начале 900-х годов, увенчанная разрывом, расколом с меньшевиками, сыграла огромную роль в дальнейшем развитии международного рабочего движения. Благодаря очищению от оппортунистов, расколу с ними — только большевистская партия выдержала великое испытание в революции

* Ленин. Сочинения, т. VIII, стр. 247.

1905 — 1907 гг., в эпоху реакции и особенно в деле превращения империалистической войны в войну гражданскую против буржуазии. В то время как большинство с.-д. партий с началом империалистической войны 1914 г. скатилось к прямому предательству интересов пролетариата, к шовинизму, к оборончеству, — большевистская партия заняла последовательно-революционную и пролетарско-интернационалистскую позицию. Оценивая положение в международном социалистическом движении, в начале войны Ленин писал: «Нелегальная Российская социалдемократическая рабочая партия исполнила свой долг перед Интернационалом. Знамя интернационализма не дрогнуло в ее руках. Наша партия давно порвала организационно с оппортунистскими группами и элементами. Гирь оппортунизма и «легализма» во что бы то ни стало» не было на ногах у нашей партии. И это обстоятельство помогло ей исполнить революционный долг»*.

Опыт героической борьбы и великого строительства партии Ленина на протяжении трех десятилетий является блестящим подтверждением правильности взятого тогда Лениным и большевиками курса на раскол, на разрыв с международным оппортунизмом. Теперь уже для каждого партийца и комсомольца ясно, что «большевизм не победил бы буржуазии..., если бы не научился побеждать и беспощадно изгонять из партии пролетарского авангарда меньшевиков» (Ленин)**. В настоящее время для каждого сознательного рабочего и трудящегося ясно, что, не ведя беспощадной борьбы с оппортунистами на два фронта, не очищая своих рядов от всех чуждых и примазавшихся, от переродившихся и враждебных партии и рабочему классу элементов, наша партия не могла бы одержать побед всемирно-исторического значения, не добилась бы превращения нашей страны в могучее государство пролетарской диктатуры, в крепость социализма.

Политика беспощадной и непримиримой борьбы с оппортунизмом всех мастей, с двурушничеством, примиренчеством и гнилым либерализмом, которую вела под руководством Ленина и ведет наша партия под руководством своего вождя т. Сталина, есть единственно правиль-

* Ленин. Сочинения, т. XVIII, стр. 209.

** Там же, т. XXVI, стр. 649.

ная политика, единственно обеспечивающая победу пролетарской революции во всем мире.

* * *

Собранные здесь документы уже публиковались раньше, частью в Сочинениях Ленина, частью в «Ленинских сборниках». Некоторые документы, данные в приложениях, переизданы из меньшевистской «Искры» 1904 — 1905 годов. Все эти документы наглядно и убедительно обрисовывают международное значение раскола на II съезде, роль большевизма на мировой арене со времени его возникновения и, наконец, руководящую роль Ленина в борьбе с международным оппортунизмом и его разновидностью — центризмом и с колебаниями и ошибками левых из II Интернационала 30 лет тому назад.

В основном тексте мы даем 16 документов. Все это боевые большевистские документы, направленные против меньшевизма и международного оппортунизма и центризма.

Несколько слов о первом документе — «Докладе большевиков Амстердамскому международному социалистическому конгрессу». Этот доклад был подготовлен, по заданию и плану В. И. Ленина, тт. Лядовым, Воровским, Красиковым и самим Вадимиром Ильичем. Тов. Лядов, в предисловии к первому изданию доклада, сообщает следующие подробности о его появлении на свет: «Как только Ленин, приблизительно за неделю до нашего отъезда (на Амстердамский международный социалистический конгресс в 1904 г. *Ред.*), познакомился с докладом, составленным Даном, он решил самым экстренным образом составить в противовес меньшевистскому докладу доклад от нашей большевистской фракции... Он быстро набросал план доклада, который должен был состоять из четырех частей. Одну главу он взялся писать сам, остальные поручил писать Воровскому, Красикову и мне... Ильич тщательно проредактировал все главы... Боевая задача была выполнена, мы успели во-время выехать и напечатанную книжку получили срочной посылкой накануне открытия конгресса... Нашу книжку мы до начала заседания роздали всем делегатам конгресса».

В «Приложениях» даются, частью в отрывках, частью

полностью, статьи и письма Р. Люксембург, А. Бебеля и Каутского, выступавших против большевиков.

Для облегчения пользования текстом в конце сборника даны краткие примечания.

Подстрочные примечания (сноски), сопровождаемые указанием «*Ред.*», — принадлежат редакции настоящего издания. Все же остальные подстрочные примечания перепечатаны вместе с текстом документов из соответствующих источников.

Вся работа по подготовке настоящего сборника к печати выполнена *Богдановым И. Е.*, под редакцией *Сидорова К. Ф.* и *Орахелашвили М. Д.*

17 октября 1933 г.

Socialdemokratische Arbeiterpartei Russlands

Arbeiter aller Länder Vereinigt euch!

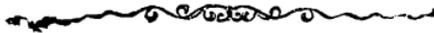
MATERIAL
zur
ERLÄUTERUNG DER PARTEIKRISE

in der

Socialdem. Arbeiterpartei Russlands

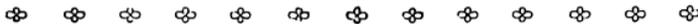
Von

M. LYDIN

Buchdruckerei „Iskra“, Genf

1904

ОБЛОЖКА БРОШЮРЫ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: М. ЛЮДИН. «МАТЕРИАЛЫ
К ВЫЯСНЕНИЮ ПАРТИЙНОГО КРИЗИСА РСДРП» — 1904 Г.

МАТЕРИАЛЫ К ВЫЯСНЕНИЮ ПАРТИЙНОГО КРИЗИСА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

ДОКЛАД АМСТЕРДАМСКОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ КОНГРЕССУ ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Статья Розы *Люксембург*, появившаяся в «*Neue Zeit*» *, уже познакомила социалистическую читающую публику Западной Европы с начавшимся на II съезде партии кризисом в рядах Российской социалдемократической рабочей партии.

Ввиду того, что официальный отчет нашей партии Интернациональному социалистическому конгрессу дает картину нашей партийной жизни в одностороннем освещении, и притом в освещении меньшинства нашей партии, выражаемом нашим центральным органом «*Искрой*», автор счел своей обязанностью представить картину нашего кризиса с точки зрения большинства партии, сторонником которого он является. Для большей ясности картины наших разногласий автор считал необходимым предположить описанию теперешнего положения партии краткий исторический очерк. Поэтому предлагаемая брошюрка делится на четыре части: 1) период до появления «*Искры*», 2) искровский период, 3) II партийный съезд и 4) период после съезда.

М. Лидин /Лядов/.

Женева, август 1904 г.

Уполномоченный ЦК РСДРП.

* Выдержки из статьи Р. Люксембург см. стр. 131—139. *Ред.*

1. ПЕРИОД ДО ПОЯВЛЕНИЯ «ИСКРЫ»

В 1896 г. отчет социалдемократов России Международному конгрессу в Лондоне заканчивался следующими словами: «Пока еще не существует достаточной связи между отдельными действующими в различных местностях России тайными социалдемократическими организациями, часто нет у них однородной тактики. В ближайшее время мы употребим все усилия на то, чтобы создать тесную связь между всеми организациями, чтобы установить вполне однообразные действия всех социалдемократов, чтобы создать единую неделимую социалдемократическую партию»².

Теперь российские социалдемократы могут с гордостью заявить, что эта цель ими достигнута. На II партийном съезде, в 1903 г., разрозненные социалдемократические организации создали единую партию, выработали общую программу, приняли общий план тактики и организации. Чтобы познакомить наших заграничных товарищей с положением вещей нашей молодой партии, чтобы дать им возможность понять наши разногласия, которые теперь ослабляют нашу энергию и размах нашей работы, мы считаем необходимым предпослать нашему отчету краткую историю социалдемократического движения в России.

Начало 80-х годов совпадало с поражением революционной интеллигенции, и не только ее одной. Торжествующее самодержавие жестоко наказало русское общество за его симпатию к революционерам, за его тайные стремления к свободе. Трусливое либеральное общество склонило голову перед реакцией, стало тише воды, ниже травы и начало выработать теорию «мелких дел», «непротивления злу, насилию». Революционная интеллигенция потеряла почву под ногами, потеряла веру в свои силы, у нее не было ничего, на что она могла бы опереться.

В такой тяжелый момент русскому революционному движению была указана новая дорога. За границей в

1883 году образовалась группа «Освобождение Труда». Она поставила себе задачей популяризировать идею научного социализма и доказать возможность социалдемократического движения в России. Группа эта не могла вначале оказать большого влияния на ход событий в России. За границей ее круг действий ограничивался немногими кружками среди русской учащейся молодежи. В России, где научный социализм был встречен большинством революционеров весьма враждебно, группа находила лишь очень немного сторонников. Эти последние до начала 90-х годов создавали маленькие рабочие кружки и изучали с ними идею научного социализма. Хотя эта работа в то время не могла иметь непосредственного влияния на рабочие массы, она все же подготавливала контингент классово-сознательных рабочих, которые в будущем могли выступить в качестве вожakov пробуждающегося рабочего класса. Стихийное стачечное движение заставило правительство издать ряд законов в защиту женского и детского труда и ввести фабричную инспекцию, но быстрый подъем промышленности в конце 80-х годов совершенно приостановил это стихийное движение. Трудно было предположить, что рабочий класс может в ближайшее время проснуться и начать в скором времени широкое движение. 1891 год резко изменил эту картину. Страшный голод погнал из деревень в промышленные центры массу крестьян. Наступивший во многих отраслях промышленности кризис предоставил предпринимателям возможность до крайних пределов сократить рабочую плату и до невероятности ухудшить все условия труда. Вся тяжесть кризиса легла, таким образом, на плечи голодающего народа. Невероятно тяжелые условия, в которые были поставлены рабочие массы, заставили их волноваться. Почти во всех промышленных центрах начинается стихийное стачечное движение, достигшее максимальной силы в годы 1895—1897 *. Правительство вынуждено было уступить и издало закон об охране труда 2 июля 1897 года. Немногочисленные социалдемократические организации к началу этого периода бросили чистую пропаганду в маленьких кружках

* См. об этом отчеты русских делегатов международным конгрессам 1896 и 1900 годов.

и стали в авангарде этого стихийного стачечного движения. Они пытались придать этому движению организованный характер. Выставляя однообразные требования, они, таким образом, придавали всему движению более сознательный характер. Всюду начинают переходить к широкой массовой агитации. Появляется большое количество массовой агитационной литературы *.

В период кружковой программы и в начале агитационного периода социалдемократы не придавали стачечному движению самодовлеющего характера,—наоборот, они употребляли все усилия к тому, чтобы соединить экономическую борьбу с политической и направить и ту и другую борьбу, как две стороны одной и той же классовой борьбы, против всего современного общественного порядка. В то время никто не считал нужным преуменьшать значение политической борьбы для рабочего класса вообще и в особенности для русского рабочего класса. Но неожиданно быстрое развитие стачечного движения, колоссальный подъем рабочего класса России, поскольку дело касалось его непосредственных экономических интересов, привели некоторые социалдемократические организации к мысли, что именно экономическая борьба будет единственной основой рабочего движения России.

Сама по себе верная мысль, что бессознательная рабочая масса может самостоятельно подняться лишь во имя повседневных экономических интересов, была доведена до абсурда. Из этой мысли делался вывод, что при данных условиях бесполезно подходить к русским рабочим с какими-нибудь другими вопросами. Высказывалась уверенность, что рабочие массы чувствуют только гнет экономических условий, но совершенно неспособны почувствовать весь гнет господствующего в России политического бесправия. Исходя из этой предпосылки, некоторые социалдемократы выработали следующую тактику: вначале надо развивать агитацию только на почве мелких экономических нужд, и лишь впоследствии, когда рабочий класс самостоятельно дорастет до недовольства более сложными условиями своего положения, можно будет перейти к формулировке других требований более высшего порядка.

* См. об этом отчеты 1900 года.

Придется очень долго ждать, пока наступит надлежащий момент, чтобы ставить перед русскими рабочими требования политического характера, и то эти требования должны развертываться перед ним лишь постепенно, все более и более осложняя их, пока, наконец, не наступит надлежащий момент перейти к настоящей классово-сознательной борьбе.

К этому следует еще добавить, что отдельные организации не только разных промышленных районов, но часто в одной и той же местности подходили совершенно по-разному к агитации и считали нужным выставлять разные требования различным слоям пролетариата. Перед одними рабочими, по мнению этих организаций, можно было выставлять только экономические требования, перед другими можно было уже начинать говорить о мелких политических вопросах, перед третьими — развивать полностью политическую программу. Все это создавало невероятный хаос как в мировоззрении, так и в тактике борьбы. В 1898 г. в Петербурге появились одновременно две социалдемократические газеты. Одна из них — «Рабочая Мысль»³ — отстаивала позицию, что совершенно невозможно начинать политическую агитацию, в то же время другая — «Рабочее Знамя»⁴ — защищала необходимость немедленного перехода к широкой политической борьбе.

Что же касается местных комитетов, то, конечно, они были не в состоянии создавать такие организационные формы, которые могли быть приспособлены к такого рода разнообразному подходу к широкому массовому движению. Конечно, они не могли менять свою организационную форму в зависимости от изменения условий приспособления к той, либо другой стадии. В общем о местных организациях можно сказать, что у них в этот период совершенно отсутствовала правильная организационная форма, правильное разделение труда, и это обстоятельство мешало им проводить необходимую в русских полицейских условиях конспирацию. В зависимости от роста стачечного движения русское правительство усиливало репрессии против него. С одной стороны, оно свело до минимума все прежние уступки, которые оно вынуждено было дать в первый период стачечного движения, а с другой, — оно начало решительно мстить за эти вышеуказанные уступки. Сотни рабочих и

интеллигентов наполняли тюрьмы и ссылку. Благодаря отсутствию конспирации в организациях в них легко входили провокаторы, и они без всякого труда вылавливали из организаций наилучших и наиболее последовательных и сознательных социалдемократов, лучших руководителей рабочих масс. Очень часто местные организации арестовывались без остатка. Считалось общим правилом, что члены местного комитета могли продержаться без ареста не больше 3—4 месяцев. Считалось чем-то необычайным, если тому или другому работнику удавалось проработать на одном месте в течение 6—8 месяцев. При каждом таком провале комитета на долгое время терялись всякие связи с рабочими массами этой местности. В особенности это наблюдалось в тех местах, где группа работников работала совершенно изолированно; там с их провалом бывало очень трудно наново завязать связи. Вновь прибывшим работникам обычно приходилось начинать всю работу сначала.

Основным положением сторонников теории «экономизма» и тесно примыкающей к ней теории «стадий» было требование, чтобы тактика и организация приспособлялись к стихийному ходу движения. По их мнению, задача сознательного авангарда пролетариата должна ограничиваться тем, чтобы просто формулировать то, что бессознательно чувствует рабочая масса. Эта теория, принижая значение сознательных классовых элементов движения, неизбежно толкала русское рабочее движение на путь тред-юнионизма. Успех теории экономистов среди русской социалистической интеллигенции объясняется в значительной степени широким распространением среди этой интеллигенции идей легального марксизма. Мы говорим здесь об идеях, распространявшихся в 1897—1898 гг. выходившими легальными марксистскими журналами: «Новое Слово»⁵ и «Начало»⁶. Легальный марксизм вел борьбу с отживающей системой неопределенно демократического народничества, шаг за шагом разбивал предрассудки о невозможности капиталистического развития России и все те утопии, которые строили народники, полагавшие, что социалистические начала заложены в каждой крестьянской общине. Наряду с этим легальный марксизм популяризировал задачи рабочего класса в современном общественном строе, популяризировал значение рабочего класса в освободительной

борьбе, которую он должен будет вести не только в интересах своего собственного класса, но и в интересах всех угнетенных слоев населения. Наиболее отзывчивые элементы революционной интеллигенции скоро заметили, что марксизм приносит им спасение, что они благодаря ему приобретают твердую почву под ногами. Скоро марксизм становится модным учением в России. Пораженные колоссальным движением и энергией рабочего класса, убежденные в том, что предстоящую тяжелую борьбу с абсолютизмом в состоянии будет выполнить только рабочий класс, и в то же время боясь утратить влияние на эту колоссальную силу, интеллигенты-революционеры начинают переоценивать значение стихийной силы движения. Среди них начинает возникать такой же культ рабочих масс, какой они только что изжили по отношению к крестьянам.

Широкая экономическая агитация и руководство массовым стачечным движением потребовали напряжения всех сил местных комитетов. Волей-неволей весь ход мыслей начал вращаться в узких границах местного движения, и все более и более социалдемократы утрачивали широкую социалдемократическую точку зрения. Но, с другой стороны, все более расширяющаяся экономическая борьба в сильной степени подняла запросы широких рабочих масс к агитационной литературе. У местных комитетов нехватало литературы, нехватало агитаторских сил, и это заставляло местных социалдемократов все больше и больше задумываться над созданием единой организации, которая объединила бы всю работу, придала бы ей больший размах. Содержание работы в значительной мере обогнало внешнюю форму организации. Идея неизбежности образования партии все более начинала господствовать среди социалдемократических организаций. Наконец, в марте 1898 г. собрался первый съезд представителей социалдемократических организаций. На этом съезде были представлены организации Петербурга, Москвы, Киева, Екатеринослава и общеврейского рабочего союза России и Польши (Бунда). Первый съезд издал манифест, в котором были опубликованы основные принципы партии; в нем обосновывалась неизбежность борьбы за политическую свободу с точки зрения классовых интересов пролетариата и его конечной социалистической цели. В нем указывалась и особенно под-

Черкивалась мысль, что русская буржуазия в политическом отношении очень отстала, и поэтому необходимую для пролетариата политическую свободу он сможет завоевать себе только сам. Наконец, в этом манифесте объявлялось о создании единой, охватывающей все местные организации партии. «Местные союзы борьбы, образуя партию, окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы». Выбор средств борьбы и тактики определяется тем, что партия совершенно сознательно хочет быть и остаться партией классового движения организованных рабочих масс. Партийный съезд принял также и следующий организационный устав.

1) Организация «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группа «Рабочей Газеты» и «Всеобщий еврейский рабочий союз России и Польши» сливаются в единую рабочую организацию под названием «Российская социал-демократическая рабочая партия», причем общееврейский союз рабочих России и Польши входит в партию как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата.

2) Исполнительным органом партии является Центральный комитет, избранный съездом партии, которому он и отдает отчет в своей деятельности. На обязанности ЦК лежит: а) заботиться о планомерной деятельности партии, о регулировании распределения партийных сил и средств, проведение и установление единообразных требований и т. п. При этом ЦК обязан руководствоваться директивами партийного съезда; б) создавать и распределять между местными комитетами литературу; в) организовывать такие предприятия, которые имеют общероссийское значение: празднование 1 мая, издание листков по поводу выдающихся фактов, помощь стачечникам и т. д.

Далее следуют пункты, определяющие полномочия ЦК действовать самостоятельно в экстраординарных случаях и предоставляющие ему право, в случае ареста его членов, кооптировать новых членов и решать вопросы о средствах центральной кассы. Параграф 7 гласит: «Местные комитеты выполняют постановления ЦК в той форме, которую они найдут более подходящей по местным условиям; в исключительных случаях местным комитетам

предоставляется право отказаться от выполнения требований ЦК, известив его о причине отказа. Во всем остальном местные комитеты действуют вполне самостоятельно, руководясь лишь программой партии». Параграф 8 уполномочивает ЦК поддерживать сношения с другими революционными партиями, поскольку это не противоречит принципам партийной программы и партийной тактики. «Партия предоставляет каждой национальности право самоопределения». Параграф 9 определяет, что высшим органом партии считается съезд представителей местных комитетов, и определяет порядок созыва очередных и неочередных партийных съездов. Параграф 10 назначает «Союз русских социал-демократов за границей» заграничным представителем партии, и, наконец, § 11 признает официальным органом партии «Рабочую Газету».

Этот первый партийный устав был, в сущности говоря, простой схемой, которую практика должна была наполнить конкретным содержанием. Но уже из этой схемы ясно вытекало, что даже в этот ранний период нашей борьбы, когда задачи, стоявшие перед партией, были далеко не такими сложными, какими они теперь являются, ЦК предоставлялись большие полномочия. Все, что выходило за границы местной работы, и все, что в пределах местной работы имело общий характер, должно было быть передано компетенции ЦК, ответственного только перед партийным съездом. Пункт в) § 3 указывает ясно, что все представленные на съезде организации согласились на то, что распределение партийных сил и средств должно быть предоставлено Центральному комитету. Что касается § 7, который как будто бы противоречит только что сказанному, то нам следует смотреть на него как на уступку отдельным группам, существовавшим еще в изолированном виде. Идея единой организации была тогда еще совершенно новой. Не имея какого-либо организационного опыта, трудно было предвидеть все детали общей работы. Манифест I съезда партии ясно свидетельствует, что все течения, имевшиеся тогда среди социалдемократии России, стояли принципиально на точке зрения сознательной классово-борьбы и признавали необходимость политической борьбы. В действительности же очень скоро после партийного съезда этот принцип был искажен.

Очень скоро после съезда выбранный съездом ЦК был арестован, партийный орган перестал выходить после третьего номера, так как вся его редакция и вся типография были тоже арестованы. Все установленное на съезде не могло быть осуществлено па практике. И все-таки, несмотря на это, все местные комитеты, и не только те, которые присутствовали на съезде, но и те, которые организовались после съезда, присоединились к партии. Правда, их присоединение фактически скорей было идейной демонстрацией единства, — фактически все местные комитеты продолжали работать совершенно изолированно. Экономическое направление имело много сторонников. Некоторые представители этого направления в изданном ими в 1899 г. «Символе веры» («Средо») ⁷ дошли даже до мысли, что рабочему классу совершенно не нужно вести политической борьбы. Вести эту борьбу является задачей либеральной буржуазии, и следовательно в России социалдемократу вообще нечего делать. Авторы «Кредо» так формулировали свою точку зрения: «Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности; невозможный политический гнет заставит много говорить о нем, именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать». После такой попытки показать, что в России отсутствует стремление к политической свободе и что в рабочем классе нет потребности в организации, авторы продолжают: «Конечно, бесконечно тяжела экономическая борьба в России, но она возможна, она ведется самими рабочими массами... Если мы присоединим еще голод и процесс разложения деревни, которые способствуют появлению штрейкбрехеров и затрудняют стремление рабочих масс достигнуть высшей культурной ступени..., то нам следует поставить вопрос, что должен делать русский марксист. Для русского марксиста одна дорога: он должен оказать содействие пролетариату в его экономической борьбе и принимать участие в либеральной оппозиционной деятельности».

Такая попытка отклонить рабочее движение с классовых позиций встретила решительное сопротивление со стороны большинства русских социалдемократов. Этот «Символ веры» уже опоздал. Громадная экономическая борьба, которую вынужден был вести рабочий класс в условиях

полицейского государства в течение нескольких лет предоставляла ему чересчур часто возможность чувствовать на себе всю тяжесть русского политического гнета. Мы уже говорили, что тюрьмы и места ссылки были переполнены борцами за освобождение рабочего класса. Жестокость дрожащего за свое существование самодержавия не знала границ. Каждая даже маленькая забастовка превращалась правительством в акт политической борьбы. Обычным явлением становятся избиения и аресты простых забастовщиков. Сами забастовки все чаще превращаются в настоящие битвы с полицией и солдатами. Рабочими массами все больше и больше овладевает глубокая ненависть к самодержавию, и эта ненависть начинает все чаще обнаруживаться. Так, например, во время забастовки прядильщиков фабрики Маквелля в Петербурге в 1898 г. рабочие сами выставили требование свободы стачек и собраний. Рабочих подвергли жестокому избиению и очень многих арестовали. Такие явления начали повторяться все чаще и чаще.

Для всех стало очевидным, что политическая борьба стала неизбежной. Решают перейти к политической агитации, но и при этом переходе значительная часть организаций не отказалась от своей хвостистой тактики. В политической агитации выставлялись лишь те политические требования, которые непосредственно вытекали из экономической борьбы: свобода стачек, ограничение административного произвола и т. п. Как и в период чисто экономического движения, в это время не существовало общего плана борьбы. Организации ставили своей задачей углублять лишь то, что полусознательно выдвигалось уже самими массами. Во многих организациях получила преобладание теория «стадий». Утверждали, что надо обязательно начинать с требования свободы стачек, после переходить к требованию свободы союзов и т. п. и только уж под самый конец можно будет решиться осторожно подойти к идее общей политической свободы. При этом предлагалось каждой местной организации самостоятельно решать момент перехода к агитации соответствующей «высшей стадии». Отрицая самостоятельное значение политической борьбы, к тому же совершенно не думают о том, что самодержавие конечно не захочет предоставлять отдельные ус-

тупки, т. е. отдельные реформы, что именно для этого необходимо прежде всего сломить всю систему самодержавия. Таким образом, и в этот период в вопросах тактики и организации царил тот же хаос, который мы отмечали в предыдущем периоде.

Отмечая ошибки социалдемократических организаций этого периода борьбы, мы отнюдь не намерены отрицать все значение проделанной ими работы. Наоборот, мы считаем нашей обязанностью отметить, что энергичная пропаганда и агитация местных комитетов почти во всех больших и маленьких промышленных центрах России действительно создали контингент сознательных рабочих, который фактически руководил борьбой самых широких слоев рабочего класса. Но необходимо отметить, что если бы местные комитеты ясно поняли в это время, что их настоящей задачей является выступать в этом движении в качестве классово-сознательных элементов, и сами не преуменьшали этого своего значения, если бы они не старались сами плестись в хвосте жизни, то можно было бы смело утверждать, что движение этого периода было бы гораздо сильнее и планомернее, мы были бы гораздо ближе ко дню последней стычки с самодержавием.

Главной ошибкой деятелей этого периода была та, что они смешивали понятие партии и класса. Исходя из правильной самой по себе мысли, что рабочие массы живо реагируют лишь на те вопросы, которые продиктованы им самой жизнью, местные организации не умели делать правильного вывода из этой предпосылки и попадали в ложное положение, когда им приходилось решать тот или иной практический вопрос. В действительности рабочий класс в общем и целом никогда не представляет собою совершенно однородной массы. Рабочий класс всегда состоит из различных слоев, находящихся на самом различном культурном уровне, в различной стадии понимания своих классовых интересов. Отсюда ясно, что практика жизни выдвигает перед каждым таким слоем совершенно различные вопросы. Именно поэтому местным работникам было так трудно решать вопрос, наступил или нет момент к переходу к политической борьбе. «Все эти затруднения были бы легко превзойдены, если бы мы представили себе ясно, что весь рабочий класс никогда не может совпасть с социал-

демократической партией. Последняя всегда будет лишь авангардом, причем вначале лишь маленьким отрядом рабочего класса» (Плеханов). Местные работники не поняли именно этой истины. В то время как организации еще спорили между собой, наступил ли момент к переходу масс к политической борьбе, в это время во многих местностях России совершенно неожиданно для многих комитетов сами рабочие массы демонстрировали свою полную готовность вступить в эту борьбу.

Могучее развитие рабочего движения, многие одержанные им над правительством победы подняли также оппозиционное настроение и в других слоях русского общества. Давно уже в России не наблюдалось такого оппозиционного настроения, какое обнаружилось весной 1901 года. Это настроение проявилось в студенческих демонстрациях и во всевозможных протестах либерального общества. В течение некоторого, правда очень короткого, времени как бы сошлись на одной борьбе отцы и дети. Начались массовые аресты и высылки, невооруженные демонстранты избивались самым зверским образом. В особенности жестоко действовало правительство в Питере 19 февраля и 4 марта. В эти дни петербургские рабочие не были в состоянии оказать помощь студентам, так как Петербургский комитет не предупредил рабочих о назначенной демонстрации. Но когда весть об уже начавшейся демонстрации и жестоким избиении студентов достигла рабочих кварталов, рабочие двинулись на помощь студентам. Против них были выставлены войска, которые пытались загородить доступ рабочим из рабочих кварталов. Началась битва с солдатами, оказалось много раненых, и только лишь немногим группам рабочих удалось пробиться в город. Рабочие были сильно недовольны комитетом за то, что он своевременно не призвал их на борьбу с правительством. Значительнее и успешнее было выступление рабочих масс в Москве, Харькове и Киеве, где дело дошло до громадных демонстраций рабочих против политического произвола правительства.

Все эти события категорически выдвинули перед русскими организациями вопрос — либо выступить в качестве авангарда уже готового к политическим боям рабочего класса и, следовательно, для этого объединиться в органи-

зованную, строго централизованную партию, или же, как прежде, плестись в хвосте событий и безмолвно наблюдать за тем, как рабочий класс пойдет на поводу радикальной буржуазии. Отдельные местные организации начали понимать, что для того, чтобы стать пролетарской партией, надо окончательно бросить ту тактику, которая учила медленно ползти за стихийным сознанием рабочих масс, что, наоборот, следует избрать новую дорогу, надлежит идти всегда впереди масс, имея в виду классовые интересы всего пролетариата.

Идеологическим представителем хаоса практической работы русских социалдемократических организаций выступал журнал «Союза русских социалдемократов за границей»⁸— «Рабочее Дело».⁹ Особенно ясно вытекал хвостизм в статьях гг. *Кричевского* и *Мартынова* в № 10 «Рабочего Дела», вышедшем в сентябре 1901 года. В этих статьях, вышедших как раз накануне съезда, который должен был объединить всех живущих за границей русских социалдемократов, редакция «Рабочего Дела» делает попытку как можно яснее формулировать свою точку зрения. Соглашаясь с необходимостью перехода к широкой политической агитации и соответственно с этим соглашаясь с необходимостью создания организованной политической партии, редакция в то же время предполагает, что тактика этой партии должна основываться на следующих принципах: в пролетарском движении, несмотря на громадную роль, которую играет в нем классовое сознание борцов, тем не менее в решающие моменты, не только во время революций, но и в повседневной борьбе, преобладающее значение должно быть отведено стихийному движению масс. Поэтому задачей авангарда рабочего класса, т. е. партии, должно быть ускорение объективного, т. е. стихийного, движения, но никоим образом не попытки изменения его субъективными планами. Отсюда редакция «Рабочего Дела» делает вывод, что было бы безумием пытаться выработать тактический план, предрешающий на определенный промежуток времени основы борьбы. Не авангард пролетариата навязывает всему классу вытекающие из общих принципов научного социализма задачи, но, наоборот, доминирующее значение должно остаться за стихийным движением масс. Авангард рабочего класса не может, по ее мнению, создавать

условия проведения плана, основанного на соотношении общественных сил и степени сознательности рабочих масс.

Вообще «Рабочее Дело» было убеждено, что тактика должна быть чем-то текучим, чем-то находящимся в вечном процессе развития тактических задач, чем-то, что можно изменять каждые двадцать четыре часа в зависимости от того или другого события.

Именно эти взгляды помешали собравшемуся в октябре 1901 г. съезду русских заграничных социалдемократов¹⁰ закончиться объединением. Перед этим съездом была созвана конференция, заседавшая в июле 1901 года¹¹. На ней присутствовали следующие организации: «Союз русских социалдемократов за границей», Заграничный комитет Еврейского рабочего союза, группы «Искра»¹², «Заря»¹³, «Социалдемократ»¹⁴ и «Борьба»¹⁵. Конференция выработала следующие пункты соглашения:

1) Признавая основные принципы научного социализма и действуя солидарно с международной революционной социалдемократией, мы решительно высказываемся против всякой попытки внесения в какой бы то ни было форме оппортунизма в классовую борьбу пролетариата, т. е. высказываемся против попыток, выразившихся в так называемом экономизме, бернштейнианстве, милеранизме и т. и.

2) Заявляя свою солидарность с манифестом 1898 г. РСДРП и с основными традициями русской социалдемократии, мы признаем, что ближайшей задачей рабочего класса России является низвержение самодержавия как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения.

3) Условия исторического развития России выдвигают перед РСДРП, стоящей на почве классового движения пролетариата, задачу вести борьбу с самодержавием во главе всех угнетенных слоев населения.

4) Мы считаем необходимым, чтобы во всей своей практической деятельности наша партия руководствовалась следующими основными тактическими положениями:

а) Во всех сферах организационно-агитационной деятельности социалдемократия не должна ни на минуту упускать из виду ближайшую политическую задачу русского пролетариата — свержение самодержавия.

б) К развитию политического и социалистического самосознания рабочего класса следует стремиться путем агитации не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом, но и на почве общего положения пролетариата и массы населения в современном государстве и обществе.

в) Не признавая, что социалдемократия в своей агитации могла

приступить к постановке общих политических задач только после того, как пролетариат предварительно пройдет стадию чисто экономической борьбы и борьбы за частичные политические требования, мы находим, что общее содержание социалдемократической агитации должно всегда определяться только общим социально-политическим положением рабочего класса и основными положениями социалдемократической программы».

Съезд ни к чему не привел. «Рабочее Дело» не хотело признать эти принципы или, вернее говоря, оно считало, что нет никакой разницы между этими принципами и теми, которые оно проповедует. Потребовалась еще большая работа, пока эти основные принципы стали общественным достоянием партии. Эту работу проделала «Искра».

II. ИСКРОВСКИЙ ПЕРИОД

Хотя социалдемократы России уже в 1898 г. прокламировали объединение в партию, это объединение оставалось еще в 1900 г. чисто символическим. Каждая социалдемократическая организация работала на свой собственный лад, сношения между отдельными группами происходили в виде нерегулярных отчетов, которые доставляли отдельные организации соседним организациям, и в очень редких случаях в виде взаимных услуг между соседними организациями. В полном соответствии с этой организационной расчлененностью партии наблюдался полнейший разброд в толковании программы и тактических вопросов. В вопросах тактики мы видим целую гамму различных оттенков, начиная от чистого бернштейнианства до чистого революционизма. Все растущее рабочее движение и непрерывный подъем революционного настроения пролетариата России все менее могли мириться с таким идейным разбродом. В рядах социалдемократов России, в одинаковой степени среди рабочих и интеллигентов, непрерывно росло число тех товарищей, которые требовали основательного пересмотра теоретического багажа партии и которые настаивали на том, что под практическую работу необходимо подвести широкую теоретическую базу. Лихорадочные поиски новых путей привели к благоприятному выходу. В конце 1900 г. за границей начинает выходить газета «Искра». В редакцию «Искры» вошли лучшие теоретики

социалдемократии России. Газета эта была призвана сыграть колоссальную роль в истории российского рабочего движения. Она вывела социалдемократическую партию России из темных закоулков кружковщины и теоретической беспомощности на широкую прямую дорогу общепартийной работы, основанной на твердом фундаменте революционной социалдемократии. Для того, чтобы понять сущность великой перемены, совершенно преобразившей в течение последних четырех лет РСДРП, необходимо тщательно изучить идейную работу «Искры», с одной стороны, и практику рабочего движения, которое выдвигало перед партией все новые и новые, все более сложные задачи, — с другой.

В то время как «Искра» ставила своей целью создать могучую единомыслящую социалдемократическую партию, перед ней стояла задача прежде всего окончательно покончить с хаосом мнений, царящим в рядах русских социалдемократов. Поэтому «Искра» с первых же своих номеров начинает страстную полемику против экономистов, принижающих задачи русских социалдемократов, против их преклонения перед стихийным процессом рабочего движения (теории «стадий»), против игнорирования задач политической борьбы.

«Не следует забывать, — писала «Искра», — что в наши задачи не входит пассивно обслуживать рабочее движение на каждой его стадии; наша задача — объединить социализм с рабочим движением, поставить перед пролетариатом ясно его конечную цель, выработать в нем его интеллектуальную и политическую самостоятельность. Социалдемократия, которая не хочет оставаться таковой только по имени, не может удовлетвориться чисто тред-юнионистской политикой. Она должна привести рабочий класс к свободной демократии, как единственно верному пути к диктатуре пролетариата, которая освободит его окончательно от всякой современной капиталистической эксплуатации».

Весной 1901 г. в России наступили события, которые блестяще доказали, насколько «Искра» была права, говоря о готовности пролетариата вступить в борьбу с самодержавием. Весной 1901 г. во всех университетских городах рабочие по собственной инициативе поддержали политический протест русских студентов. Это выступление пролетариата было настолько энергично, что очень скоро студенческий протест превратился в протест рабочего класса против

полицейского произвола. Рабочие демонстрации застали врасплох большинство местных организаций. Русские социалдемократы оказались не в состоянии стать во главе революционного пролетариата, совершенно потеряли голову и вообще оказались в этот важнейший момент политического пробуждения рабочего класса неспособными быть вождями пролетариата. События 1901 г. сыграли большую роль в истории социалдемократии России. «Искра» тогда писала: «Мы, сторонники революционной политической борьбы пролетариата, в праве торжествовать: российский пролетариат доказал своим близоруким друзьям, что наша точка зрения, которую мы отстаиваем, совершенно верна. Не считаясь совершенно с своими вождями, пролетариат бросился в бой, как только увидел, что радикальная часть нашего общества серьезно решила померяться своими силами с силами правительства. Этого факта нельзя замолчать, волей-неволей приходится с ним считаться. И русской социалдемократии в ее практической деятельности придется считаться с ясно обнаружившимся стремлением рабочих масс принять активное участие в освободительной борьбе всей русской демократии» (№ 3, «Бурный Месяц»).

Таким образом, вопрос о политической пролетарской борьбе стал практическим вопросом сегодняшнего дня. Политическое демонстративное движение выдвинуло перед социалдемократами России ряд новых сложных задач. Бесплодными были признаны утверждения экономистов об антагонизме интересов буржуазии и пролетариата, о буржуазном характере современного русского правительства. Все эти трюизмы экономистов оказались недостаточными, чтобы выяснить действительное отношение пролетариата к буржуазии и к правительству. Потребовался новый, более глубокий анализ современных отношений в русском обществе, и «Искра» дала такой анализ. «Интересы абсолютизма, — говорила она, — только в известных условиях могут быть идентичны с интересами буржуазных классов, и притом не всех буржуазных классов, но с определенными слоями последних». Самодержавие, с одной стороны, предоставляло буржуазии возможность грубейшим образом эксплуатировать рабочих, с другой стороны — создавало громадные препятствия на пути к развитию

производительных сил, главным образом тем, что отстаивало пережитки крепостного права. С одной стороны, самодержавие поддерживало промышленность непрерывным ростом охранительных пошлин, а с другой стороны, всей своей внутренней политикой оно все более разоряло миллионы крестьян и понижало их покупательную способность. Защита интересов буржуазии в рамках полицейского государства так часто переходила в произвол бюрократии, в такие вакханалии белого террора, что в конце концов сама защита становилась опасной для буржуазии. Таким образом, правильно понятые интересы буржуазии в целом ряде случаев делают ее враждебной к ее самодержавному защитнику. Этим создается возможность совместного действия между буржуазией и пролетариатом в их борьбе против общего врага — русского правительства. Российский пролетариат должен использовать эту возможность, чтобы наискорейшим образом ликвидировать самодержавную форму правления. Пролетариат должен поддерживать те политические протесты буржуазных классов, которые направлены к демократизации государственного порядка. Пролетариат должен взять на себя функцию вождя всего демократически-революционного движения.

В целом ряде статей «Искра» выяснила, что пролетариат должен стать во главе всероссийского революционного движения. Он должен во имя своих классовых интересов составить основное ядро революционного движения. От того, удастся ли ему уже сейчас сделаться вождем современного революционного движения, целиком зависит решение вопроса об его участии в политическом руководстве будущей революционной России. В то время как «Искра» последовательно проводила только что приведенную точку зрения, она систематически знакомила своих читателей с каждым новым преступлением самодержавного правительства и с каждым новым проявлением буржуазного протеста. На анализах конкретных примеров воспитывала «Искра» самосознание русских рабочих, расширяла их политический горизонт. Но, призывая рабочий класс к активной поддержке каждого демократического направления русского общества, «Искра» никогда не забывала подчеркивать классовую точку зрения. Она всегда оттеняла, что союз пролетариата с буржуазными классами возможен

только в узких рамках борьбы за свержение самодержавия, этого самого тяжкого и наиболее опасного наследия буржуазной России. Предстоящая революция будет буржуазной революцией. Падение старого порядка будет не заключительной сценой, а только «прологом больших социальных битв. Демократия не уничтожит классовых противоречий нашего общества, она их наново разовьет и доведет их до их конца». Поэтому задача социалдемократии России не может ограничиться только тем, что она призывает рабочий класс к политической борьбе. Всякая попытка стрижания классовых противоречий в нашем современном обществе была бы изменой делу пролетариата. Только сознание противоположности классовых интересов предоставит рабочему классу гарантию от политической эксплуатации со стороны буржуазии. В ходе политической борьбы российский пролетариат должен проводить в жизнь свою классовую программу, а для этого он должен создать свою политическую пролетарскую партию. Эта партия должна быть настолько единой, настолько мощной, чтобы быть в состоянии после свержения самодержавия завоевать в будущей свободной буржуазной России максимум политического значения в свободных политических учреждениях. Основной мыслью «Искры», которую она всячески подчеркивала, было, что политическая свобода является необходимой предпосылкой для борьбы за социализм.

Все события текущего дня, всю повседневную работу социалдемократической партии, начиная от поддержки партии в повседневной экономической борьбе рабочих с капиталистами до руководства политическими массовыми демонстрациями, «Искра» расценивала только с точки зрения влияния этих событий на рост классового самосознания пролетариата, с точки зрения расширения его политической мощи и, в конечном счете, с точки зрения конечной цели рабочего движения. Для «Искры» будущая революция расценивалась под углом зрения замены буржуазных производственных условий социалистическими.

Как один из многочисленных примеров последовательного проведения «Искрой» ее точки зрения можно привести помещенный в № 47 «Искры» упрек Костромскому комитету, который недостаточно резко подчеркнул в своей прокламации разницу между предстоящей буржуазной

политической революцией и революцией социалистической. «Искра» указывала, что эту разницу необходимо всегда ясно оттенять, что необходимо всегда подчеркивать конечную цель пролетарского движения, т. е. переход всех средств производства в общую собственность. Наша задача — пользоваться каждым случаем, чтобы напомнить об этой конечной цели рабочим. Мы должны говорить о ней при каждом случае столкновения труда с капиталом, при каждом случае, когда рабочий начинает задумываться над причинами своего подчиненного положения в современном обществе. Как бы ни было важно выяснять рабочим великое значение политической свободы, но мы никогда не должны забывать, «что экономическое освобождение рабочего класса является той великой целью, которой должно быть подчинено всякое политическое движение как средство». И мы затрудним понимание этой важной для каждого рабочего истины, если мы в наших книгах, брошюрах и прокламациях будем отодвигать конечную цель и ставить на первый план средства.

Именно, чтобы воспитать рабочие массы в принципах пролетарского социалдемократического мировоззрения, «Искра» начала страстную полемику против экономистов, социалистов-революционеров¹⁶, сторонников «Освобождения»¹⁷ и вообще против всех тех направлений, которые пытались замазывать пропасть, отделяющую пролетариат от буржуазии. Все, что писала «Искра», насквозь пропитано идеей, что «только целостное социально-политическое мировоззрение может быть тем цементом, который даст возможность активным силам угнетенного общественного класса образовать политическую партию». «Искра» всегда боролась за чистоту догмы, она грубо срывала маску социализма с буржуазной идеологии, резко отмежевывала себя от всех оппортунистических группок, которые делали попытки при помощи фраз о социальных реформах обойти вопрос о социальной революции.

Между тем быстрый подъем рабочего движения вызвал к политической жизни непролетарские элементы русского общества. Прогрессивные слои русской буржуазии снова пробудились после десятилетнего сна и начали снова мечтать о политической свободе. В качестве рупора политических идей русских либералов появился издаваемый

Струве журнал «Освобождение». Сначала «Искра» приветствовала появление нового журнала как симптом политического пробуждения русской буржуазии. Но очень скоро стало ясно, что «Освобождение» попытками затушевывания классовых противоречий в современной России, а с другой стороны — социалистической фразеологией маскирует свои буржуазные тенденции, фактически пытается подчинить политическую борьбу пролетариата интересам имущих классов. Кроме того, приспособляясь к половичатости, нерешительности русских либералов, «Освобождение» не звало своих читателей на путь революционной борьбы, а, наоборот, само все более и более скатывалось на болотистый путь политиканства, заигрывания с правительством, к пропаганде умеренности. Чем более выяснялась позиция «Освобождения» как позиция антидемократическая, антиреволюционная и чисто буржуазная, тем резче выявляла «Искра» перед пролетариатом истинный смысл прокламированной этим журналом надклассовой точки зрения. «Искра» начинает резко клеймить попытки обмануть революционный пролетариат и выясняет всю бесплодность либеральных попыток выторговать у самодержавия политическую свободу ценою отказа от борьбы. Предостерегая рабочий класс от вредных идей либерального «Освобождения», «Искра» в то же время приглашала все демократические слои русского народа примкнуть к революционной борьбе пролетариата против абсолютизма.

Разоблачение «Освобождения» не могло представить больших затруднений. Его классовые симпатии были покрыты чересчур легким флером народолюбивых фраз. Но тем труднее была задача с разоблачением истинной сущности социалистов-революционеров в лице их партийного органа «Революционная Россия»¹⁸. Этот орган вел пропаганду беспощадной революционной борьбы с самодержавием при помощи террора и вооруженных сопротивлений. Он проповедывал полное единение всех трудящихся слоев русского населения. Все это было прикрыто социалистической фразеологией и, конечно, не могло не оказывать влияния на многих рабочих. И, тем не менее, по своей сущности социалисты-революционеры в современной России являются идеологами не пролетариата, а мелкобуржуазных слоев. Поэтому неправильная оценка их классовых позиций

и переход в их ряды целого ряда рабочих грозят отклонить русский рабочий класс от социалдемократических принципов. «Революционная Россия», наряду с радикальными и последовательно демократическими требованиями в области политики, в социально-экономической части своей программы отстаивает и идеализирует отжившие формы производства и пытается консервировать такие общественные отношения, возникшие на почве натурального хозяйства, которые предполагают экономическую самостоятельность производителей. В этом отношении их стремления реакционны, они стремятся повернуть колесо истории назад. Отличительным признаком социалистов-революционеров является их бросающаяся в глаза беззаботность насчет теоретического обоснования их программы. С одной стороны, они смотрят на ортодоксальный марксизм как на сектантскую догму, как на прокрустово ложе для живой действительности, стоят на точке зрения критиков Маркса и в то же время продолжают называть себя марксистами, которые борются с узкостью и нетерпимостью ортодоксальных марксистов.

Широта взглядов и терпимость социалистов-революционеров завели их настолько далеко, что их теория является эклектическим хаосом социалдемократических, анархических и старых народнических взглядов. Считая себя сторонниками социально-экономической доктрины Маркса, они не только отрицают необходимость быстрого роста крупной промышленности, но и до сих пор мечтают о том, что при известных условиях ныне фактически отживающие мелкие предприятия смогут не только выдержать конкуренцию с крупными предприятиями, но и смогут победить их при помощи артелей. Социалисты-революционеры полагают, что марксовская теория подлежит еще многим ограничениям и изменениям, поскольку она объясняет крупно-фабричное производство, но в вопросах сельскохозяйственной промышленности теория Маркса совершенно не применима.

Мы не будем здесь излагать аграрную программу социалистов-революционеров, но скажем лишь кратко, что в своей критике Маркса социалисты-революционеры идут за Давидом, Гере и им подобным ревизионистам. Но они идут гораздо дальше этих критиков, скатываются к чисто-

му утопизму, изображая при этом нашего крестьянина социалистом по природе своей. Они утверждают, что они представляют интересы и стремления всего трудящегося народа; к этому трудящемуся населению они причисляют фабричного рабочего, сельского батрака, мелкого крестьянина, владельца маленького клочка земли, мелкого предпринимателя, ремесленника, торговца. По их представлению, все эти слои населения составляют единый класс, а над всем этим классом, как божий дух над землей, парит интеллигенция, которая, по их мнению, совершенно чужда буржуазной классовой идеологии и которая во всей своей деятельности руководится исключительно этическими принципами.

Понятно поэтому, что «Искра» была вынуждена начать решительную борьбу против этого учения, выросшего на почве мелкобуржуазной психологии. И действительно в ряде статей «Искра» систематически боролась против всех положений теории социалистов-революционеров и разоблачала путаницу и непоследовательность их программы. Особенно много статей посвятила «Искра» вопросу о социальном положении русского крестьянства и освещению вопроса об отношении крестьянства к пролетариату. Ничего не говорящей фикции социалистов-революционеров о трудовом крестьянстве «Искра» противопоставила марксистский анализ русской деревни. «Искра» доказала, что капиталистическая эволюция уже давно расчленила когда-то однородное сельское население. В современной русской деревне мы находим теперь крепкое ядро сельской буржуазии, опирающееся на крестьянские массы, которые отчасти быстро пролетаризируются, отчасти уже превратились в чистых пролетариев. Между сельской буржуазией и сельским пролетариатом уже давно наметилась глубокая пропасть и уже давно ведется решительная борьба. В задачу социалдемократии должно входить — осветить эту борьбу с классовой точки зрения. По мнению «Искры», социалдемократия не выполнит своей задачи, если она не растолкует сельскому пролетариату, что единственным средством освободиться от капиталистической эксплуатации для него является совместная работа и борьба с городским рабочим. Только при посредстве интернационального пролетариата, добывающегося социалистического порядка, при котором

земля станет общественной собственностью, произойдет полное освобождение крестьянства.

«Искра» призывала социалдемократов России употреблять все усилия, чтобы вовлечь сельского батрака в пролетарскую армию. Но наряду с этой социалистической работой «Искра» призывала не забывать и другую задачу, задачу чисто демократическую по отношению к крестьянам. «Наш крестьянин страдает не только и не столько от капиталистического гнета, как от кабалы помещиков, от пережитков крепостного права. Беспощадная борьба против этих пут, сильно затрудняющих положение крестьянства и парализующих его силу, не только возможна, но и неизбежна в интересах всей России». Вопрос о полном уничтожении всех остатков периода крепостничества, искоренении духа сословного неравенства из всех учреждений русского государства становится сейчас общей национальной задачей, и партия, которая претендует на роль вождя в борьбе за свободу, не может отказаться от разрешения этого вопроса. Наша задача — доказать, что все это является продуктом классовой кабалы крестьянства, что правительство является верным защитником интересов класса угнетателей. У крестьянства не должно быть никаких надежд рассчитывать на какую бы то ни было помощь со стороны правительства, и всякий, кто мечтает честно и серьезно радикально улучшить положение крестьянства, должен призывать крестьян к борьбе за политическую свободу. Формулируя таким образом задачу российской социалдемократии, «Искра» пользовалась каждой возможностью разоблачать авантюристические планы социалистов-революционеров и разоблачать их реакционный и утопический характер.

Весной 1902 г. русский крестьянин предъявил обществу свой вексель, писанный веками кровью и слезами. На юге России вспыхнули аграрные беспорядки, возбудившие всю Россию. Реакционная печать забила в набат и с бешенством требовала от правительства примерного наказания бунтовщиков. Либеральная буржуазия в земствах, обеспокоенная за участь своих собственных имений, не преминула упрекнуть «безобразничающих» крестьян. Революционеры были огорошены неожиданным появлением крестьян на революционной авансцене и решительно за-

думались над этим новым фактором. Одни находили в нем доказательства социалистической природы крестьян, другие сочли за лучшее замолчать совершенно эти крестьянские беспорядки, представляя их в качестве слепого, стихийного, совершенно бесцельного протеста. Только «Искра» одна дала правильную интерпретацию этого явления, она основательно выяснила симптоматическое значение крестьянских беспорядков. Правда, их непосредственное практическое значение ничтожно. Стихийность и неорганизованность движения легко объясняются бессознательностью крестьян. Именно поэтому «Искра» снова подчеркнула обязанность каждого члена социалдемократической партии внести в сознание крестьянских масс все то, что может сделать их протест действительно грозным, т. е. ввести в сознание масс ясное понимание их социально-политического положения. И действительно социалдемократические комитеты после этих беспорядков начали заводить связи в деревне. Было издано большое количество популярных брошюр, предназначенных для широкого распространения среди крестьянских масс (большим успехом пользовалась среди крестьян написанная Лениным брошюра «К крестьянской бедноте»).¹³ Почти все комитеты начали энергичную политическую агитацию при помощи прокламаций и другой литературы. Они начали учить крестьян, как вести политическую борьбу.

Идя навстречу уже пробудившемуся к политической борьбе пролетариату, «Искра» не ограничивала свою задачу тем, что ясно и определенно выясняла вопрос о пролетарской политической борьбе и о борьбе за окончательное освобождение от капиталистического гнета. «Искра» значительно расширила свою задачу и стремилась разъяснить и навязать русскому рабочему классу идею о том, что он является частью великого целого, частью интернационального пролетариата. Она учила тому, что, только уничтожив все религиозные, национальные, расовые перегородки, только образовав единый международный союз всех рабочих, рабочие получают возможность провести в жизнь свои социалистические идеалы. Именно с этой точки зрения «Искра» оценивала борьбу российского пролетариата с самодержавием. Русское самодержавие, говорила она, является главной опорой международной реакции, является

всеевропейским жандармом. Именно поэтому падение российского абсолютизма не только освободит русского рабочего, но и послужит большим толчком для международного движения. В международных обзорах и в длинном ряде статей «Искра» демонстрировала примеры колоссальных забастовок в Западной Европе, знакомила с могучими боями европейского пролетариата, с их блестящими победами и тяжелыми поражениями, объясняя при этом все преимущества борьбы в условиях западно-европейской жизни с ее политической свободой сравнительно с борьбой русских рабочих в условиях самодержавия. Но в то же время она не забывала подчеркивать, что политическая свобода отнюдь не является открытой дверью, которая непосредственно ведет в социалистический рай. Она постоянно указывала, что в свободной Европе продолжает действовать эксплуатация рабочих буржуазией. Такого рода статьями «Искра» воспитывала в русских рабочих правильную точку зрения на политическую свободу. Одновременно с этим «Искра» знакомила российский пролетариат с фракционной борьбой внутри различных социал-демократических партий, она освещала борьбу оппортунистов с ортодоксами и указывала пролетариату на громадную опасность для социал-демократической партии от внедрения в нее буржуазных идеологов, которые пытаются внутри партии расшатать основные принципы пролетарского мировоззрения.

Проповедь интернационального характера пролетарского движения в рядах РСДРП заставляла «Искру» не ограничиваться только чисто теоретическими статьями. Она была вынуждена прибегать и к резко полемическим статьям, так как ее проповедь благодаря страшной пестроте национального состава России встречала резкое сопротивление у некоторых национальностей. Докапиталистическая эпоха оставила в наследство рабочим разных национальностей России известное недоверие друг к другу. Это национальное недоверие энергично культивировалось различными буржуазно-национальными группами и возводилось ими в принцип. Все эти националистические направления нашли должную оценку на страницах «Искры». Национальному вопросу «Искра» посвятила ряд статей, в которых доказывала весь вред для пролетарской идеоло-

гии националистических тенденций, как чисто буржуазных. В этих статьях она противопоставляла этим тенденциям прогрессивно-пролетарскую идею интернационализма. «Искра» вела бурную полемику против сионизма²⁰, против польской социалистической партии²¹, против кавказских националистов,²² против еврейского Бунда — за последовательный интернационализм. Она добивалась того, чтобы изгнать из партийной программы все федералистические и шовинистические тенденции как продукт влияния буржуазной идеологии. «Искра» писала: «Проклятая история самодержавия оставила нам в наследство большую отчужденность рабочего класса разных национальностей, поработанных именно самодержавием. Такая отчужденность является величайшим злом и величайшим препятствием в борьбе с самодержавием. Мы никоим образом не должны закрепить это зло, увековечить эту ненормальность каким-нибудь принципом партийной обособленности или партийной федерации». Стоя твердо на почве интернационального социализма, «Искра» трактовала националистические тенденции как измену делу интернационального пролетариата.

Выступление российских рабочих на улицу поставило перед социалдемократией России и более широкие задачи, заставило ее критически пересмотреть ее старый арсенал методов борьбы (забастовку, агитацию, пропаганду) и дать оценку нового средства борьбы — демонстрации. Таким образом «Искра» вырабатывала план штурма самодержавной крепости, наиболее рационального и по возможности экономного с точки зрения затраты сил. Несмотря на то, что «Искра» решительно выступала против господствующего в прежнем периоде увлечения экономическими забастовками, она отнюдь не хотела отказаться от руководства экономической борьбой пролетариата, — наоборот, она энергично рекомендовала всем членам партии вести агитацию на почве экономических потребностей рабочего класса руководить возникающими забастовками. Она систематически отмечала каждую достигнутую на этом пути победу рабочего класса, и в то же время она постоянно подчеркивала мысль, что чисто экономическая борьба, даже пышно расцветающая тред-юнионистская политика далеко еще не составляют социалдемократической борьбы.

Забастовки являются лишь одним из оружий революционной борьбы пролетариата. В распоряжении пролетарского класса имеется целый арсенал других, не менее действительных способов борьбы.

Данный «Искрой» анализ относительного значения политической и экономической борьбы сослужил партии большую службу в ее выступлениях против так называемой зубатовской политики. Русское самодержавие с ужасом следило за быстрым ростом политической борьбы пролетариата, с которым не могли справиться самые энергичные полицейские преследования и полицейские мероприятия. Оно с радостью приняло предложение одного из полицейских агентов, бывшего провокатора Зубатова²³. Он предложил противопоставить влиянию на рабочий класс социал-демократической агитации — попытку со стороны правительства поддержать рабочих разрешенными правительством легальными профессиональными союзами. Министерство внутренних дел дошло так далеко на пути, указанном Зубатовым, что не ограничилось только организацией легальных союзов и касс взаимопомощи, но начало также, правда довольно робко, воздействовать на предпринимателей, чтобы заставить их идти на маленькие уступки бастующим рабочим. Некоторые московские профессора, отличающиеся, подобно большинству русских либералов, политической беспринципностью, приняли живое участие в этой полицейской проделке. Они читали доклады на организованных полицейскими шпионами собраниях, в которых пропагандировали мысль о легальном мирном рабочем движении. В то же время специально подготовленные Зубатовым агитаторы проповедывали в его организациях идею о союзе царя с рабочими, о союзе, направленном против буржуазии и ее идеологов. По словам этих агитаторов, буржуазные идеологи, прикрываясь социал-демократической теорией, проникают к рабочим массам и пытаются использовать их для борьбы за политическую буржуазную свободу, совершенно ненужную в интересах рабочего класса. Зубатову удалось на некоторое время повести за собой отсталые слои рабочих масс. «Искра» и социал-демократические комитеты открыли решительную борьбу против этого своеобразного полицейского социализма, они разоблачили его провокаторскую сущность

и выяснили действительные намерения самодержавного правительства. При этом обнаружилось, что степень классового самосознания рабочих масс оказалась уже в достаточной степени высокой. Данные «Искрой» объяснения быстро распространялись в массе, и временное увлечение отсталых рабочих слоев псевдо-демократической политикой полиции уступило место искреннему возмущению этой политикой.

Быстрое и широкое развитие революционного рабочего движения очень скоро обогнало рост сил революционной социалдемократии. Очень часто обнаруживалось, что стихийно проявляющиеся вспышки пролетарской борьбы оказывались неиспользованными, так как у рабочей партии нехватало вполне подготовленных и сознательных вожаков. «Искре» приходилось часто указывать на это явление, и она постоянно рекомендовала всем членам партии обращать усиленное внимание на расширение политической агитации; она не уставала выяснять смысл этой агитации, и ей, наконец, удалось добиться признания ее принципов всеми местными комитетами и проведения этих принципов в жизнь на местах. В период с 1901 по 1903 г. вопрос о политическом воспитании русского пролетариата путем тщательного обсуждения и разбора всех политических и социальных проблем стал общей задачей всех партийных работников. Насколько такая постановка вопроса действительно отвечала запросам современного рабочего движения, мы легко убедимся из письма простого рабочего с юга России. В этом письме товарищ выражает искреннюю благодарность редакции «Искры», «которая была первой, указавшей нам, рабочим, что мы должны интересоваться не только рабочим движением в узком смысле этого слова, но и всей жизнью и деятельностью всего народа, всего современного общества. Каждая статья «Искры», ее передовицы, статьи из общественной жизни, ее хроника и, что особенно важно, ее иностранное обозрение, каждая ее статья, повторяю я, дают верную картину современности, дают нам ответ на вопросы, которые особенно волнуют нас, рабочих».

Социалдемократическая партия отнюдь не является клубом для разрешения различных интересных вопросов. Она должна стать авангардом борющегося пролетариата.

Указывая пролетариату, куда должна быть направлена его борьба, она должна одновременно научить пролетариат, как он должен бороться. Российский пролетариат в 1901 г. почти инстинктивно набрел на соответствующий способ борьбы, на политическую демонстрацию. Социал-демократии оставались только по возможности шире популяризировать среди рабочих масс идею политических демонстраций, выяснить их значение и выступить в качестве вожака и организатора политических протестов русского пролетариата. Тут предстояла сложная и тяжелая работа. «Искра» так описывает первые демонстрации: «Несколько героев появляются перед толпой, поднимают красное знамя и кричат: «Долой самодержавие!» В большинстве случаев толпа остается пассивной и не примыкает к героям. Именно этим и можно объяснить, что герои бывают вынуждены отступить после первого же нападения полиции. В это время толпа слушает бунтовщические выкрики героев, читает лозунги на красных знаменах, жестокая расправа полиции более или менее сильно возмущает ее, и она более или менее ясно проявляет свое возмущение полицией и свои симпатии демонстрантам; дальше этого дело не шло или шло очень редко». Рисуя таким образом первые демонстрации, «Искра» подчеркивала их отрицательные стороны. Они, по мнению «Искры», проявлялись в пассивном поведении масс и в неумении демонстрантов использовать революционное настроение рабочих. Стоя на точке зрения, что основной целью этих демонстраций является политически воспитывать массы революционными массовыми протестами против самодержавия, «Искра» полагала, что эта цель будет только тогда достигнута, когда сами демонстрации станут проявлением самостоятельности рабочего класса, т. е. если они действительно примут массовый характер. Поэтому «Искра» требовала от социалдемократических комитетов предварительно готовить широкой агитацией пролетариат к активному участию в политических протестах. Далее она указывала на необходимость во время демонстраций произнесения революционных речей, в которых выяснялась неизбежность открытой борьбы против самодержавия и неизбежность решительного противодействия нападающим на демонстрантов полицейским и казакам. Револю-

ционное настроение пролетариата росло настолько быстро, что идея политических массовых протестов, пропагандируемая комитетами, проводится уже в жизнь в конце 1902 г. во время грандиозной политической демонстрации, в которой участвовали все рабочие Ростова-на-Дону. В этом протесте активно участвуют уже десятки тысяч рабочих: все они вышли на улицу, чтобы вывить свой протест против самодержавия и изложить свои требования политической свободы российского народа. Члены социалдемократического комитета выступили с рядом агитационных речей и организовали решительный отпор попыткам казаков разогнать демонстрацию. Демонстрация в Ростове была первой ласточкой. Приблизительно полгода спустя, летом 1903 г., с политическими протестами выступили рабочие всего юга. После грандиозной демонстрации на Кавказе рабочее волнение широко разлилось по всему югу и достигло отдаленнейших захолустных уголков вроде Костромы и Красноярска. Демонстрации эти приняли настолько серьезный характер, что правительство не решилось выступить вооруженной рукой против демонстрантов крупных промышленных городов юга раньше, чем доставило туда значительные военные подкрепления со стороны. Мощь, которую проявил пролетариат в этих демонстрациях, была настолько очевидна, что волей-неволей вся буржуазная печать вынуждена была признать ее. Так, напр., одесский корреспондент «Освобождения» писал: «Были моменты, когда весь город находился в руках рабочих масс, которые представляли собой единую организованную толпу. Толпа все время непрерывной струей текла по улицам, заставляя всех рабочих покидать свои фабрики и мастерские и идти с ней». Об этих событиях «Искра» писала: «После грандиозного движения прошедшим летом демонстративные прогулки небольшими толпами из нескольких сот человек могут иметь значение разве только в самых маленьких захолустных местностях. Там же, где движение стало массовым движением, там демонстрации обязательно должны принять массовый характер. Рабочие массы уже достаточно проявили свое нежелание молчаливо подвергаться полицейским избиениям, поэтому несомненно будет легким делом организовывать массовое сопротивление силам правительства».

Признавая полностью колоссальное значение пролетарского революционного движения, «Искра» отнюдь не желала идеализировать действительность, переоценивать значение происходящих событий. Наоборот, она продолжала оставаться на почве тщательного анализа явлений и говорила: «Наша рабочая масса, которая развивается не по дням, а по часам, еще далеко не созрела для активного политического действия; у нас нет другого средства, чтобы бороться с этим явлением, как то, о котором мы уже не раз говорили и которое вызывало иронические улыбки у многих остроумных людей. Средства эти — агитация и организация, организация и агитация и еще раз агитация и еще раз организация».

Чем сильнее росла мощь российского пролетариата, тем больше росли попытки со стороны социалистов-революционеров отвлечь пролетариат от массовой деятельности на путь террористической индивидуальной борьбы. «Искра» начала беспощадную борьбу против этих попыток. В длинном ряде статей она доказала бесполезность террора и нелепость плана свергнуть самодержавие устрашением его представителей. Именно с точки зрения пролетарских классовых интересов «Искра» самым решительным образом отвергала терроризм; она видела в нем попытку заменить самодеятельность масс деятельностью отдельных героев, она указывала на то, что партии пришлось бы на террористическую борьбу отдать свои лучшие, наиболее энергичные силы и тем ослабить основную задачу партии — дело воспитания пролетариата в принципах социалдемократии. «Искра» утверждала, что только высокий уровень классового самосознания организованного пролетариата даст ему возможность самостоятельно защищать свои классовые интересы. Мы должны признать важнейшей заслугой «Искры» то, что она своей решительной критикой терроризма удержала российских рабочих от очень вредного увлечения.

Трехлетняя работа «Искры» не прошла даром, ей удалось создать идейное единство российской социалдемократии, воспитать классовое самосознание пролетариата, расширить и углубить его борьбу за социалистическую свободу и выработать новые, целесообразные и наиболее действительные методы борьбы рабочего класса.

В заключение нашего изложения основных идей «Искры» мы позволим себе привести несколько конкретных примеров, доказывающих, насколько широко были уже распространены идеи «Искры» в рабочих массах, насколько глубоко они внедрились в руководящие слои пролетариата. В начале 80-х годов тогдашний директор департамента полиции Плеве организовал на юге России первые еврейские погромы. Тогда массы фабричных рабочих принимали участие в погромах, они убивали евреев, разрушали их имущество. В 1903 г. тот же Плеве, в качестве уже министра внутренних дел, пытается вновь организовать такие же еврейские погромы. Цитата из «Искры» покажет нам, насколько вырос за это время русский пролетариат, как многому он уже за это время научился, насколько твердо он уже стоит на классовой точке зрения и ясно представляет себе свои задачи. «В тяжелой, но неизбежной борьбе с погромщиками у евреев не будет более надежного союзника, как сознательный рабочий, к какой бы нации он ни принадлежал. Мы отлично теперь понимаем, для чего нужны полиции натравливания на евреев. Среди последних чересчур много социалдемократов. В руках полиции погромы являются средством борьбы с социалдемократией, и мы все не должны забывать, что это средство может при известных условиях быть одним из наиболее страшных. Социалдемократическое движение является интернациональным движением пролетариата, его членами не могут быть рабочие, которые еще не освободились от расового или национального фанатизма. Понятно, почему реакционеры именно для ослабления социалдемократии всюду стараются прививать бессознательным или малосознательным рабочим национальные и расовые предрассудки. Наш полицейский антисемитизм является лишь наиболее цинической попыткой задержать темными силами рост самосознания пролетариата. Здесь стоит вопрос о самом существовании социалдемократии: если победит антисемитизм, то социалдемократия, как партия сознательного пролетариата, неизбежно погибнет; к счастью, такая победа уже стала невозможной. Русский пролетариат уже достаточно вырос, на него уже не могут воздействовать темные силы реакционеров. Это ясно показали грандиозные забастовки юга России. Во время этого

забастовочного движения мог легко начаться еврейский погром, но он не только не начался, но совершенно наоборот: в Одессе, напр., рабочие успокаивали евреев, говоря им: «Не бойтесь, здесь для вас не Кишинев, мы вас не тронем, для нас безразлично — евреи или христиане». Несомненно, такого рода отношение явилось результатом социалдемократического воспитания. Господа антисемиты пришли чересчур поздно, в крупных промышленных центрах никто не пойдет за ними. И если в Гомеле среди погромщиков замечалось несколько железнодорожных рабочих, то это можно объяснить лишь тем, что в Гомеле отсутствовала организация РСДРП, там работал только еврейский Бунд, который не вел никакой агитации среди русских рабочих. На юге, несмотря на всю провокацию полиции, нигде дело не дошло до еврейских погромов, всюду рабочие заявляли, что они вооруженные придут на помощь евреям против погромщиков.

В течение последних лет российское правительство часто делало попытку вместо прежней практиковавшейся административной высылки отдавать социалдемократов под суд, чтобы при помощи суда отправлять их на каторгу. Уже целый ряд наших товарищей предстал перед судом. Судебные речи обвиняемых еще раз подтверждают, что не только вожди, но и рядовые нашей социалдемократической армии ясно представляют себе задачи движения, что они уже в состоянии правильно анализировать социально-политическую действительность и что они уже вполне сознательно претворяют социалдемократические идеи в жизнь. Так, напр., т. Денисов, простой рабочий, в своем заключительном слове перед Саратовской судебной палатой заявил: «Я — социалдемократ, я убежден в том, что именно только социалдемократия является настоящей, истинной выразительницей интересов пролетариата, и в частности интересов русского рабочего класса. Я считаю своим долгом следовать ее принципам и действовать по ее программе. Социалдемократы проповедают социалистические идеи и убеждены в том, что если эти идеи станут достоянием народных масс, они дадут возможность провести в жизнь такие реформы, которые окажутся полезными не только для рабочих, но и для всего человечества. Чтобы осуществить эти реформы, необходимо народное правительство,

необходима демократия, так как эти реформы окажутся возможными лишь тогда, когда народ все свои надежды сформулирует в виде законов и проведет эти законы в жизнь». В другом городе, Нижнем-Новгороде, рабочий Заломов, участник сормовской демонстрации, заявил на суде после того, как он нарисовал картину ужасного положения русских рабочих: «Чтобы поднять жизнь рабочих на высшую культурную ступень, нам необходимо завоевать право на свободную печать, необходимо завоевать право свободно говорить на собраниях и иметь право принимать участие в законодательстве страны через своих делегатов. Ни одна экономическая победа над предпринимателями не может быть длительной, если она не закреплена законом, именно поэтому я написал на своем знамени «Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода!»

Организация «Искры» поставила себе задачей слить все разрозненные социалдемократические силы не на словах, а на деле в одну единую централизованную партию. По мере того, как социалдемократия ликвидировала период узкого экономизма и выставила перед рабочими широкие политические задачи, а с другой стороны, по мере того, как революционная деятельность переставала быть чисто местной и все более превращалась в общероссийскую, по мере этого возникало в массах все большее стремление к фактическому единству. Движение переросло старые организационные формы. Это несоответствие между формой и содержанием, проявляющееся все чаще и чаще, заставило всех мыслящих товарищей задуматься над вопросом о наиболее целесообразной связи между отдельными организациями. Необходимо было найти форму наиболее целесообразного использования революционного опыта отдельных местных комитетов. Всюду начали серьезно задумываться над образованием твердого ядра партии, над централизацией руководства, над передачей этого руководства вождям, принципиально выдержанным в теории и с богатым практическим опытом. Вопрос об образовании единой централизованной социалдемократической партии выдвигался всюду как важнейший вопрос порядка дня. Идя навстречу этому стремлению, уже в самом начале своей деятельности организация «Искры»

предложила: «Мы убеждены, что исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, должна быть постановка общерусской политической газеты. Нам нужна прежде всего газета, без нее невозможно систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации, которая составляет постоянную и главную задачу социалдемократии вообще и особенно насущную задачу настоящего момента, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробужден в наиболее широких слоях населения. Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием пролетариата и привлечением политических союзников. Газета — не только коллективный пропагандист, коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая главным образом не только местной, но и регулярной общей работой партии, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывая целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уж техническая задача — обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее заставляют создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, призывающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробуя свои силы в тех или других революционных действиях. Эта сеть агентов будет остоном именно такой организации, которая нам нужна, достаточно крупной, чтобы охватить всю страну, достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое детальное разделение труда, достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких поворотах и неожиданностях вести неуклонно свою работу, достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражений в открытом поле с подавляющим своей силой неприятелем, когда он собрал

на одном пункте все силы, а, с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где он всего менее ожидает нападения». Само собой разумеется, что агенты эти смогут только тогда работать с полным успехом, если они в своей работе приблизятся к местным комитетам нашей партии. Вообще весь план свой «Искра» считала возможным провести в жизнь лишь при условии, если местные комитеты окажут ей наиболее активную поддержку. Этот план был очень целесообразен. «Искра» приобретала все больше и больше сторонников. Один комитет за другим заявлял, что он признает «Искру» своим руководящим органом, и вступал в теснейшую организационную связь с ней. В конце 1902 г. можно было считать вопрос о фактической организации партии почти что решенным. Была создана конференция из Петербургского союза борьбы, Центрального комитета объединенных южных комитетов, организации «Искры», Русского и Заграничного комитетов Бунда, Союза русских социалдемократов за границей и некоторых других организаций²⁴. На этой конференции был выбран из представителей отдельных организаций организационный комитет, который поставил себе задачей фактически восстановить Российскую социалдемократическую рабочую партию. Вышедшим в декабре 1902 г. манифестом²⁵ вновь организованный Организационный комитет оповестил, что он ставит своей главнейшей задачей созыв партийного съезда. Работа его протекала настолько успешно и интенсивно, что ему действительно удалось во второй половине 1903 г. созвать второй очередной партийный съезд.

III. ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД

Созванный Организационным комитетом партийный съезд представлял небывалую в практике русского революционного движения картину. Собралось 43 делегата, у которых вместе был 51 решающий голос. Они представляли следующие организации: 1) группа «Освобождение Труда», 2) организация «Искры», 3) Заграничный комитет Бунда, 4) ЦК Бунда, 5) Лига русских революционных социалдемократов за границей, 6) Союз русских

социалдемократов за границей, 7) «Южный Рабочий», 8) Петербургская рабочая организация, 9) Петербургский комитет, 10) Московский комитет, 11) Харьковский комитет, 12) Киевский комитет, 13) Одесский комитет, 14) Николаевский комитет, 15) Ростовский комитет, 16) Екатеринославский комитет, 17) Саратовский комитет, 18) Тифлисский комитет, 19) Бакинский комитет, 20) Батумский комитет, 21) Уфимский комитет, 22) Тульский комитет, 23) Крымский союз, 24) Сибирский союз, 25) Северный союз, 26) Горнозаводский союз. Кроме того, присутствовало 14 товарищей с совещательным голосом. Уже из этого перечисления представленных на съезде организаций ясно, что на нем была представлена действительно вся партия. Не было ни одной фиктивной организации. Как общее правило, право решающего голоса получили лишь те организации, которые фактически активно работали в течение больше года до созыва съезда. Целый ряд комитетов, как, напр., комитеты Воронежский, Самарский, Полтавский, Кишиневский, не были допущены на съезд, потому что они не могли доказать или недостаточно доказывали, что они удовлетворяют этим требованиям. Партийный съезд представлял действительную картину настроений и идейных течений наших практических работников с мест. Решение съезда, таким образом, можно признать фактически решением всей партии, которая насчитывала к этому времени в своих рядах несколько десятков тысяч рабочих и которая идейно влияла на сотни тысяч рабочих, не входящих в организацию. Географически на съезде была представлена вся Россия, от крайнего юга до севера, от запада до пустынного востока, вплоть до Иркутска и Читы. Все местные комитеты с нетерпением ждали решений съезда, выработки общего устава, выбора ЦК, который направлял бы деятельность всей партии. Трехлетняя работа «Искры» не пропала даром. Большинство комитетов, выбирая делегатов на съезд, выражало уверенность, что съезд примет проект программы, выработанный «Искрой», внося в него лишь ничтожные изменения. Принципиально против программы были только несколько человек делегатов, главным образом представители заграничных организаций экономистов и представители Бунда. И действительно съезд принял за основу

искровский проект программы. Мы не будем анализировать этот проект в этой книжке, для этого потребовалось бы чересчур много места. Программа в целом была принята единогласно при одном воздержавшемся — Акимове.

«Товарищи, партия сознательного пролетариата, РСДРП, имеет теперь свою программу. Вопрос, который так долго нас занимал, нами теперь решен. Мы можем теперь с полным правом гордо заявить, что принятая нами программа послужит нашему пролетариату верным и твердым оружием в борьбе со всеми врагами». Этими словами закончил т. Плеханов то заседание, на котором окончательно была принята программа Российской социалдемократической рабочей партии. После этого мы могли действительно гордо заявить, что наша партия действительно существует отныне как нечто целое, неделимое, руководимое одной общей идеей, одними и теми же принципами. Партия, таким образом, была фактически основана. Оставалось только эту принципиально единую партию снабдить жесткими организационными формами, оставалось наряду с программой выработать также и организационный устав. Эта работа была не легка. У нас было много возможностей сравнивать предложенные «Искрой» программные принципы с программами старейших организаций западно-европейского пролетариата. Мы имели возможность на этих более старых программах проверять, насколько искровский проект отвечает принципам революционной социалдемократии и учению научного социализма. С другой стороны, зная хорошо условия жизни России, особенности ее истории и уже ясно наметившиеся тенденции ее развития, нам легко было судить о том, насколько эта программа действительно соответствует русским требованиям. Совершенно иначе обстояло дело с организационным вопросом. В этом вопросе мы не могли использовать опыт западно-европейских товарищей. До нас не было ни одной социалдемократической партии, которая должна была строить свою партийную жизнь при отсутствии каких бы то ни было конституционных гарантий страны.

Нам предстояло решить вопрос, возможно ли вообще создать большую политическую пролетарскую партию с ясно выраженными социалистическими целями в рамках

самодержавной России, при полном отсутствии свободы собраний и союзов и, что еще важнее, при полном отсутствии свободы слова и печати. Вся наша организация сверху донизу должна была быть тайной организацией, и в то же время наша организация, именно как пролетарская организация, должна была быть широкой партией, охватывающей все сознательные и борющиеся элементы рабочего класса. Не имея опыта западно-европейских товарищей, который мог бы быть нами использован, мы тем внимательнее должны были изучить и использовать наш собственный опыт, всю проделанную нами до того работу; всю нашу предварительную организационную историю. В то время, когда в период экономизма русские социалдемократы ограничивали свою задачу борьбой против отдельных фабрикантов, у них, понятно, не могло зародиться потребности в централизованной всероссийской организации. Но как только мы вышли за пределы отдельных фабрик, как только мы перешли к широкой агитации, к демонстрациям и к активному участию в общественной жизни России, тотчас же практика подсказала всем местным работникам, что эта работа удастся нам лишь постольку, поскольку она будет централизованна. Тут резко пробудилась потребность у всех местных работников перестать действовать изолированно, в пределах каждой местной организации, а создать общерусское руководство со стороны Центрального комитета.

Не случайно, что как раз накануне партийного съезда, во время шквала южных забастовок, мы все имели возможность убедиться, что мы уже имеем дело с грандиозной силой, приступившей к революционной борьбе в лице пробудившегося и стремящегося к освобождению от самодержавного ига рабочего класса. Одновременно с этим эти же события на юге ясно показали нам нашу слабость благодаря отсутствию центрального руководства этим движением. Как раз перед съездом почти одновременно возникли политические забастовки в Баку, Киеве, Одессе, Тифлисе, Батуме, Елисаветграде, Николаеве, Екатеринославе и т. д., и в этих забастовках приняло участие несколько сот тысяч человек. Эти забастовки, которые почти стихийно приняли характер политического восстания, ясно показали, что наши местные комитеты, предоставлен-

ные самим себе, оказались не в состоянии правильно решать выдвигаемые жизнью задачи. Почти всюду им пришлось вместо того, чтобы руководить стихийным движением, превратиться в простых исполнителей воли широких рабочих масс. Наши комитеты почти всюду были застигнуты движением врасплох, и это не могло быть иначе. Комитеты Одесский, Киевский, Екатеринославский или Бакинский действовали каждый совершенно изолированно друг от друга. Они могли рассчитывать каждый только на свои собственные силы и средства. У всех у них не было никаких резервов агитаторских, ораторских и технических сил. У них не было резервов, которые в конечном счете решают участь каждой битвы. Хороший агитатор, например, был вынужден заниматься технической работой по печатанию и распространению прокламаций, потому что в ходе событий ясно обнаружилась необходимость прежде всего распространить как можно больше листовок, а печатника у организации не было. Одним словом, все комитеты жаловались на страшный недостаток рабочей силы. Каждый член организации должен был кидаться от одной работы к другой, и, конечно, благодаря этому страдала вся работа.

Южные забастовки так ясно продемонстрировали перед всей социалдемократией России неизбежность и необходимость спешного создания единой централизованной организации. Все члены партии наглядно уяснили себе, насколько прав был т. Ленин, который еще в № 4 «Искры» (в мае 1901 г.) набросал картину организации, необходимой для нашей партии²⁶, картину, которую он развил и дополнил в своей книге «Что делать»²⁷ и в целом ряде редакционных статей. Именно он первый ярко наметил централизованную организацию нашей партии. Громадное большинство делегатов II съезда приехало на съезд с твердым убеждением, что наша партия не может быть организована иначе, как на принципах строгой централизации.

Это убеждение делегатов ясно обнаружилось в начале работ съезда, когда им пришлось решать вопрос о том, может ли быть централизм согласован с национальным федерализмом. Так был поставлен вопрос делегатам со стороны еврейского Бунда, который до того составлял

автономную часть нашей партии. Как всем известно, Россия представляет собою конгломерат бесконечного числа языков, рас, племен и народностей с самым различным историческим прошлым и, что особенно важно, с самыми различными общественными правами в настоящее время. Господствующая национальность (великорусская) занимает по своим правам первое место, еврейская национальность является самой бесправной. Между этими двумя крайностями расположены финляндцы, армяне, поляки, грузины, литовцы, латыши, татары и т. д.

Делегаты еврейского Бунда остро поставили этот вопрос, выдвинув проект ²⁸ федеративного по своей сущности договора со всей партией. Параграф 2 их проекта гласит: «Бунд является социалдемократической организацией еврейского пролетариата, не связанного своей деятельностью никакими географическими границами, и вступает в партию как единственный представитель еврейского пролетариата». В § 8 значится: «Обращение к еврейскому пролетариату со стороны других частей партии допускается лишь с разрешения ЦК Бунда». Параграф 11: «В случае необходимости ЦК партии имеет право вступить в переговоры с отдельными частями Бунда, но лишь с разрешения ПК Бунда. Как должны производиться эти сношения, об этом в каждом отдельном случае решает ЦК Бунда». Принять такую форму договора с еврейским Бундом значило бы признать федералистический принцип организации. После этого пришлось бы признать, что вся Россия должна быть поделена на большое число мелких организаций, очень слабо и очень непрочно друг с другом связанных. Ясно, что эти организации постоянно сталкивались бы друг с другом. Принимая во внимание смешанный состав населения России и тот факт, что нигде отдельная народность не живет одна в определенном месте, что все народности переплетаются друг с другом, становится совершенно ясным, что признание бундовского принципа было бы равноценным увековечиванию старого хаоса и разброда, которые уже нанесли партии так много вреда. Громадное большинство наших делегатов стало на ту точку зрения, что нет никакой необходимости создавать особые представительства еврейской и других национальностей. Особенно после включения в нашу программу пунктов, предо-

ставляющих угнетенным народностям все гарантии в том, что их интересы, как интересы всего рабочего класса в целом, без различия рас и национальностей, должны защищаться всей партией.

Параграфы эти нашей программы следующие:

§ 3. Широкое местное самоуправление, областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения.

§ 5. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.

§ 7. Уничтожение сословий и полная равноправность всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности.

§ 8. Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных, общественных и государственных учреждениях.

§ 9. Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства».

Съезд единогласно, против пяти представителей Бунда, принял резолюцию, резко осуждающую предложенный Бундом федералистический принцип.

Следовательно, мы видим, что съезд уже в самом начале своих работ решительно высказался за строгую централизацию как за единственную основу, на которой должна строиться партия. Чтобы показать, как понимало преобладающее большинство делегатов принципы централизации, я процитирую речь т. Ленина по этому вопросу на съезде: «Федерация вредна, ибо она узаконяет особенность и отчужденность, возводит их в принцип и закон. Между нами действительно существует полная отчужденность, и мы не узаконять ее должны, не прикрывать фиговым листком, а бороться с ней, мы должны решительно признать и заявить необходимость твердо и неуклонно идти к теснейшему единству»²⁹... «Перехожу к вопросу об автономии: т. Либер (делегат Бунда) говорил, что федерация есть централизм, а автономия — децентрализм. Неужели т. Либер считает членов съезда за шестилетних ребят,

которых можно угощать такими софизмами, неужели не ясно, что централизм требует отсутствия всяких переговоров между центром и самыми отдаленными, самыми захолустными частями партии? Наш центр получит безусловное право доходить непосредственно до каждого отдельного члена партии. Бундовцы посмеялись бы только, если бы им кто-либо предложил внутри Бунда такой централизм, чтобы ЦК Бунда не мог сношаться со всеми ковенскими группами и товарищами иначе, как через посредство Ковенского комитета. Кстати о комитетах: т. Либбер восклицал с пафосом: «К чему говорить об автономии Бунда как подчиненной одному центру организации, — ведь не дадите же вы автономии какому-нибудь Тульскому комитету»; ошибаетесь, т. Либбер, мы безусловно и непременно дадим автономию и какому-нибудь Тульскому комитету в смысле свободы от мелочного вмешательства центра, причем, разумеется, обязанность подчинения центру остается. Я взял слово «мелочное вмешательство» из бундовского листка «Автономия или федерация». Бунд выставил эту свободу от мелочного вмешательства как пункт условия вхождения в партию. Неужели Бунд думает, что партия допустит существование центра, который мелочно вмешивался бы в дела какой бы то ни было организации или группы партии?»³⁰ Этой речью т. Ленин ясно и определенно формулировал основную мысль нашего устава: централизация во всех вопросах, касающихся всей России, автономия местных и окружных организаций во всех местных делах.

Еще до съезда организационный план Ленина, послуживший основой нашего партийного устава, считался всей партией организационным планом, поддерживаемым полностью редакцией «Искры». Приблизительно за год до съезда в письме «К товарищу»³¹ Ленин писал: «Газета может и должна быть идейным руководителем партии, она должна развивать теоретические истины, тактические положения общей организационной идеи, общие задачи всей партии в тот или другой момент. Непосредственным же практическим руководителем движения может быть только особая центральная группа (назовем ее хоть ЦК), сносящаяся лично со всеми комитетами, включающая в себе все лучшие революционные силы всех русских социалде-

мократов и распоряжающаяся всеми общепартийными делами, как то: распределение литературы, издание листков, распределение сил, назначение лиц и групп для заведывания особыми предприятиями, подготовка общерусских демонстраций и восстаний и т. д. При необходимости строжайшей конспирации и охраны преемственности движения у нашей партии могут и должны быть два руководящих центра: ЦО (Центральный орган) и ЦК (Центральный комитет). Первый должен руководить идейно, второй — непосредственно и практически. Единство в действии и необходимая солидарность между этими группами должны быть обеспечены не только единой программой партии, но и составом обеих групп (надо, чтобы в обеих группах, и в ЦО, и в ЦК, были вполне спевшиеся между собой люди) и учреждением регулярных и постоянных совещаний между ними. Только тогда, с одной стороны, ЦО будет поставлен вне действия русских жандармов, и ему будет обеспечена выдержанность и преемственность, а, с другой стороны, ЦК будет всегда солидарен с ЦО во всем существенном и достаточно свободен для непосредственного распорядительства всей практической стороной движения». «Все искусство конспиративной организации должно состоять в том, чтоб использовать все и вся, дать работу всем и каждому, сохраняя в то же время руководство всем движением, сохраняя, разумеется, не силой власти, а силой авторитета, силой энергии, большей опытности, большей разносторонности, большей талантливости». Во главе местного движения стоит местный комитет, ему подчиняются все местные учреждения и филиальные отделения в виде сети исполнительных агентур, которые по возможности непосредственно соприкасаются со всей рабочей массой. Все эти агенты входят в состав районных групп и заводских комитетов. В мирное время вся эта организация распространяет литературу, прокламации и конспиративные отчеты комитета. В боевое время вся организация готовится и руководит демонстрациями и другими коллективными действиями. Комитет организует также целый ряд обслуживающих все местное движение специальных групп (пропагандистов, транспортеров, печатников и других конспиративных работников).

Наша партия благодаря особенностям **российской** жизни,

благодаря тому обстоятельству, что она является подпольной партией, вынуждена иметь два центра, из которых один является теоретическим вождем и в то же время хранителем принципов революционной социалдемократии и преемственности наших революционных традиций. Именно поэтому он должен быть особенно защищен от возможности преследования со стороны русской полиции. Практический руководитель партии, ЦК, должен обязательно быть в России, он должен тесно соприкасаться со всем местным движением. Чтобы иметь уверенность полной согласованности действий между нашими центрами, нам необходимо иметь все гарантии полной солидарности членов ЦК и ЦО по всем основным и принципиальным вопросам. Теоретическое и практическое руководство мы вынуждены отделять друг от друга не потому, что практик не может быть теоретиком, а только потому, что такого рода разделение труда в наших центрах диктуется неустрашимыми требованиями конспиративного характера. Наш центральный орган не может издаваться в России, там он постоянно подвергался бы опасности провалиться, там партия была бы вынуждена благодаря этому чересчур часто менять персональный состав редакции. Каждая смена редакции неизбежно вызывала бы то или иное уклонение, то или иное изменение в принципиальных вопросах. Наш ЦК вынужден быть в России, так как невозможно за пределами России практически руководить движением, не рискуя каждую минуту утратить связь с местной работой.

Но плодотворная работа была бы невозможна, если бы ЦК не был органически связан с Центральным органом. Эта органическая связь, принимая во внимание частые провалы и благодаря этому изменения в составе ЦК, гарантируется лишь тем, что в ЦК и ЦО попадают исключительно товарищи, стоящие на совершенно одинаковой принципиальной точке зрения. Отсюда с логической необходимостью вытекает требование создания Партийного совета, на который возлагаются функции высшего партийного учреждения, согласующего и объединяющего деятельность ЦО и Центрального комитета. Отсюда же следует взаимный контроль при кооптации новых членов в наши центры и требование единогласия при кооптации. От одного съезда до другого наши партийные центры должны твердо стоять

на выработанной съездом позиции по всем тактическим вопросам. Личный состав наших центров должен полностью отвечать большинству избравшего их съезда. Именно поэтому партийные центры, ответственные перед съездом, должны быть совершенно единомыслящими организациями, и в них никоим образом не может получить преобладающее значение направление, оставшееся в меньшинстве на съезде. При этом нас отнюдь не должна пугать мысль, что созданные таким образом центры могут принять теократический характер. Это уже потому невозможно, что свободно избранный всею партией съезд после известного периода времени, не позже как через два года, имеет право и возможность радикально изменить состав наших центров, если только он убедится, что их направление благодаря их замкнутости отстало от общего развития движения и перестало уже отвечать направлению партийного большинства. Партийный съезд дает партии гарантию в том, что теоретические и практические вожди действительно отвечают принципам всей партии. Кроме того, гарантией против замкнутости и окостенения наших центров служит то, что им, как и всем другим партийным организациям, предоставлено право кооптации.

В полной согласованности с такого рода строением партийных центров должно было, по мнению организационного плана Ленина, быть воздвигнуто все организационное строение партии. Во главе каждой местности (крупного города или губернии) стоит местный комитет, которому в рамках местной работы предоставлены все прерогативы и обязанности, которые предоставлены ЦК во всероссийском масштабе. Каждый комитет, каждая партийная организация автономны в своей работе. Местный комитет должен преимущественно состоять из профессионалов-революционеров, которые посвятили себя целиком революционному делу, которые не имеют никаких личных или семейных связей, могущих помешать им в работе, затруднить их легкоподвижность в перемене места жительства. Условия конспирации требуют от таких революционеров очень часто менять и место жительства, и свое имя, и даже партийную кличку. Его может знать лишь узкий круг товарищей, с которыми он входит в непосредственное соприкосновение. Члены комитетов занимают передовые посты в

нашей борьбе. От их конспиративности, от их умения работать, оставаясь незаметными для тех, среди которых им приходится работать, от их умения скрывать свою принадлежность к комитетам зависит продолжительность их работы, а следовательно и их воздействие на остальных работников.

Уже одно это условие делает совершенно невозможным свободный выбор членов комитета подчиненными им организациями. Эти организации не должны знать, как именно выполняется работа внутри комитета. Они не должны знать, является ли та или другая работа продуктом коллективного или индивидуального труда. Они не имеют права знать, является ли товарищ, связывающий их с комитетом, членом комитета или простым посредником. Ясно поэтому, что прием новых членов комитета может происходить исключительно кооптацией и никоим образом не посредством выборов подчиненными организациями. В случае провала и ареста всего комитета только один ЦК может назначить новый состав комитета, причем, конечно, ЦК должен считаться с необходимостью для новых членов комитета быстро восстановить связи с подчиненными организациями. Именно поэтому ЦК должен хорошо знать весь руководящий состав всех местных организаций и, кроме того, он должен иметь в своем распоряжении подчиненные ему отряды агентов, которые он мог бы рассылать именно туда, где они в данное время наиболее необходимы.

«Центральный комитет организует местные комитеты, союзы комитетов и все остальные партийные организации»³². В районе действий каждого комитета имеется целая серия организаций, которые, в зависимости от выполняемых ими функций, должны иметь более или менее конспиративный, более или менее замкнутый характер. Чем большая ответственность связана с той или другой деятельностью организации, чем в большей степени судьба такой организации может непосредственно отразиться на судьбе всего комитета, тем жестче должны быть условия приема в такую организацию, тем конспиративнее должны вести себя все ее члены. Деятельность транспортная, печатания, революционной почты, сношения с местным и Центральным комитетами — все эти функции требуют строжайшего отбора лиц с очень большим опытом и с очень

развитым чувством ответственности. Каждая такая функция, требующая коллективного труда, должна выполняться специально назначенными организациями, непосредственно сносящимися с теми членами комитета, которые ведают как раз именно этой работой.

Совершенно иначе обстоит дело в пропагандистских кружках, в агитационных собраниях, в заводских организациях, не говоря уже о профессиональных союзах и кассах взаимопомощи. Здесь деятельность протекает почти что открыто, здесь соответствующий товарищ входит в непосредственное соприкосновение с массой, и очень часто с неорганизованной массой. Здесь риск быть арестованным достигает максимума, здесь совершенно невозможно соблюдение каких бы то ни было строгих правил конспирации. Именно поэтому связь такого рода работников с конспиративным местным комитетом должна быть доведена до минимума. Таким образом, строго конспиративные организации высших органов партии по мере их приближения к массам все более утрачивают свой конспиративный характер, становятся все менее заговорщицкими и тайными и в то же время становятся все более широкими и более свободными. Социалдемократический руководитель какой-нибудь профессиональной, чисто экономической организации или какой-нибудь кассы взаимопомощи агитирует перед всей массой и имеет дело со всеми членами организации. Он единственное лицо, которое связывает эту почти открыто действующую организацию с тайным, неизвестным миром революционной организации. Эта посредническая роль неизбежно создает для него престиж среди всей массы, входящей в состав организации. Он должен быть советником во всех случаях жизни, ему доверяют самые различные и ответственные поручения, фактически он становится ответственным лицом всей массовой организации.

Только такая сеть всевозможных организаций с различным масштабом ответственности, с различной степенью конспиративности и с большей или меньшей непосредственной связью с местным или общероссийским центром, только такая система постепенного перехода от широких свободных, слабо оформленных организаций к узким руководящим, строго конспиративным учреждениям партии

давала нам возможность приспособить нашу работу к условиям, созданным самодержавным правительством. Только таким образом мы получили возможность строго конспиративную тайную организацию высших партийных инстанций связать со всей массой организованных рабочих. Только таким образом мы получили возможность в критические моменты забастовок, демонстраций и восстаний влиять через организованную массу членов партии на всю неорганизованную массу российского пролетариата.

Прежде чем покончить с организационным вопросом, мы считаем необходимым познакомить с возражениями, выдвинутыми на съезде некоторыми сторонниками меньшинства. Они предполагали, что такого рода организация неизбежно должна быть чисто интеллигентской, оторванной от масс пролетариата. Не говоря уже о том, что понятие «профессиональный революционер» далеко не совпадает с понятием «интеллигент», тем более, что в связи с ростом и углублением нашего движения все более и более будет увеличиваться процент профессиональных революционеров, рекрутируемых из рабочих, и что этот процент неизбежно обгонит процент профессиональных революционеров из интеллигенции, — не говоря уже об этом, вся деятельность нашей партии, непосредственная связь отдельных ее колесиков со всей рабочей массой, непосредственная работа пропагандистских и агитаторских кружков как раз в этой массе дает полную гарантию в том, что пролетарский дух не может исчезнуть из рядов нашей партии. К тому же гарантией против отрыва от масс может служить право каждого партийного кружка непосредственно сноситься с партийным центром. При этих условиях нет никакой опасности, что наша партия превратится в интеллигентски заговорщицкую, бланкистскую организацию.

Таков был в общих чертах организационный план, предложенный т. Лениным перед съездом. Это был единственный предложенный партии на обсуждение план. «Искра» в лице всей своей редакции пропагандировала этот план. В целом ряде редакционных статей развивались его основные идеи. Логика жизни представила ряд богатейших иллюстраций, ярко доказывающих целесообразность и неизбежность этого плана. Можно смело было рассчитывать на то, что то же большинство, которое приняло на съезде про-

грамму партии, категорически выскажется за этот организационный устав. И фактически общие дебаты об уставе на 14-м заседании съезда показали, что компактное большинство «искровцев» вполне солидарно и в этом вопросе. Здесь никто не противопоставил какого-нибудь контрпроекта, высказывались только отдельные небольшие замечания по отдельным пунктам устава и предлагались небольшие исправления. За исключением немногих последовательных противников тактики «Искры» и ее идеи централизма, все принимали за основу проект устава.

Совершенно неожиданно в дебатах по 1-му пункту устава на 22-м и 23-м заседаниях возникли принципиальные разногласия в рядах самой редакционной коллегии «Искры», и это несмотря на то, что, как мы особенно должны подчеркнуть, до тех пор ни один из редакторов «Искры» ни единым словом не высказывался против проекта. Теперь же на одной стороне стали четыре редактора — Мартов, Старовер, Аксельрод и Засулич, а на другой стороне — Плеханов и Ленин. Было предложено два проекта первого пункта. Ленин, ясно представляя себе весь вред, который может нанести нашей партии проникновение в ее ряды непролетарских элементов (сторонников Струве, экономистов и т. д.), а с другой стороны, ясно понимая, как старая формула первого параграфа немецкого устава, не требовавшая принадлежности членов партии к той или другой партийной организации, была широко использована дезорганизующими элементами, — предвидя все это, Ленин настаивал на том, что членами партии могут стать лишь те товарищи, признающие нашу программу, которые войдут в одну из наших партийных организаций. Такое толкование членства партии вытекало из всего духа предложенного им устава. Наоборот, Мартов настаивал на том, что совершенно достаточно для того, чтобы стать членом партии, регулярно работать под контролем какой-нибудь партийной организации. При возникших дебатах ни Мартов, ни его сторонники не стали на почву целесообразного применения одной из этих двух формул при конкретных условиях русской действительности; они стали исключительно на точку зрения принципиального толкования. Они обвиняли Ленина в том, что он смешивает партию и организацию. «Организация должна быть строго конспиративной и

централизованной», — поучал Аксельрод. «Я не боюсь заговорщицкой организации, — говорил Мартов, — но для меня заговорщицкая организация имеет значение лишь постольку, поскольку она объемлется социалдемократической партией». Тов. Посадовский (доктор Мандельберг), растолковывая мысль Мартова, доказывал, что Ленин хочет сузить рамки партии, в то время как Мартов стремится их расширить. Возражая своим оппонентам, Ленин доказывал, что его формула дает лозунг «организоваться». Далее он говорил: «Не следует думать, что вся партийная организация должна исключительно состоять из профессиональных революционеров. Нам нужны всевозможнейшие формы организации, начиная от очень узких, строго законспирированных, кончая весьма широкими свободными организациями»³³. Аксельрод боится, что профессор, считающий себя социалдемократом, не пожелает войти в какую-нибудь организацию, следовательно, по проекту Ленина, не будет иметь права называть себя членом партии; точно так же не смогут называть себя членами партии те кружки молодежи, которые считают себя социалдемократами. Наконец, чтоб окончательно дискредитировать ленинский проект, Аксельрод утверждал, «что формулировка Ленина 1-го пункта устава противоречит внутренней сущности и задачам пролетарской социалдемократической партии».

Можно было бы спорить о целесообразности той или другой формулы применительно к русским конкретным условиям, поскольку обе спорящие стороны признавали необходимость контроля над теми социалдемократами, которые не принадлежали к партийной организации, но последнее заявление Аксельрода о противоречии внутренней сущности социалдемократии внесло во весь спор принципиальную путаницу. Плеханов резко и категорически высказался против защитников формулы Аксельрода и Мартова. Он заявил: «Противники ленинского проекта утверждают, что он создает определенные затруднения. Здесь говорили о людях, которые либо не хотят, либо не могут входить в наши организации. Почему такие люди не могут входить? Как непосредственный участник работы в русской революционной организации я должен заявить, что я не знаю объективных причин, которые могли бы по-

служить непреодолимым препятствием для вхождения в партийные организации. Что же касается тех господ, которые не хотят войти в наши организации, то их нам совершенно не нужно»³⁴. «Говорить о контроле партии над людьми, находящимися вне нашей организации, это значит просто играть словами. Никакой контроль над такими людьми не осуществим». «Я совершенно не понимаю, почему полагают, что ленинский проект закрывает вход в нашу партию многим рабочим. Рабочие, желающие быть членами нашей партии, не побоятся входить в наши организации. Они не испугаются организационной дисциплины. Побоятся входить в наши организации только те интеллигенты, которые насквозь проникнуты буржуазным индивидуализмом, и это будет хорошо, что они побоятся. Эти буржуазные индивидуалисты, конечно, являются представителями всевозможного оппортунизма. Нам нужно таких людей держать вдали от партии. Ленинский проект послужит преградой против попыток проникнуть в партию таких элементов. Именно поэтому все противники оппортунизма должны голосовать за его проект». Между прочим, Ленин в своей речи заявил: «Корень ошибки тех, кто стоит за формулу ировку М: ртова, состоит в том, что они не только игнорируют одно из основных зол нашей партийной жизни, но даже освящают это зло. Состоит это зло в том, что в атмосфере почти всеобщего политического недовольства, при условии полной скрытности работы, при условиях сосредоточения большей части деятельности в тесных тайных кружках и даже частных свиданиях, нам до последней степени трудно, почти невозможно отграничить болтающих от работающих. И едва ли найдется другая страна, в которой бы смешение этих двух категорий было так обычно, вносило такую тьму путаницы и вреда, как в России. Не только в интеллигенции, но и в среде рабочего класса мы страдаем от этого зла жестоко, и формулировка т. Мартова узаконяет это зло. Формулировка эта неизбежно стремится всех и каждого сделать членами партии. Тов. Мартов сам должен был признать это с оговоркой: «Если хотите — да», — сказал он. Именно этого и не хотим мы. Именно поэтому мы и восстаем так решительно против формулировки Мартова. Лучше, чтоб десять работающих не называли себя членами партии (действительные

работники за чинами не гонятся!), чем чтоб один болтающий имел право и возможность быть членом партии»³⁵.

Т. Плеханов и Ленин правильно усмотрели в словах т. Аксельрода и прочих защитников предложения Мартова тенденцию к анархизму, выпячивание оппортунистического индивидуализма и боязнь организации. Формула Мартова объединила все нестойкие в принципиальном отношении элементы партийного съезда. Из 51 голоса присутствовавших на этом заседании его формула была принята 28 голосами против 23, голосовавших за предложение Ленина. Чтобы показать, какие элементы группировались вокруг Мартова, будет достаточно указать, что за него голосовали 2 представителя «Рабочего Дела», 5 представителей Бунда (все несомненные оппортунисты как в программных, так и в организационных вопросах). Далее за него голосовало 10 голосов центра (болота), т. е. тех, которые во всех важнейших вопросах голосовали против всех предложений «Искры», и 11 сторонников «Искры». За Ленина голосовали: 20 сторонников «Искры», 1 рабоче-делец и 2 голбса из центра. В первом пункте устава партии Плеханов, Ленин и их сторонники были побиты остальными редакторами «Искры» при помощи противников «Искры». После принятия предложения Мартова фактически было расшатано все гармоническое строение централистической организации по плану Ленина. Далее борьба развернулась с переменным успехом. При этом характерно, что образовавшаяся коалиция из 4 редакторов «Искры» с противниками «Искры» становилась все прочнее. В конце концов к заключению работ съезда образовались две почти равносильные группировки, тесно спаянные между собой. Направление последовательных сторонников «Искры», под руководством Плеханова и Ленина, получает преобладание лишь после того, как 5 представителей Бунда покинули заседания съезда (после того, как большинством голосов был отвергнут федералистический проект Бунда), а также покинули съезд 2 представителя «Рабочего Дела», обиженные тем, что «Лига» была признана единственной заграничной организацией партии.

Именно таким образом большинству сторонников «Искры», за исключением § 1 устава и некоторых незначительных ухудшений, удалось провести весь план Ленина. В об

щем партийный устав был принят 42 голосами против 6 при 1 воздержавшемся. Против голосовали 5 бундистов и 1 представитель «Рабочего Дела». Партийный съезд признал необходимость деления нашего центра на ЦО (теоретический руководитель) и на ЦК (практический руководитель). Съезд постановил: «Центральный Комитет организует все комитеты, все союзы комитетов и все остальные партийные группы и руководит их деятельностью. Организует и руководит всеми предприятиями, имеющими общепартийный характер, распределяет силы и средства партии, распоряжается центральной кассой партии, разбирает все конфликты между двумя или несколькими партийными организациями и вообще объединяет и руководит всей практической работой партии в целом». Этот пункт нашего устава был принят 45 голосами против 3, при 3 воздержавшихся. Мы видим, следовательно, что этот основной пункт, придающий всей нашей организации резко определенный централизованный характер, был принят партией подавляющим большинством голосов. При дебатах по поводу этого пункта, когда некоторые представители из центра (болота) Егоров, Попов и Панин (теперешние видные практики меньшевиков) сделали было попытку ограничить компетенцию ЦК, потребовав точного перечисления функций его и ограничения его права распускать партийные организации и вновь организовывать их, резко всего выступил защитником компетенции ЦК т. Мартов. Это тот самый товарищ, который сейчас в качестве единогласно кооптированного Плехановым редактора обвиняет представителей партийного большинства в том, что этот пункт нашего устава в руках ЦК служит «удавной петлей» для нашей партии. Он обвиняет ЦК в том, что, пользуясь предоставленными этим пунктом правами, ЦК наполняет местные комитеты своими креатурами. На партийном съезде ни Мартов, ни кто-либо другой из теперешнего меньшинства не считали нужным голосовать против § 9 устава или хотя бы высказываться против него, а этот параграф гласит: «Все неутвержденные партийным съездом организации утверждаются Центральным комитетом. Постановление ЦК обязательно для всех партийных организаций, все партийные организации обязаны представлять в кассу ЦК определенные ЦК средства». На съезде никто из

них не возражал и против § 11, который еще в большей степени имел ультрацентралистический характер. Этот пункт гласил: «Каждая партийная организация обязана предоставлять ЦК и ЦО все необходимые данные для ориентировки насчет личного состава и деятельности организации».

Автономия местных комитетов и остальных партийных организаций определялась § 8, который гласил: «Все организации, входящие в состав партии, действуют автономно во всех делах, специально входящих в круг их деятельности». Громадное большинство съезда считало совершенно излишним более детально регламентировать отношение между Центральным и местными комитетами и работу местных комитетов. Это большинство было убеждено, что всякая попытка такого рода регламентации, принимаемая во внимание чересчур различный характер работы, окажется не в состоянии охватить все могущие возникнуть вопросы и создаст лишь благоприятную почву для совершенно бесполезных трений и недоразумений.

К концу дебатов о партийном уставе окончательно закрепились деление съезда на две группировки: на одной стороне стояли Плеханов, Ленин и вместе с ними 24 голоса исключительно из последовательных сторонников «Искры», на другой стороне — 4 редактора «Искры» и вместе с ними 20 голосов, среди которых 9 были непоследовательные сторонники «Искры», 10 членов центра и 1 — противник «Искры». Это деление в основных чертах сохранилось до конца работ съезда. Меньшинство начинает выступать уже как сплоченная компактная группа против большинства. Группировка эта ясно обнаружилась во время выборов в центральные учреждения партии.

На 29-м заседании съезда, после принятия партийного устава, было постановлено распустить все организации, которые по своему характеру или по своим задачам не укладываются в рамки партийного устава, т. е. распустить все частные кружки, которые сыграли уже свою историческую роль, как группа «Освобождение Труда», русская организация «Искры». Союз русских социалдемократов за границей, «Южный Рабочий»³⁶, либо те, которые вообще никогда никакой роли не играли и явились результатом теоретического и организационного хаоса нашей пар-

тии, как группы «Жизнь», «Борьба», «Воля» и другие, не представленные на съезде.

Две важнейшие организации, сыгравшие громадную роль в истории нашей партии, как группа «Освобождение Труда» и русская организация «Искры», показали хороший пример, доказав умение защищать общепартийные интересы и готовность подчинить им интересы своего кружка. Их делегаты заявили съезду, что их организации распускают себя, и они сами растворяются во всей партийной организации. Делегаты съезда ожидали и от остальных представленных на съезде частных групп, что их представители последуют примеру ветеранов, но им для этого нехватило мужества. Группа «Южный Рабочий» и Союз русских социалдемократов за границей с такими заявлениями не выступили. Вопреки логике вещей и только что принятому уставу партии они не пожелали растворить свои группы в партии, они твердо стояли на точке зрения своих групповых интересов. Партийный съезд был вынужден вопреки их воле покончить с их группами. Представители Союза русских социалдемократов решили тогда покинуть съезд; делегаты «Южного Рабочего» обнаружили больше такта — со съезда не ушли и объявили, что подчиняются решению съезда.

Оставалась еще одна частная группа, группа, которая чрезвычайно много оказала услуг нашей партии, группа, которая очень много поработала над единством партии, — эта частная группа была редакция «Искры». Как раз эта частная группа, которая, между прочим, дала нашей партии нашу программу и наш организационный устав, всегда учила нас партийные интересы ставить превыше всего. Делегаты могли рассчитывать, что как раз эта группа первая последует примеру группы «Освобождение Труда» и русской организации «Искры» и распустил себя, как частная группа. В начале работ съезда только один т. Акимов осмелился высказать предположение, что редакция не отдаст партии свою фирму и не захочет подчиниться тем инструкциям, которые партийный съезд предпишет ей. Все делегаты отвергали это подозрение Акимова и выражали уверенность, что редакция, распустив себя, предоставит партийному съезду право перевыборами редакции создать наиболее соответствующую комбинацию личного

состава ее. Делегаты были тем более в праве на это рассчитывать, что в порядке дня, предложенном до съезда редакторами «Искры» и принятом на съезде, 18-й пункт гласил: «Выборы ЦК и редакции ЦО»; кроме того, двое из редакторов, Плеханов и Ленин, считали необходимым распустить старую редакцию и создать новую свободными выборами. Но принципиально выдержанное по отношению ко всем остальным частным кружкам и частным группам большинство редакции «Искры» в личном вопросе скатилось до точки зрения «Южного Рабочего» и Союза русских социал-демократов. Групповые интересы победили, редакция не решилась самораспуститься добровольно, ее большинство 4 голосами против 2 решило всеми силами отстаивать свое существование, выдвинув щекотливый вопрос о доверии.

До съезда редакция «Искры» считалась частным предприятием, которое ставило себе задачей объединить вокруг себя партию. Эта деятельность «Искры», ее заслуги перед партией были в полной мере оценены съездом, который еще на 10-м заседании при бурных аплодисментах 38 голосами против 2 при воздержавшихся редакторах принял резолюцию, признавшую «Искру» ЦО партии. Но, признавая направление «Искры» партийным направлением, съезд отнюдь не решил вопроса о признании всего штаба редакции редакцией партийного органа. На съезде делегаты имели возможность подвергнуть экзамену своих вождей. В первый раз именно на съезде партия в лице своих делегатов получила возможность непосредственно соприкоснуться с вождями, и партия использовала эту возможность, тщательно проверив каждого из вождей — в состоянии ли он выполнить такую ответственную партийную работу, как быть редактором партийного центрального органа. Делегаты при этой проверке могли принять во внимание следующий объективный материал: проект партийной программы, ставшей нашей партийной программой, был написан Плехановым и Лениным. Проект организационного устава, ставший нашим партийным уставом, был составлен Лениным. Принципы «Искры» наиболее последовательно защищались на съезде Плехановым, Лениным и Мартовым. Мартов лишь в вопросе о 1-м пункте устава отошел от позиции «Искры». Все делегаты отлично знали, что фактически вся редакционная работа «Искры»

до съезда проводилась исключительно тремя названными товарищами. Их перу принадлежало громадное большинство руководящих статей «Искры». В течение работ съезда, продолжавшихся почти целый месяц, делегаты получили полную возможность убедиться по речам и по всем выступлениям, что из шести товарищей, входивших в состав частной редакции, только трое из них, а именно Плеханов, Ленин и Мартов, могут справиться с задачей быть действительными вождями партии.

После бурного, продолжительного, можно сказать исторического, заседания, в отсутствие всех редакторов, — заседания, которое, по выражению одного из делегатов, приняло чисто мещанский характер, съезд отверг предложение утвердить старую редакцию. В ходе этого заседания вопрос о выборе новой редакции был подменен вопросом о выражении недоверия членам редакции, если бы они не были выбраны вновь в редакцию. Громадным большинством съезда было принято решение произвести новые выборы. Это же большинство, при воздержании всех меньшевиков, выбрало в ЦК трех выдающихся принципиально твердых практиков. При их выборах меньшинство доходило до настоящей обструкции. После этого съезд приступил к выработке тактических резолюций, и здесь снова проявилось, что, несмотря на сильное расхождение в вопросах о личном составе центральных учреждений партии, партийный съезд оказался в громадном большинстве солидарным в вопросах тактики и принципов. Большинство тактических резолюций принималось почти единогласно, только в вопросе об отношении к либералам делегаты съезда разошлись между резолюциями Плеханова, с одной стороны, и резолюцией Старовера, с другой: обе получили почти равное число голосов.

Наконец после 37-го заседания съезд закончил свои работы. В заключительном слове председательствовавший на съезде т. Плеханов указал на обязанность каждого члена партии строго выполнять решения съезда. Делегаты разъехались по своим отдаленным комитетам и во все уголки необъятной России разнесли известие о небывалом в практике всего революционного движения партийном съезде, который после месячной работы объединил партию в теоретическом, тактическом и организационном вопросах

и снова расколол только что воздвигнутое единое здание по вопросу о том, должна ли определенная частная группа быть выбрана в редакцию партии или нет.

IV. ПОСЛЕ СЪЕЗДА

Партийный съезд положил начало псовой группировке членов партии. Вместо прежнего деления на сторонников «Искры», «Рабочего Дела», «Южного Рабочего» и т. д. на свет появились две фракции, так называемые «большинство» и «меньшинство». Можно вкратце характеризовать внешнюю историю борьбы этих двух фракций, выяснив себе основные моменты их зарождения. Меньшинство образовалось из правого крыла сторонников «Искры», из болота и из противников «Искры» (сторонников «Рабочего Дела»). Это меньшинство, будучи побеждено на съезде в вопросе о личном составе партийных центров, сейчас же после съезда начало политику непризнания выбранных на съезде центров. Свою деятельность оппозиция начала с прокламирования и систематического проведения в жизнь тактики бойкота выбранных на съезде учреждений. По словам одного из вождей меньшевиков, этот бойкот проявился только в том, что полдюжина писателей отказывалась писать в «Искре»; и в желании некоторых практиков посвятить себя работе местных комитетов, отказываясь работать по указанию Центрального комитета. Но несомненно, что этот бойкот оказал очень серьезное и резко отрицательное влияние на только что создавшуюся партию. Самоустранение, употребляя выражение того же вождя меньшевиков, от всякой работы, обслуживающей партию в целом, под руководством центральных органов, выявилось не только в арифметическом минусе в общей сумме революционных сил, обслуживающих партию, но и как несомненный моральный минус. Достаточно указать на то, что благодаря нелегальному противодействию меньшевиков центральная касса партии, которая имела все основания ожидать значительного притока средств от организаций партии, очень скоро оказалась в положении хронического финансового кризиса.

Местные комитеты в ряде резолюций характеризовали этот бойкот как попытку дезорганизации партии. Боль-

шинство и в особенности два выбранных на съезде редактора ЦО, виднейшие представители большевиков, Плеханов и Ленин, предпринимали всевозможные попытки примирения с меньшинством, пытались найти такой *modus vivendi* *, который мог бы удовлетворить обе стороны. Но все эти попытки примирения ни к чему не привели. Когда выдвигался вопрос о кооптации некоторых членов меньшинства в партийные центры, оппозиция выдвигала требование, которое предоставило бы ее представителям в редакции ЦО значительный перевес над представителями большинства; как ультимативное требование при мирных переговорах меньшевики выдвигали предложение передачи в их полное распоряжение ЦО, который они желали бы использовать против Центрального комитета. Понятно, что с таким ультиматумом большинство никоим образом согласиться не могло, и бойкот меньшевиков продолжался в полной мере. Неоднократно редакция предлагала литературным представителям меньшинства использовать страницы партийного органа для выяснения перед партией их различия в мнениях с большинством, но меньшевики каждый раз решительно отвергали такого рода предложения.

Положение вещей все более и более обострялось, отношения между противниками все более ухудшались. Особенно страстный характер приняла борьба на съезде «Лиги» ³⁷, которой партийный съезд предоставил все права российских комитетов и которую он признал единственной партийной организацией за границей. Съезду «Лиги» предшествовало циркулярное послание заграничного представителя Центрального комитета. В этом послании ЦК предложил администрации «Лиги» и всем ее остальным членам приступить к совместной выработке нового устава «Лиги». Оппозиция резко протестовала против этого циркулярного послания, призывая в специальных агитационных письмах к неподчинению выбранному на съезде партии Центральному комитету.

Съезд «Лиги» таким образом превратился в арену борьбы против центральных органов партии. Меньшинство выступило на этом съезде с жалобами на изменение состава

* Нормы поведения. *Ред.*

редакции ЦО, оно обвиняло своих противников в применении нечестных методов борьбы, оно обрушилось на своих противников с целой кучей личных нападок и заподозрений, которые в конце концов заставили т. Плеханова и ряд других товарищей из большинства покинуть съезд с протестом против недостойных сцен. Меньшинство решительно отказалось подчиниться требованию представить устав «Лиги», которая впервые получила право называться партийной организацией, на утверждение Центральному комитету. Как местная организация и часть нашей партии за границей «Лига» решительно отказалась предоставить ЦК право определить ее компетенцию и согласовать ее работу с работой всей партии. И вполне понятно после этого, что т. Плеханов и остальные товарищи из большинства вынуждены были заклеить поведение большинства членов «Лиги» как поведение анархическое, и что все сторонники большинства съезда партии, во главе с представителем ЦК и т. Плехановым, покинули съезд «Лиги». Совместная работа с товарищами, которые не признают решений съезда партии и отказываются подчиниться руководству выбранных на съезде органов, была совершенно невозможна, ЦК не мог признать этот съезд «Лиги» за съезд партийной организации.

Но ЦК все еще не терял надежды на мирное изживание фракционных разногласий внутри партии. Несмотря на оппозицию «Лиги», игнорировавшей заявление ЦК на съезде, несмотря на отказ администрации «Лиги» подчиниться решениям Партийного совета, тем не менее ЦК вновь предложил оппозиции вступить с ним в мирные переговоры, после того как Совет партии признал действия представителей ЦК на съезде «Лиги» совершенно правильными и подтвердил право ЦК на реорганизацию «Лиги» введением в ее состав новых членов. Оппозиция приняла предложение мирных переговоров и выдвинула следующие пункты соглашения: 1) кооптация четырех прежних редакторов в ЦО, 2) кооптация определенного числа сторонников меньшинства в ЦК, 3) два места в Партийном совете, 4) признание правильности действий съезда «Лиги» и ее администрации.

Понятно, что эти требования не могли быть приняты. Иначе большинство должно было бы признать за меньшин-

ством право на преобладание над собой. Меньшинство настаивало на ультимативном характере своего требования и отказывалось идти на какие бы то ни было уступки. «Принципиальные разногласия», таким образом, продолжали развиваться. Правильно оценивая эти принципиальные разногласия, большевики хотели гарантировать возможность для меньшевиков легальным путем воздействовать на членов партии. Большевики, между прочим, предложили меньшевикам легализовать их литературную группу и предложили им распространять их писания через партийную экспедицию. Но меньшинство и в этом отношении было неуступчиво, оно хотело воздействовать на партийное мнение не только теоретически, но и административным путем. Все яснее выявлялась возможность и неизбежность полного раскола.

Ввиду этого т. Плеханов, совершенно независимо от переговоров, которые вел ЦК с меньшевиками о ликвидации принципиальных разногласий при посредстве кооптации, решил предпринять решительный шаг. Он решил открыть дверь редакции для четырех неизбранных членов старой редакции. Тов. Ленин, как это видно из его открытого письма в новую редакцию³⁸, не разделял оптимизма Плеханова, что эта уступка восстановит мир в партии, но в то же время не хотел мешать Плеханову предпринять эту попытку и вышел из состава редакции. Оставшись один в редакции, Плеханов «единогласно» кооптировал четырех претендентов на редакторские кресла. В № 52 «Искры» в статье «Чего не делать» Плеханов объяснил мотивы, вынудившие его к этому шагу. Эта статья на долгое время приковала к себе внимание удивленных членов партии. Основная мысль этой статьи та, что в политике следует применяться к обстоятельствам и нехорошо быть чересчур последовательным и прямолинейным. Эта мысль иллюстрировалась двумя примерами: «Представим себе, — говорил автор, — что ваши нейтральные учреждения, которые, понятно, должны состоять из решительных и непримиримых противников ревизионизма, вынуждены иметь дело с одной или несколькими группами социал-демократов, бывших раньше сильно восприимчивыми для влияния ревизионизма, теперь же, в силу некоторой

непоследовательности, можно было бы сказать, некоторой вялости, еще продолжают отстаивать некоторые догмы, особенно приятные ревизионистам. Решительная борьба с такого рода ревизионистами привела бы не к ослаблению, а к усилению ревизионизма, потому что она помешала бы этой части социалдемократов окончательно порвать с ревизионизмом и, наоборот, побудила бы их вновь приблизиться к ним, что, конечно, было бы вредно для всей партии. Другой пример: каждому известно, что перед нами нет другой более важной задачи, как задача самовоспитания в духе партийной дисциплины, тем более мы, русские революционеры, должны стремиться к самовоспитанию в духе партийной дисциплины. Как известно, наш главный недостаток кроется в анархическом индивидуализме, сильно тормозящем общественную работу. Русские революционеры очень часто заражаются непреодолимым желанием нарушить партийную дисциплину именно тогда, когда им напоминают о ней. Поэтому мы оказали бы очень скверную услугу партии, если бы не считались с этой психологией современного русского революционера. Именно в интересах усиления и поддержания дисциплины иногда полезно не замечать ее нарушения. Одним словом, — заканчивает т. Плеханов, — мы обязаны избегать всего того, что может вызвать новое разногласие в нашей среде».

Можно сказать, что статья «Чего не делать», написанная в очень путаной и абстрактной форме, вызвавшей впоследствии целый ряд «комических» и «печальных» недоразумений, имела целью побудить большевиков к уступчивости и мягкости. Она рекомендовала максимум уступчивости по отношению к тем элементам нашей партии, которые по существу своему склонны к близости с ревизионизмом (благодаря вялости их хода мыслей) и к нарушению партийной дисциплины благодаря свойственному русским революционерам анархическому индивидуализму. Сам Плеханов начал проводить в жизнь идею об уступчивости кооптацией четырех редакторов и закончил свою уступчивость, проведя в Партийном совете постановление о том, что ввиду того, что принятые по отношению к «Лиге революционной социалдемократии» мероприятия вызваны были исключительными недоразумениями, ныне более не существующими, эти мероприятия отменяются, и Лиге

предлагается впредь приступить к мирной общественной работе во имя высших интересов партии».

Мы не можем сказать, что уступчивость Плеханова и его переход на сторону меньшевиков создали мирное настроение в партии. Скорее наоборот, внутренняя борьба в партии не прекратилась, она начала принимать все более и более затяжной и безнадежный характер. Прежде всего, как только новая редакция заполучила в свои руки ЦО, так она, как этого можно было, правда, и ожидать, отнюдь не воздержалась от «принципиальной» полемики со своими противниками. Прежде всего она довела до общего сведения, что в редактируемой ими партийной газете не будет места такого рода дискутированию, которое вместо ясности приносит лишь затемнение вопроса. Страницы «Искры» будут предоставлены только тем, которые намерены обсуждать волнующие партию вопросы, не становясь на почву так называемых личных разногласий. Это доброе пожелание могло иметь, понятно, хорошие или дурные последствия в зависимости от беспристрастия редакционной коллегии, которая взяла на себя обязанность самостоятельно судить, вносит ли присланная в редакцию статья ясность или затемнение вопроса. Там, где оканчивается вопрос о принципах, там, понятно, начинается вопрос о личностях. Поэтому ясно, что среди большевиков никого не оказалось, кто доверился бы беспристрастию новой редакции. И таким образом, начиная с знаменитой кооптации редакторов, «Искра» становится на долгое время ареной для выяснения исключительно «принципиальных» взглядов меньшинства. Это обстоятельство имело одну хорошую сторону: партийная болезнь из скрытой формы перешла в открытую болезнь. Все те мысли, которые до перехода «Искры» в руки оппозиции распространялись лишь в узких частных кружках или находили свое отражение в тайной литературе, теперь, после кооптации, заняли надлежащее место на страницах Центрального органа. Эти страницы начали теперь пестреть излюбленной терминологией меньшевиков, обвинявшей большинство во всех смертных грехах. Обвинения в бюрократизме, абсолютизме, швейцарианстве³⁾, иечаевщине⁴⁾, бонапартизме⁵⁾ и т. п. стали обычным явлением. Энергичная полемика с внешними врагами социал-демократов, например с социалистами-революционерами

и освобожденцами, уступила место страстной полемике против большевиков. Дело доходило до того, что наборщики партийной типографии, вынужденные набирать статьи для новой «Искры», устыдились набирать такие статьи и заставили «Искру» поместить в газете свой протест против содержания статей.

Протестовали против отрицательного поведения новой «Искры» не одни только наборщики, не молчали и все русские комитеты, которые тем временем решительно высказывались за ту или другую сторону.

Не следует забывать, что ввиду особых русских полицейских условий общественное мнение нашей партии может быть выражено только в форме принятия резолюции собранием комитета или другими группами партийных членов. Съезды представителей различных частей партии обходятся чересчур дорого и сами по себе чересчур рискованны с конспиративной точки зрения. У нас не существует всех тех других способов сношений между товарищами, которыми так широко пользуются западно-европейские социалдемократы. Иногда проходит несколько месяцев, пока тот или другой русский комитет получит ту или другую литературную новинку, например протоколы партийного съезда, и получит таким образом возможность высказаться по затронутым там вопросам. Все это бесконечно мешает свободному выявлению настроения всей партии и выработке общественного мнения партии. Именно благодаря этому особое значение приходится придавать выражению мнений отдельных комитетов, выявленных в принятых ими резолюциях. Таких резолюций получилось уже достаточное количество, и по ним мы можем ясно проследить, как в сущности думает настоящая партия, как оценивают все практики разгоревшуюся борьбу среди литераторов. Все эти резолюции, а их имеется несколько дюжин, могут быть разделены на две категории: одни стоят на точке зрения большинства, в этом смысле высказалось двадцать комитетов *

* Петербургский, Тверской, Северный, Тульский, Воронежский, Московский, Нижегородский, Рижский, Саратовский, Екатеринославский, Ср.-Уральский, Орловский, Одесский, Кавказский союз (три комитета), Сибирский союз (три комитета) и Николаевский.

остальные стоят на точке зрения меньшинства; таких организаций оказалось всего пять *.

Вскоре после партийного съезда комитеты большинства, ознакомившись с работами партийного съезда и с принятыми на нем решениями по устным докладам своих делегатов, представили целый ряд резолюций, в которых высказывалось твердое решение подчиниться всем постановлениям партийного съезда, выражалось полное доверие вновь избранным центральным учреждениям партии и осуждалась дезорганизаторская политика меньшинства как на самом съезде, так и непосредственно после него. Всевозможные резолюции по этому поводу мало отличаются друг от друга. Некоторые, напр., комитеты просто выражают сожаление по поводу недостатка дисциплины, проявившегося у представителей оппозиции; другие осуждают дезорганизаторские попытки меньшинства; третьи резко порицают эту дезорганизацию и т. д. В общем все эти резолюции однообразны, только один Сибирский союз, в лице своего Томского комитета, занял особую позицию и заявил, что он в общем считает ошибочным переизбрание редакции и видит главную причину всех последующих событий как раз в этих выборах. Но несколько позже Сибирский союз занял уже другую позицию. В новой резолюции он писал: «Сибирский союз вместе со всеми своими комитетами, обсуждая спор между центральными органами нашей партии, решительно высказывается за позицию, занятую т. Лениным»; резолюция эта была принята единогласно. При дальнейшем осложнении разногласий все комитеты вновь высказались в целом ряде принятых ими резолюций. После кооптации невыбранных редакторов в Центральный орган местные комитеты вновь реагировали, выражая свое сожаление и возмущение этой кооптацией. Некоторые из них выразили порицание т. Плеханову за то, что он осмелился изменить волю партийного съезда и за его чересчур большую уступчивость. В этих же резолюциях выражалось сожаление по поводу выхода т. Ленина из редакции и т. п. Позже отдельные комитеты высказались резко против нового направления, приданного «Искре» новой редакцией. Некоторые

* Киевский, Харьковский, Ростовский, Крымский союз и Горнозаводский союз.

комитеты, как, напр., Одесский, Тверской и Уральский, подвергли деятельность и принципы меньшинства тщательной и подробной критике.

В последнее время целый ряд местных комитетов, констатируя ненормальность партийной жизни и не видя выхода из этого положения, настаивает на созыве III экстренного партийного съезда. За немедленный созыв съезда уже высказалось 10 комитетов. Большевики, а вместе с ними и Партийный совет решительно высказываются против созыва съезда. Они полагают, что новый съезд неизбежно вызовет раскол партии. Согласно нашему уставу решение этого вопроса предоставляется местным комитетам. Если половина всех наличных комитетов выскажется за созыв съезда, Совет партии будет вынужден съезд созвать. Большевики предполагают, что новый партийный съезд может быть единственным честным средством выхода из того положения, которое делает существование нашей партии почти невозможным. Большевики думают, что не существует никакой угрозы раскола партии на III съезде, если только в рядах партии нет людей, которые сами стремятся к расколу. Мы уверены, что не только чрезвычайно лойяльное большинство, но что и бурно-оппозиционное меньшинство явится на съезд с добрым намерением окончательно ликвидировать период склоки и распада партии. Легко понять, что съезд отнюдь не захочет механически подавить меньшинство. Партийный съезд должен быть созван под углом зрения соглашений между обоими лагерями. Легко можно будет найти такую конституционную форму, которая представит гарантии для обеих спорящих сторон и создаст возможность приступить к мирной общей работе. Раскол был бы неизбежен только в том случае, если бы между большинством и меньшинством имелись такие принципиальные разногласия, которые бы делали совершенно невозможной совместную работу в рамках одной партии. Чтобы ясно ответить на этот вопрос, мы в кратких чертах познакомимся с полемической литературой меньшинства. Но предварительно нам придется рассмотреть новое положение меньшинства, созданное благодаря кооптации их в Центральный орган.

После того как ЦО попал в руки меньшевиков, они стали господами положения в партии. Они получили преобла-

дание и в Партийном совете. Во всех вопросах, в которых меньшевистская редакция выступала против большевистского ЦК, в их распоряжении в Партийном совете оказывалось три голоса против двух голосов Центрального комитета. Этим обстоятельством определилась политика Партийного совета. Так, напр., после кооптации Плехановым четырех членов в редакцию ЦО меньшевики выдвинули требование кооптации ЦК в свой состав определенного количества меньшевиков. Они мотивировали это требование тем, что только такая кооптация предохранит вырождение партийного центра в сверхцентр. Центральный комитет стойко противостоял всем просьбам, запугиваниям и нападкам редакции, доказывая, что вполне достаточно того, что меньшевики получили в полное свое распоряжение всю редакцию. Плеханов, который до кооптации считался одним из вождей большевиков, после занял нейтральную позицию, а теперь постепенно начал превращаться в ярого сторонника меньшевиков. Голосами их редакторов, в том числе и Плеханова, Партийный совет принял резолюцию против двух голосов представителей ЦК, которая решительно предлагала ЦК кооптировать меньшевиков. На этом же заседании Партийного совета теми же голосами было предоставлено редакции право самостоятельно распоряжаться находящейся в партийной экспедиции литературой. Этим решением при помощи Партийного совета теоретическое руководство партией постепенно начало превращаться в практическое руководство. Этим решением в распоряжение редакции была передана одна из важнейших функций ЦК — перевозка и распределение литературы в России. Вслед за этой функцией редакции было предоставлено право самостоятельно рассылать по местным комитетам так называемых литературных агентов и иметь свою собственную кассу, отдельную от общепартийной кассы. Мы можем привести еще одно спорное предложение, проведенное Советом партии против голосов ЦК в интересах меньшинства. Уже на съезде «Лиги» возник горячий спор о том, имеет ли право ЦК вводить своих кандидатов в ту или иную партийную организацию. Большинство было того взгляда, что ЦК имеет право это делать, этот взгляд тогда целиком разделялся и Плехановым. Теперь же те же редакторы постановили в Совете партии, что ЦК имеет

право вводить своих кандидатов в организацию лишь в том случае, если весь состав местного комитета арестован. Принятая в этом смысле резолюция должна была спасти автономию местных комитетов от ультрацентрализма Центрального комитета. Хотя по уставу ЦК имеет несомненно право вводить новых членов, на практике он ни разу еще не использовал этого своего права, и никто не мог указать ни одного случая ввода ЦК своих кандидатов в местные комитеты. Резолюция Партийного совета оказалась в сущности совершенно бесцельной, так как ультрацентралистический ЦК ни разу еще не злоупотребил своим правом. Ультрацентрализм его оказался в этом, как и во многих других случаях, ультрабасней.

Перейдем теперь к анализу вышедшей после партийного съезда литературы и поищем в ней тех «принципов», которые якобы не позволили меньшинству подчиниться давлению партийных организаций и которые якобы заставили их образовать оппозицию в партийной головке. Какие же это были особые принципы? К сожалению, на этот вопрос не дают ответа ни бесконечное количество листов отпечатанной меньшевиками бумаги, ни тайные и явные документы, которые они распространяли, ни ожесточенные дебаты в бесконечных дискуссионных собраниях. До сих пор меньшинство, как отдельное направление, еще не вышло из стадии неопределенных поисков принципов по организационному вопросу. Как наследница старой «Искры», новая редакция с самого начала оказалась сидящей между двумя стульями. С одной стороны, теоретики меньшевиков отнюдь не желали явно заявить о своем отказе от основных принципов старой «Искры», — наоборот, они называли себя постоянно истинными носителями искровского направления. Они противопоставляли себя Ленину, который, по их мнению, не понимал настоящих тенденций «Искры»; они обвиняли его в том, что он в решительный момент нашей партийной жизни внес струю бюрократически-централистической организационной утопии и т. д., и т. п. Но теоретики меньшевиков Мартов и Аксельрод, а вместе с ними и все остальные не могли долго оставаться на этой позиции. Логическая связь между направлением старой «Искры» и «организационной утопией» Ленина, которую вполне разделял до кооптации и т. Плеханов, была настолько очевид-

на, что пытаться отрицать это было бы для редакции равносильно подписанию себе смертного приговора. Старая «Искра» никогда не страдала двусмысленностью, но эта двусмысленность особенно рельефно проявилась теперь в статьях главного вождя меньшевиков т. Аксельрода. По его словам, «Искра» выражала идею и тактику революционной социалдемократии. Революционная социалдемократия выступила с своей газетой «Искра» как раз накануне общего увлечения политикой в вульгаризированном смысле этого слова, как ее понимали экономисты. Благодаря литературной программе «Искры» и «Зари» удалось достичь общего мнения, что борьба со всем буржуазным порядком и русским абсолютизмом, являющаяся главной задачей пролетариата России, может развиваться лишь согласно принципам революционного марксизма. До сих пор Аксельрод правильно излагал положение вещей, но если мы посмотрим несколькими строчками дальше, то мы найдем следующее: «В период борьбы с наследством из эпохи экономизма создалась организационная утопия, теоретическая сущность которой является подчинением всего светского общества небольшому духовному ордену». «Торжество бюрократического централизма в партийной организации явилось результатом борьбы революционной социалдемократии с экономизмом». И этот бюрократический централизм послужил тем пугалом, которое загнало Мартова и Аксельрода в союз с представителями «болота» (Егоровым и Махковым) и даже в союз с Мартыновым и Акимовым (представителями прежнего «Рабочего Дела»). Особенно характерен союз с т. Акимовым. Этот товарищ известен в нашей партии как типичный представитель оппортунизма во всех важнейших вопросах социалдемократии. Не даром расхваливает его либеральный журнал «Освобождение». По мнению Аксельрода, вся деятельность «Искры» странным образом свелась к созданию бюрократизма, с которым меньшинство вступило в борьбу не на жизнь, а на смерть. Меньшинство все более и более начинает освобождаться от предрассудка, что «родство со старой «Искрой» является свидетельством благородного теоретического происхождения». «Это особое направление (сторонников «Искры»), — говорит Мартов в своей книге «Борьба с осадным положением», — все более и более отставало от развивающейся

действительности»... «ко времени партийного съезда искровское направление уже задерживало развитие нашей партии. Поведение многих сторонников «Искры» совершенно неожиданно показало, что это направление, как особая форма революционной социалдемократии, уже пережило себя».

Теперь должен быть поставлен вопрос: если теоретики меньшевиков отвернулись от старой «Искры», перешли ли они решительно к другому направлению? Имеем ли мы право говорить о принципиальной пропасти, разделяющей направление меньшевиков от направления большевиков? На этот вопрос мы можем кратко ответить: принципиальные противники «Искры» в рядах нашей партии высказывают в этом отношении свою твердую уверенность. В этом смысле высказался уже признанный оппортунист, уже не раз упомянутый нами т. Акимов. Этот последний был принципиальным противником нашей программы, и он, сопоставляя нашу программу с организационными принципами Ленина и Плеханова, говорит о меньшевиках: «Меньшевики утверждают, что они разделяют все принципы программы и расходятся только с организационными принципами главного автора программы — Ленина. Но для чего же тогда может служить программа, если ею нельзя определить такое важное основное явление в жизни партии, как выбор организационного принципа?»

Что же касается всей серии боевых лозунгов, выставленных в разное время меньшевиками, то у нас нет возможности, не расширяя чересчур рамки намеченной брошюры, анализировать все эти лозунги. По существу все выдвинутые меньшевиками обвинения уже были включены в резолюцию, проведенную Аксельродом, Мартовым, Засулич и Старовером на съезде «Лиги». В этой резолюции говорится: «Лига обращается ко всем сознательным товарищам с призывом во имя партийного устава начать систематическую борьбу против стремления к бюрократическому централизму, который будто бы необходим для превращения российского пролетариата в самостоятельную политическую партию, в настоящую социалдемократию». Перед тем будущие редакторы обвиняли большинство, что вместо настоящего внутреннего единства они стремятся создать чисто внешнюю форму единства, которой хотят достигнуть

чисто механическими средствами, полным подавлением всякой индивидуальной инициативы и общественной самостоятельности. Говорили о самодержавном бюрократическом управлении партии и т. п. Все эти жалобы были направлены главным образом против только что избранного ЦК, который, к слову сказать, совершенно еще не имел возможности в чем-нибудь проявить себя, так что все жалобы меньшевиков исключительно касались будущих действий ЦК, или же жалобы эти были направлены против большинства съезда. В конце концов, в чем же выражался бюрократизм в партийном уставе? Но ведь он же был принят меньшинством, на съезде они голосовали за такого рода централизацию. Проявлялся ли абсолютизм в Партийном совете? Многие из меньшевиков, пока сами не овладели Партийным советом, разделяли этот взгляд. Они считали его теократическим учреждением, которое имело цель подчинить Центральный комитет Центральному органу. Овладев Партийным советом с переходом Плеханова на их сторону и добившись большинства в нем, именно они так и поступали. Далее, трудно понять, о каком формальном единстве говорится в резолюции. Дело обстояло таким образом: после долгого и упорного труда наиболее зрелым и сознательным элементам нашей партии удалось добиться внутреннего единства партии. Представители партии, голосуя за определенную внешнюю форму, определенно свидетельствовали о том, что они созрели до высшей партийной формы.

Меньшевики с теперешними редакторами во главе (и в особенности с т. Плехановым, который еще вчера сам обвинялся в том, что является бюрократом и самодержцем, и который сегодня после кооптации остальных редакторов сам вместе с ними вопит о бюрократизме и ультрацентрализме) твердят о противоречии между внутренним и внешним единством. Но до сих пор они не удосужились показать нам, в чем проявилось отсутствие внутреннего, т. е. принципиального единства. Ведь мы приняли программу и тактику почти что единогласно, мы разошлись только в вопросе о том, годятся или нет Аксельрод, Засулич и Старовер для работы в редакции или Центральном комитете. Партия раскололась только по этому вопросу; по гораздо более важному вопросу: какая формулировка 1-го

параграфа устава — мартовская или ленинская — более соответствует интересам партии, — большинство было побеждено, оно не протестовало, оно не подняло вопроса о расколе, оно просто подчинилось партийному решению.

Тов. Плеханов, прежде чем он кооптировал своих старых друзей, говорил об анархическом индивидуализме, которым заражены многие наши товарищи. Тогда он имел в виду меньшевиков. Мы полагаем, что он был тогда совершенно прав. Партийная дисциплина несовместима с анархизмом и индивидуализмом. В глазах анархиста любая форма дисциплины является бюрократизмом.

Знакомясь вообще с новыми принципами меньшинства, нам необходимо сказать, что основным недостатком меньшевиков является то, что все выставленные ими против большевиков тезисы касаются лишь вредных, с точки зрения меньшевиков, тенденций, обнаруженных той или другой группой товарищей. Весь принципиальный спор вертится исключительно на вопросах: произошло ли фактически то или другое событие или нет, правильно ли выставлено обвинение против того или иного лица. Каждый же раз, когда меньшинство делает попытку углубить спор теоретически и отвлечься от конкретных фактов, каждый раз их очень глубокие принципы принимают облик анархической или оппортунистической фразы.

Так, напр., т. Мартов счел необходимым ответить на открытое письмо Ленина «Почему я вышел из редакции»⁴² брошюрой под заглавием «Борьба с осадным положением». Основная идея этой брошюры — представить доказательства, что Ленин изобрел осадное положение против всех несогласных с его точкой зрения, что большинство партии приняло систему Ленина и что теперь некоторые неумные комитеты, не сознавая того, что они делают, преследуют несчастных меньшевиков. Факты, с которыми оперирует эта брошюра, старые, всем известные, вроде попытки похитить автономию «Лиги», незаконного требования о прекращении бойкота, выставленного многими комитетами.

Также неясными, двусмысленными оказались статьи Аксельрода (в №№ 55 и 57 «Искры»), те самые статьи, которые, по мнению всего меньшинства, в том числе и Плеханова, представляют собой «глубокомысленную попытку

дать материалистическое объяснение тем тенденциям нашей партии, которые так ясно обнаружались в организационном плане Ленина», причем, конечно, Аксельрод забывает, что в качестве редактора старой «Искры» он сам проповедывал этот организационный план, как и всю политику большинства. Основная задача этой статьи—доказать, что социалдемократическая партия России является пролетарской по своей программе, но якобы далеко еще не является пролетарской по составу своей организации. Она еще не освободилась от опеки буржуазной интеллигенции и имеет все шансы на то, чтобы превратиться в революционную политическую партию демократической буржуазии, которая поведет рабочие массы России на путь политической борьбы. Доказательством этой будто бы объективной тенденции, между прочим, должна служить «организационная утопия» нескольких русских социалдемократов, которые, как перед божеством, преклоняются перед механическим формальным централизмом. Эти товарищи не ведут рабочие массы к самовоспитанию, но (о, ужас!) пытаются втянуть их в буржуазно-революционное движение и вообще обнаруживают склонность к заговорщицкому, бланкистскому типу организации. Лучшей иллюстрацией господства организационной утопии теократического характера является стремление подчинить Центральный комитет Центральному органу.

Мы не будем отрицать, что в нашей партии существует известный антагонизм между пролетарским и радикально-интеллигентским направлениями. Это тот же самый антагонизм, «который вообще разделяет современную социалдемократию на революционную (ортодоксальную) и оппортунистическую (ревизионистскую, министералистскую, реформистскую). Это деление очень ясно обнаружилось в России за последние 10 лет» (Ленин, «Шаг вперед, два шага назад») ⁴³. Теоретики большинства полагают, что основной ошибкой Аксельрода является то, что он нигде не сделал попытки ответить на вопрос, как возникло приведенное им деление в истории социалдемократии России вообще и на нашем партийном съезде в частности. Это последнее обстоятельство тем более странно, что Аксельрод пишет непосредственно после партийного съезда. Единственным признаком непролетарской тенденции нашей партии, по мнению Аксельрода, была организационная утопия теократического

характера, и вот совершенно неожиданно картина резко изменилась. История сыграла над Аксельродом злую шутку, передав в его руки основное орудие теократического господства над партией, т. е. ЦО и Совет партии.

Чтобы ответить на все эти нападки, теоретический вождь большевиков Ленин счел необходимым подвергнуть тщательному и подробному анализу спорный вопрос о том, кто является представителем ортодоксального, т. е. пролетарского, и кто оппортунистического, т. е. демократически-интеллигентского, направления. Именно с этой целью Ленин тщательно изучил работу партийного съезда, на котором так ясно выяснились отдельные мнения, оттенки мнений и целые оформленные направления. Только такой работой можно было достичь настоящего конкретного понимания высказываемых в настоящее время тезисов и оценки тенденций, обнаруживаемых социалдемократическим движением.

Основным недостатком всех писаний и разговоров меньшинства, всего того, что они за время их критики большевиков наговорили и написали, является совершеннейшая бессодержательность, фразеология и полное отсутствие серьезной попытки подойти к серьезному анализу, к конкретным фактам партийной жизни. У них постоянно обнаруживается стремление подходить к каждому вопросу с отвлеченной точки зрения, причем все их абстракции очень мало помогают разрешению вопроса, а наоборот, все более увеличивают путаницу в головах живущих в России товарищей. Меньшинство в лице их виднейших ответственных руководителей не раз подчеркивало свою полную солидарность с большинством в вопросах программы и тактики, не раз указывало, что устав наш далеко не такой плохой, чтобы его нельзя было применять к жизни. Но в таком случае, в чем же проявляются отрицательные тенденции большинства?

В ответе на письмо т. Александрова*⁴⁴, который обращал внимание критиков из меньшинства на то, что все их вопли о бюрократическом, механическом и тому подобном, централизме теряют всякую почву под ногами при внимательном изучении партийного устава, редакция отвечала: «Здесь, в письме т. Александрова, указывается на чересчур отвлеченную постановку вопроса о наших организационных

* Александров — Михаил Степанович Ольминский.

разногласиях. Тов. Александров хочет весь наш спор свести к вопросу, годен ли наш устав или нет, и приводит при этом аргументы противников. Мы отнюдь не хотим решительно заявлять, что при точном и безусловном проведении в жизнь нашего устава наш централизм должен обязательно выродиться в чистый бюрократизм. Наш устав далеко еще не совершенен, но было бы совершенно неправильно утверждать, что он безусловно никуда не годится. Бюрократизм может проявиться и при каждом уставе».

Далее редакция протестует против формулы т. Александрова и говорит: «Борющееся социалдемократическое направление в партии должно быть проведено в жизнь не только одной теоретической борьбой, но и определенными организационными формами». Это сопоставление теоретической борьбы и организационных форм вещь неплохая, поучает редакция, теоретическая борьба является процессом, организационные формы являются только формами. Все эти выдержки особенно ясно характеризуют теоретическую путаницу меньшевиков. Критику организационных взглядов большевиков теоретики меньшевиков не могут обосновать анализом партийного устава, проведенного большевиками. Меньшевики абстрагируются от этой мелочи и критикуют «дух» организационных взглядов своих противников. Но критика эта началась гораздо раньше, чем устав наш мог примениться к жизни. Как мы уже знаем, критика эта облекалась в вполне практические выводы, которые заставили меньшевиков уже на съезде отказываться в послушании и в признании руководства бюрократов, сидящих в партийных центрах. Отсюда ясно, что критика эта безусловно противоречила тому, что отвечала редакция т. Александрову. Эта критика а priori* судила о духе организационных тенденций большинства, который не успел еще проявиться в жизни. На этой же точке зрения стоит меньшинство и по сие время. В противоположность им теоретики большевиков судят а posteriori**. Партийный съезд дал им богатейший материал для такого суждения, и большинство считает чрезвычайно важным делом близкое знакомство и тщательное изучение весьма поучительной

* Наперед, заранее. *Ред.*

** После того. *Ред.*

книги, которая называется «Протоколами 11 очередного съезда Российской социалдемократической рабочей партии». Большинство убеждено, что без достаточного знакомства с протоколами партийного съезда никто не сможет понять межфракционную борьбу, изнуряющую нашу партию после съезда. Оценка всех возникших в нашей партии вопросов с одной стороны ведется а priori, а с другой стороны — а posteriori. Это является, по нашему мнению, основным различием литературы меньшевиков и большевиков.

Центральный орган без партии, партия без Центрального органа — так характеризует большинство свое отношение к Центральному органу партии. Путаница в теоретических вопросах, высмеивание партийной дисциплины, оправдание всякого нарушения партийного устава, шуточки над партийным съездом, мелочная полемика с местными комитетами, инсинуация и заподозрение по адресу большинства — вот чем занимается ЦО партии в настоящее время. Недовольство этим становится все более и более сильным. Растет число резолюций местных комитетов, которым надоело уже опровергать все возводимые против них инсинуации и которые жаждут положительной работы. Борьба, начатая редакцией против идеи о созыве III партийного съезда, делает положение вещей совершенно невозможным. Все более и более сгущается атмосфера недоверия и враждебности к партийным органам, все более фактически раскалывается партия. Положительная работа партии тормозится все больше и больше мелочной полемикой и кооптационными дрызгами. Социалдемократия теряет свои позиции, «Искра» вносит в работу все больше путаницы и неопределенности; рабочие массы начинают выражать недоверие людям, которые разрушают свои собственные партийные организации. И все же, несмотря на этот жестокий кризис, растет и крепнет наша социалдемократическая рабочая партия, голос местных комитетов становится все громче и звучит все более уверенно.

Мы уверены, что III съезд уже недалек, и он, конечно, найдет пути и энергичные средства, чтобы положить конец нашим партийным дрызгам.

*Печатается по тексту брошюры
«Большевизм на международной арене»,
изд. «Старый большевик», Москва 1932 г.*

ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД⁴⁵

ОТВЕТ РОЗЕ ЛЮКСЕМБУРГ

Статья т. Розы Люксембург в 42 и 43 номерах «Die Neue Zeit» * является критическим разбором моей русской книги о кризисе в нашей партии⁴⁶. Я не могу не выразить благодарности германским товарищам за их внимание к нашей партийной литературе, за их попытки ознакомить с этой литературой Германскую социалдемократию, но я должен указать на то, что статья Розы Люксембург в «Neue Zeit» знакомит читателей не с моей книгой, а с чем-то иным. Это видно из следующих примеров. Тов. Люксембург говорит, например, что в моей книге отчетливо и ярко выразилась тенденция «не считающегося ни с чем централизма». Тов. Люксембург полагает, таким образом, что я отстаиваю одну организационную систему против какой-то другой. Но на самом деле это не так. На протяжении всей книги, от первой до последней страницы, я защищаю элементарные положения любой системы любой мыслимой партийной организации. В моей книге разбирается не вопрос о различии между той или иной организационной системой, а вопрос о том, каким образом любую систему следует поддерживать, критиковать и исправлять, не противореча принципам партии. Роза Люксембург говорит дальше, что «согласно его (Ленина) пониманию ЦК предоставлены полномочия организовывать все местные комитеты партии». На самом деле это неверно. Мое мнение по данному вопросу может быть документально доказано внесенным мною проектом устава партийной организации. В этом проекте нет ни слова о праве организовывать местные комитеты. Комиссия, избранная на партийном съезде для выработки устава партии, включила в него это право, и партийный съезд утвердил

* Выдержки из статьи Р. Люксембург см. стр. 131 — 139. *Ред.*

проект комиссии. В эту комиссию, кроме меня и еще одного сторонника большинства, были избраны три представителя меньшинства партийного съезда, следовательно, в этой комиссии, предоставившей ЦК право организовывать местные комитеты, как раз три моих противника одержали верх. Тов. Р. Люксембург смешала два различных факта. Во-первых, она смешала мой организационный проект с видоизмененным проектом комиссии, с одной стороны, и, с другой стороны, с организационным уставом, принятым партийным съездом; во-вторых, смешала защиту определенного требования определенного параграфа устава (в этой защите я ни в коей мере не был «беспощаден», так как на пленуме я не возражал против поправки, внесенной комиссией) с защитой (не правда ли, подлинно «ультрацентралистского»?) тезиса, что устав, принятый партийным съездом, должен проводиться в жизнь до тех пор, пока он не будет изменен следующим съездом. Этот тезис («чисто бланкистский», как это легко может заметить читатель), я, действительно, «беспощадно» защищал в своей книге. Тов. Люксембург говорит, что по моему мнению «ЦК является единственным активным ядром партии». На самом деле это неправда. Я никогда не защищал этого мнения. Напротив, мои оппоненты (меньшинство II съезда партии) обвиняли меня в своих писаниях, что я недостаточно отстаиваю независимость, самостоятельность ЦК и слишком подчиняю его находящейся за границей редакции ЦО и Совету партии. На это обвинение я отвечаю в своей книге, что, когда партийное большинство имело верх в Совете партии, оно никогда не делало попыток ограничить самостоятельность ЦК; но это произошло тотчас же, как только Совет партии стал орудием борьбы в руках меньшинства. Тов. Роза Люксембург говорит, что в Российской социалдемократии не существует никаких сомнений в необходимости единой партии и что весь спор сосредоточивается вокруг вопроса большей или меньшей централизации. На самом деле это неверно. Если бы т. Люксембург взяла на себя труд ознакомиться с резолюциями многочисленных местных комитетов партии, которые образуют большинство, то она легко поняла бы (это особенно ясно видно из моей книги), что спор у нас велся главным образом о том, должны ли ЦК и ЦО представлять собой

направление большинства партийного съезда, или не должны. Об этом «ультрацентралистском» и «чисто бланкистском» требовании уважаемый товарищ не говорит ни единого слова, она предпочитает декламировать против механического подчинения части целому, против рабской покорности, против слепого повиновения и тому подобных ужасов. Я очень благодарен т. Люксембург за разъяснение глубокомысленной идеи о том, что рабская покорность губительна для партии, но мне хотелось бы знать, считает ли товарищ нормальным, может ли она допустить, видела ли она в какой-нибудь партии, чтобы в центральных органах, именующих себя партийными органами, преобладало меньшинство партийного съезда? Тов. Р. Люксембург приписывает мне мысль, что в России уже существуют все предпосылки для организации большой и крайне централизованной рабочей партии. Снова фактическая неверность. Нигде в своей книге я не только не защищал этой мысли, но даже и не высказывал ее. Тезис, выставленный мной, выражал и выражает нечто иное. А именно я подчеркивал, что налицо уже все предпосылки к тому, чтобы решения партийного съезда признавались, и что уже давно прошло то время, когда партийный коллектив подменялся частным кружком. Я приводил доказательства того, что некоторые партийные литераторы обнаруживали свою непоследовательность и непостоянство и что они не имеют никакого права сваливать свою недисциплинированность на русского пролетария. Русские рабочие уже неоднократно при различных обстоятельствах высказывались за соблюдение постановлений съезда партии. Прямо смешно, когда т. Люксембург объявляет подобное мнение «оптимистичным» (не надо ли его считать скорее «пессимистичным»), и при этом ни единого слова не говорит о фактической основе моего положения. Тов. Люксембург говорит, что я восхваляю воспитательное значение фабрики. Это неправда. Не я, а мой противник утверждал, что я представляю себе партию в виде фабрики⁴⁷. Я как следует высмеял его, доказав его же словами, что он смешивает две различные стороны фабричной дисциплины, что, к сожалению, случилось и с т. Люксембург.

Тов. Люксембург говорит, что я своим определением революционного социалдемократа, как якобинца, связанного

с организацией классово-сознательных рабочих, пожалуй, дал более остроумную характеристику своей точки зрения, чем это мог бы сделать кто-нибудь из моих противников. Опять фактическая неправильность. Не я, а П. Аксельрод первый говорил о якобинстве. Аксельрод первый сравнивал наши партийные группировки с группировками из времен Великой французской революции⁴⁸. Я заметил только, что это сравнение допустимо лишь в том смысле, что разделение современной социалдемократии на революционную и оппортунистическую соответствует до некоторой степени разделению на монтаньяров и жирондистов. Подобное сравнение часто делала признанная партийным съездом старая «Искра». Признавая как раз такое деление, старая «Искра» боролась с оппортунистическим крылом нашей партии; с направлением «Рабочего Дела». Роза Люксембург смешивает здесь *соотношение* между двумя революционными направлениями XVIII и XX столетия с отождествлением самих этих направлений. Например, если я говорю, что Малый Шайдег в сравнении с Юнгфрау все равно, что двухэтажный дом в сравнении с четырехэтажным, это еще не значит, что я отождествляю четырехэтажный дом с Юнгфрау. Из поля зрения т. Люксембург выпал целиком фактический анализ различных направлений нашей партии. А как раз большую половину моей книги я посвящаю этому анализу, который основывается на протоколах нашего партийного съезда, и в введении я обращаю на это особое внимание. Роза Люксембург хочет говорить о теперешнем положении нашей партии и совершенно игнорирует при этом наш партийный съезд, который, собственно, и заложил подлинный фундамент нашей партии. Следует признать это рискованным предприятием! Тем более рискованным, что, как я сотни раз уже указывал в своей книге, мои противники игнорируют наш партийный съезд, и именно поэтому все их утверждения лишены всякой фактической основы.

Как раз такую же коренную ошибку совершает и Роза Люксембург. Она повторяет лишь голые фразы, не давая себе труда уяснить их конкретный смысл. Она запугивает различными ужасами, не изучив действительной основы спора. Она приписывает мне общие места, общеизвестные принципы и соображения, абсолютные истины и старается

умалчивать об истинах относительных, касающихся строго определенных фактов, которыми только я и оперирую. И она еще жалуется на шаблон и взывает при этом к диалектике Маркса. А как раз статья уважаемого товарища содержит исключительно выдуманнные шаблоны, и как раз ее статья противоречит азбуке диалектики. Эта азбука утверждает, что никакой отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Тов. Роза Люксембург величественно игнорирует конкретные факты нашей партийной борьбы и великодушно занимается декламацией о вопросах, которые невозможно серьезно обсуждать. Я приведу последний пример из второй статьи т. Люксембург. Она цитирует мои слова, что та или иная редакция организационного устава может служить более или менее сильным средством борьбы против оппортунизма. О каких формулировках говорил я в своей книге и говорили все мы на партийном съезде, об этом Роза Люксембург не говорит ни слова. Что за полемику вел я на партийном съезде, против кого выдвигал я мои положения, этого товарищ совершенно не касается. Вместо этого она благоволит прочесть мне целую лекцию об оппортунизме... в странах парламентаризма!! Но обо всех особенных, специфических разновидностях оппортунизма, о тех оттенках, которые он принял у нас в России и о которых идет речь в моей книге, — об этом в ее статье мы не находим ни слова. Вывод из всех этих, в высшей степени остроумных, рассуждений следующий: «Устав партии должен быть не каким-то самодовлеющим [an sich] (?? пойми, кто может) оружием для борьбы с оппортунизмом, а только орудием для проведения во-вне руководящего влияния фактически существующего революционного пролетарского большинства партии». Совершенно правильно. Но как образовалось фактически существующее большинство нашей партии, об этом Р. Люксембург умалчивает, а именно об этом я и говорю в своей книге. Она умалчивает также о том, какое влияние отстаивали я и Плеханов с помощью этого орудия. Я могу лишь прибавить, что я никогда и нигде не говорил подобной бессмыслицы — что устав партии является оружием «сам по себе».

Самым правильным ответом на такой способ истолкования моих взглядов было бы изложение конкретных фактов нашей партийной борьбы. Тогда каждому станет ясно, как

сильно противоречат конкретные факты общим местам и шаблонным абстракциям т. Люксембург.

Наша партия была создана весной 1898 г. в России на съезде представителей нескольких русских организаций. Партия была названа Российской социалдемократической рабочей партией. Центральным органом была сделана «Рабочая Газета»; Союз русских социалдемократов за границей стал заграничным представительством партии. Вскоре после съезда ЦК партии был арестован. «Рабочая Газета» со второго номера перестала выходить. Вся партия превратилась в бесформенный конгломерат местных партийных организаций (названных комитетами). Единственная связь, объединявшая эти местные комитеты, была идейная, чисто духовная связь. Неизбежно должен был наступить период расхождений, шатаний, расколов. Интеллигенты, составлявшие гораздо больший процент в нашей партии по сравнению с западно-европейскими партиями, увлеклись марксизмом, как новой модой. Это увлечение очень быстро уступило место, с одной стороны, рабочему преклонению перед буржуазной критикой Маркса, с другой стороны, чисто профессиональному рабочему движению (стачкизм — экономизм). Расхождение интеллигентски-оппортунистического и пролетарски-революционного направлений привело к расколу заграничного «Союза». Газета «Рабочая Мысль» и заграничная газета «Рабочее Дело» (последняя несколько слабее) являлись выразителями экономизма, снижали значение политической борьбы, отрицали элементы буржуазной демократии в России. «Легальные» критики Маркса, гг. Струве, Туган-Барановский, Булгаков, Бердяев и др., пошли решительно вправо. Нигде в Европе не найдем мы, чтобы бернштейнианство так быстро пришло к своему логическому концу, к образованию либеральной фракции, как это было у нас в России. У нас г. Струве начал «критикой» во имя бернштейнианства, а кончил организацией либерального журнала «Освобождение», либерального в европейском смысле этого слова. Плеханов и его друзья, вышедшие из заграничного союза, нашли поддержку со стороны основателей «Искры» и «Зари». Эти два журнала (о чем слышала кое-что даже т. Роза Люксембург) вели «трехлетнюю блестящую кампанию» против оппортунистического крыла партии, кампанию

социалдемократической «Горы» против социалдемократической «Жиронды» (это выражение старой «Искры»), кампанию против «Рабочего Дела» (т.т. Кричевского, Акимова, Мартынова и др.), против еврейского «Бунда», против русских организаций, воодушевившихся этим направлением (в первую очередь против Петербургской как называемой Рабочей организации и Воронежского комитета).

Становилось все более и более очевидным, что недостаточно одной чисто идейной связи между комитетами. Все ощутимее выявлялась потребность образования действительно сплоченной партии, т. е. выполнения того, что лишь намечалось в 1898 году. Наконец, в конце 1902 г. образовался Организационный комитет, поставивший себе задачей созыв II съезда партии. В этот ОК, образованный главным образом русской организацией «Искры», вошел также представитель еврейского «Бунда». Осенью 1903 г. состоялся, наконец, II съезд, завершившийся, с одной стороны, формальным объединением партии, с другой стороны, расколом ее на «большинство» и «меньшинство». Этого разделения до партийного съезда не существовало. Лишь подробный анализ борьбы, происходившей на партийном съезде, может объяснить это деление. К сожалению сторонники меньшинства (включая и т. Люксембург) опасно уклоняются от этого анализа.

В моей книге, которая так своеобразно преподнесена т. Люксембург немецким читателям, я посвящаю больше 100 страниц подробному рассмотрению протоколов съезда (составляющих том около 400 страниц). Этот анализ заставил меня разделить делегатов, или, лучше сказать, голоса (у нас были делегаты, имеющие один или два голоса) на четыре основные группы: 1) искровцы большинства (сторонники направления старой «Искры») — 24 голоса, 2) искровцы меньшинства — 9 голосов, 3) центр (в насмешку называемый также «болотом») — 10 голосов и, наконец, антиискровцы — 8 голосов, всего 51 голос. Я анализирую участие этих групп во *всех* тех голосованиях, какие имели место на партийном съезде, и доказываю, что во всех вопросах (программы, тактики и организации) партийный съезд являлся ареной борьбы искровцев против антиискровцев при различных колебаниях «болота». Всякому, кто

хоть немного знаком с историей нашей партии, должно быть ясно, что иначе не могло и быть. Но все сторонники меньшинства (включая и Р. Люксембург) скромно закрывают глаза на эту борьбу. Почему? Как раз эта борьба делает очевидной всю ложность теперешнего политического положения меньшинства. Во все время этой борьбы на партийном съезде по десяткам вопросов, в десятках голосований искровцы боролись против антиискровцев и «болота», которое тем решительней становилось на сторону антиискровцев, чем конкретнее был обсуждаемый вопрос, чем он положительней определял основной смысл социал-демократической работы, чем реальнее стремился провести в жизнь правильные планы старой «Искры». Антиискровцы (особенно т. Акимов и всегда согласный с ним депутат Петербургской рабочей организации т. Брукер, почти всегда т. Мартынов и 5 делегатов еврейского «Бунда») были против признания направления старой «Искры». Они защищали старые частные организации, голосовали против их подчинения партии, против их слияния с партией (инцидент с ОЖ, роспуск группы «Южного Рабочего», важнейшей группы «болота», и т. д.). Они боролись против организационного устава, составленного в духе централизма (14-е заседание съезда), и обвиняли тогда *всех* искровцев в том, что они хотят ввести «организованное недоверие», «исключительный закон» и прочие ужасы. *Все* искровцы, без исключения, смеялись тогда над этим; замечательно, что т. Роза Люксембург принимает все эти выдумки за нечто серьезное. В подавляющем большинстве вопросов победили искровцы; они преобладали на съезде, что ясно видно из упомянутых цифровых данных. Но во время второй половины заседаний съезда, когда разрешались менее принципиальные вопросы, победили антиискровцы, — некоторые искровцы голосовали с ними. Так случилось, напр., по вопросу о равноправии языков в нашей программе; по этому вопросу антиискровцам почти удалось разбить программную комиссию и провести свою формулировку. Так случилось также и по вопросу первого параграфа устава, когда антиискровцы вместе с «болотом» провели формулировку Мартова. Согласно этой редакции членами партии считаются не только члены партийных организаций (такую редакцию защищали я и Плеханов),

но также и все лица, работающие под контролем партийной организации *.

То же случилось по вопросу о выборах ЦК и редакции Центрального органа. 24 искровца образовали сплоченное большинство; они провели давно задуманный план обновления редакции: из шести старых редакторов были избраны трое; в меньшинство вошло 9 искровцев, 10 членов центра и 1 антиискровец (остальные—7 антиискровцев, представители еврейского «Бунда» и «Рабочего Дела»—покинули съезд еще раньше). Это меньшинство осталось так недоволено выборами, что оно решило воздержаться от участия в остальных выборах. Тов. Каутский был совершенно прав, когда он увидел в факте обновления редакции главную причину последующей борьбы. Но его взгляд, что я (sic!) «исключил» трех товарищей из редакции, объясняется только его полным незнакомством с нашим съездом. Во-первых, неизбрание ведь совсем не то, что исключение, и я, конечно, не имел на съезде права кого-либо исключать, а во-вторых, т. Каутский, кажется, и не подозревает, что факт коалиции антиискровцев, центра и небольшой части приверженцев «Искры» также имел политическое значение и не мог остаться без влияния на результат выборов. Кто не хочет закрывать глаза на то, что произошло на нашем съезде, тот должен понять, что наше новое разделение на меньшинство и большинство является только вариантом старого разделения на пролетарски-революционное и интеллигентски-оппортунистическое крылья нашей партии. Это факт, который нельзя обойти никаким истолкованием, никакой насмешкой.

К сожалению, после съезда принципиальное значение этого раскола было омрачено дрызгами по вопросу о

* Тов. Каутский, высказываясь по поводу редакции Мартова, становится при этом на точку зрения целесообразности. Во-первых, этот пункт обсуждался на нашем партийном съезде не с точки зрения целесообразности, а с принципиальной точки зрения. В таком виде вопрос был поставлен Аксельродом. Во-вторых, т. Каутский заблуждается, если он думает, что при русском полицейском режиме существует такое большое различие между принадлежностью к партийной организации и простой работой под контролем подобной организации. В-третьих, особенно ошибочно сравнивать теперешнее положение в России с положением в Германии под действием исключительного закона о социалистах.

кооптации. А именно, меньшинство не захотело работать под контролем центральных учреждений, если три старых редактора не будут снова кооптированы. Два месяца продолжалась эта борьба. Средствами борьбы служили бойкот и дезорганизация партии. 12 комитетов (из 14, высказавшихся по этому поводу) резко осудили эти способы борьбы. Меньшинство отказалось даже принять наше (исходившее от меня и Плеханова) предложение и высказать свою точку зрения на страницах «Искры». На съезде заграничной Лиги дело дошло до того, что члены ЦО были осыпаны личными оскорблениями и бранью (самодержцы, бюрократы, жандармы, лжецы и т. д.). Их обвиняли в том, что они подавляли личную инициативу и хотели ввести беспрекословное повиновение и слепое подчинение и т. д. Попытки Плеханова квалифицировать такой способ борьбы меньшинства, как анархистский, не могли достигнуть цели. После этого съезда Плеханов выступил с своей, составившей эпоху и направленной против меня, статьей «Чего не делать» (в № 52 «Искры»). В этой статье он говорил, что борьба с ревизионизмом не должна непременно означать борьбу против ревизионистов; для всех было ясно, что он при этом подразумевает наше меньшинство. Далее он говорил, что иногда не надо бороться с индивидуалистическим анархизмом, который так глубоко сидит в русском революционере; некоторые уступки являются иногда лучшим средством для того, чтобы подчинить его и избежать раскола. Я вышел из редакции, так как не мог разделять такого взгляда, и редакторы из меньшинства были кооптированы. Затем последовала борьба за кооптацию в Центральный комитет. Мое предложение заключить мир с тем условием, что за меньшинством останется ЦО, а за большинством — ЦК, было отвергнуто. Борьба продолжалась, боролись «принципиально» против бюрократизма, ультрацентрализма, формализма, якобинства, швейцерианства (именно меня называли русским Швейцером) и прочих ужасов. Я высмеял все эти обвинения в своей книге и заметил, что это или простая кооптационная перебранка или (если это должно условно признаваться «принципами») не что другое, как оппортунистические, жирондистские фразы. Нынешнее меньшинство повторяет только то, что... Акимов и прочие признанные оппортунисты говорили

на нашем съезде против централизма, защищавшегося всеми сторонниками старой «Искры».

Русские комитеты были возмущены превращением ЦО в орган частного кружка, орган кооптационных дрызг и партийных сплетен. Было вынесено множество резолюций, выражающих самое резкое порицание. Только так называемая «Петербургская рабочая организация», упоминавшаяся уже нами, и Воронежский комитет (сторонники направления т. Акимова) высказали свое *принципиальное* удовлетворение по поводу направления новой «Искры». Голоса, требовавшие созыва III съезда, становились все более многочисленными.

Читатель, который даст себе труд изучить первоисточники нашей партийной борьбы, легко поймет, что выражения т. Розы Люксембург об «ультрацентрализме», о необходимости постепенной централизации и т. д. конкретно и практически являются насмешкой над нашим съездом, абстрактно же и теоретически (если здесь можно говорить о теории) являются прямым опозланием марксизма и извращением настоящей диалектики Маркса и т. д.

Последний фазис нашей партийной борьбы ознаменовался тем, что члены большинства были частью исключены из ЦК, частью обезврежены, сведены к нулю. (Это случилось благодаря переменам в составе ЦК и т. д.) Совет партии (который после кооптации старых редакторов также попал в руки меньшинства) и теперешний ЦК осудили всякую агитацию за созыв III съезда и переходят на путь личных соглашений и переговоров с некоторыми членами меньшинства. Организации, вроде, напр., коллегии агентов (уполномоченных) ЦК, позволившие себе совершить такое преступление, как агитация за созыв съезда, были распущены. Борьба Совета партии и нового ЦК против созыва III съезда была объявлена по всей линии. Большинство ответило на это лозунгом: «Долой бонапартизм!» (так была озаглавлена брошюра т. Галерки, [М. С. Ольминского], который выступает от имени большинства). Растет число резолюций, в которых партийные учреждения, ведущие борьбу против созыва съезда, объявляются антипартийными и бонапартистскими. Как лицемерны были все разговоры меньшинства против ультрацентрализма и за автономию, ясно видно из того, что новое издательство

большинства, предпринятое мною и одним товарищем (где были напечатаны вышеупомянутая брошюра т. Галерки и некоторые другие), было объявлено стоящим вне партии. Новое издательство предоставляет большинству единственную возможность пропагандировать свои взгляды, так как страницы «Искры» для них почти закрыты. И несмотря на это или, вернее сказать, именно поэтому Совет партии вынес вышеупомянутое решение на том чисто формальном основании, что наше издательство не уполномочено ни одной партийной организацией.

Нечего и говорить о том, в каком забросе теперь положительная работа, как сильно упал престиж социалдемократии, как сильно деморализована вся партия, благодаря отмене всех решений, всех выборов II съезда, благодаря той борьбе против созыва III съезда, которую ведут партийные учреждения, ответственные перед партией.

*Написано во второй
половине сентября 1904 г.
Впервые напечатано в 1930 г.
в «Ленинском Сборнике» XV.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
т. XXX, стр. 88 — 97.*

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАСКОЛА В РСДРП ⁴⁹

Известный вождь швейцарских социалдемократов Герман Грейлих в письме от 1 февраля 1905 г. к редакции газеты «Вперед» (РСДРП) выразил, между прочим, сожаление о новом расколе среди русских социалдемократов и заметил: «Кто более виноват в этом расколе, этого я не буду решать, я предложил Правлению немецкой социалдемократической партии решить этот вопрос международным путем». На это письмо Грейлиха редакция «Вперед» вместе с заграничным уполномоченным русского «Бюро комитетов большинства» т. Степановым ответила следующим письмом:

Ввиду того, что т. Грейлих намерен обратиться к международному решению, мы сообщаем наше письмо к Грейлиху всем заграничным друзьям газеты «Вперед» и просим их перевести это письмо на язык той страны, где они живут, и познакомить с этим письмом возможно большее количество иностранных социалдемократов. Желательно также перевести на иностранные языки и брошюру Ленина «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией» ⁵⁰, равным образом резолюции Северной конференции, резолюции Южной конференции, резолюции Кавказской конференции.

Бернская группа содействия РСДРП «Вперед» издает это письмо, считая крайне важным особенно для товарищей в России иметь краткий очерк раскола. Просим заграничных товарищей пересылать письмо в Россию.

ПИСЬМО ГРЕЙЛИХУ 4 ФЕВРАЛЯ 1905 Г.

Уважаемый товарищ!

Вы касаетесь в своем письме вопроса о виновности той или другой фракции нашей (РСДРП) партии в расколе. Вы говорите, что запросили мнение об этом немецких социалдемократов и Международного бюро. Мы считаем

себя обязанными ввиду этого изложить Вам, как произошел раскол. Ограничимся приведением *точно доказанных фактов*, отстраняя, по возможности, всякую оценку их.

До конца 1903 г. наша партия была совокупностью несвязанных между собой местных социалдемократических организаций, называемых комитетами. Центральный комитет и Центральный орган, выбранные на I съезде партии (1898 г.), отсутствовали. Полиция разбила их, и они не возобновились. За границей произошел раскол между Союзом русских социалдемократов (орган — «Рабочее Дело», оттуда «рабочедельцы») и Плехановым. На сторону последнего стала газета «Искра», основанная в 1900 году. За три года, с 1900 до 1903, «Искра» приобрела подавляющее влияние на русские комитеты. «Искра» отстаивала идеи революционной социалдемократии против экономизма («рабочедельчество» — русская разновидность оппортунизма). Отсутствие единства партии тяготило всех. Наконец, в августе 1903 г. удалось собрать за границей II съезд партии. Участвовали все русские комитеты, Бунд (самостоятельная организация еврейского пролетариата) и обе заграничные фракции: искровская и рабочедельческая.

Все участники съезда признали съезд законным. Борьба на съезде велась между искровцами и антиискровцами (рабочедельцы и Бунд), середину занимало так называемое «болото». Искровцы победили. Они провели программу партии (утвержден проект «Искры»). «Искру» признали Центральным органом, направление ее — направлением партии. Ряд резолюций по тактике был в ее духе; организационный устав (проект Ленина) был принят искровский, лишь в частностях его ухудшили антиискровцы, при участии меньшинства искровцев. Группировка голосов на съезде была такова: всего 51 голос, из них 33 искровских (24 искровца теперешнего большинства, 9 искровцев теперешнего меньшинства), 10 — «болота» и 8 антиискровцев (3 рабочедельца и 5 бундовцев). К концу съезда, перед выборами, 7 делегатов (2 рабочедельца и 5 бундовцев) ушли со съезда (Бунд вышел из партии). Тогда меньшинство искровцев, поддерживаемое, вследствие сделанных ими ошибок, всеми антиискровцами и болотом, оказалось *меньшинством съезда* (24 и 9 + 10 + 1, т. е. 24 и 20).

При выборах центральных учреждений решено было выбрать трех лиц в редакцию ЦО и трех в Центральный комитет. Из шести лиц старой редакции «Искры», Плеханов, Аксельрод, Засулич, Старовер, Ленин и Мартов, выбраны: Плеханов, Ленин и Мартов. В Центральный комитет хотели выбрать двух от большинства и одного от меньшинства. Мартов отказался войти в редакцию без трех исключенных (невыбранных) товарищей, и все меньшинство отказалось от выборов в Центральный комитет. Никто никогда не оспаривал и до сих пор не оспаривает законности выборов, но меньшинство после съезда отказалось работать под руководством выбранных съездом центров. Этот бойкот продолжался три месяца: с конца августа 1903 г. по конец ноября 1903 года. «Искру» (6 номеров, 46 — 51) редактировали Плеханов и Ленин вдвоем. Меньшинство составило тайную организацию в партии (*факт, удостоверенный теперь в печати самими сторонниками меньшинства и не отрицаемый в настоящее время никем*). Русские комитеты подавляющим большинством (12 из 14 успешных высказаться комитетов) высказались против этого дезорганизирующего бойкота. Но Плеханов, после бурного съезда заграничной «Лиги» (заграничная организация партии), бывшего в самом конце октября 1903 г., решил уступить меньшинству, заявив перед всей партией, в статье «Чего не делать» (№ 52 «Искры», ноябрь 1903 г.), что, во избежание раскола, надо иногда уступать даже тем, кто по ошибке склоняется к ревизионизму и действует, как *анархический индивидуалист* (подчеркнутые выражения — подлинные выражения Плеханова в статье «Чего не делать»). Ленин вышел из редакции, не желая идти против решений съезда. Плеханов кооптировал тогда всех четырех бывших редакторов. Русские комитеты заявили, что посмотрят, каково будет направление новой «Искры», посмотрят, для мира ли меньшевики вошли в редакцию.

Оказалось, как предсказывали большевики, что и направление старой «Искры» не удержалось, и мира в партии новая меньшевистская редакция не дала. Направление «Искры» до того повернуло к старому, отвергнутому вторым съездом рабочедельчеству, что *сам* Троцкий, видный член меньшинства, издавший программную брошюру «Наши политические задачи», брошюру, вышедшую под

редакцией новой «Искры», заявил буквально: «Между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». Мы ограничиваемся этим заявлением нашего противника, чтобы не входить в длинные разъяснения принципиальной неустойчивости «Искры». С другой стороны, «тайная организация меньшинства» не распустилась, а продолжала бойкот Центрального комитета. Этот тайный раскол партии на открытую и тайную организацию невыносимо тормозил работу. Громадное большинство высказывавшихся о кризисе русских комитетов решительно осудило и направление новой «Искры», и дезорганизаторское поведение меньшинства. Со всех сторон раздавалось требование немедленного созыва съезда для выхода из невыносимого положения. По нашему уставу партии требуется заявление организаций, имеющих вместе половину общего числа голосов, для созыва экстренного (очередные съезды созываются каждые 2 года по возможности). *Половина уже составила.* Но тут ЦК изменил большинству. Под предлогом «примирения» оставшиеся после ареста члены ЦК *вошли в сделку с тайной организацией меньшинства* и объявили, что эта организация распускается, причем, тайком от партии и вопреки письменным заявлениям ЦК, *были кооптированы три меньшевика в Центральный комитет.* Эта кооптация состоялась в ноябре или декабре 1904 года⁵¹. Таким образом меньшинство боролось с августа 1903 по ноябрь 1904 г., разрывая всю партию из-за кооптации трех в ЦО и трех в Центральный комитет. Подделанные таким образом центральные учреждения ответили на требование съезда бранью или молчанием.

Тогда всякое терпение русских комитетов лопнуло. Они стали созывать свои частные конференции. До сих пор состоялись 3 конференции: 1) 4 кавказских комитетов; 2) 3 южных (Одесса, Николаев и Екатеринослав) и 3) 6 северных (Петербург, Москва, Тверь, Рига, «Север» — т. е. Ярославль, Кострома и Владимир и, наконец, Нижний-Новгород). Все эти конференции высказались за «большинство», решили поддерживать литературную группу большинства (группу Ленина, Рядового, Орловского, Галерки, Воинова * и других) и выбрали *свое бюро*; этому

* Рядовой — А. Вогданов; Орловский — В. В. Воровский; Галерка — М. С. Ольминский; Воинов — А. В. Луначарский.

бюро третья, т. е. северная, конференция поручила превратиться в организационный комитет и созвать съезд русских комитетов, т. е. III съезд партии, помимо заграничных центров, отколовшихся от партии. Так обстояло дело к 1 января 1905 г. (нового стиля). Бюро комитетов большинства начало свою работу (в силу наших полицейских условий созыв съезда затянется, конечно, на несколько месяцев: о II съезде было объявлено в декабре 1902 г., а созван он был в августе 1903 года). Литературная группа большинства основала *орган большинства*, газету «Вперед»⁵², которая и стала выходить еженедельно, с 4 января нового стиля 1905 года.

Теперь (4 февраля 1905 г.) вышло уже 4 номера. Направление газеты «Вперед» есть *направление старой «Искры»*. Во имя старой «Искры» «Вперед» решительно борется с новой «Искрой».

Фактически, следовательно, оказалось две РСДРП. Одна с органом «Искрой», «официально» называемым ЦО партии, с ЦК, с 4 русскими комитетами из 20 (остальные комитеты в России, кроме 20, бывших на II съезде, возникли после, и вопрос о законности их утверждения есть спорный вопрос). Другая партия с органом «Вперед», с Бюро русских комитетов большинства, с 14 комитетами в России (13 названных выше и Воронежский, а вероятно также и Саратовский, Уральский, Тульский и Сибирский; по крайней мере все 4 последние комитета после II съезда партии высказались в пользу «большинства»).

На стороне «новоискровцев» стоят все противники старой «Искры»: все рабочедельцы и большая часть околопартийной интеллигенции. На стороне «впередовцев» — все принципиально-убежденные сторонники старой «Искры» и большая часть сознательных передовых рабочих и практических деятелей партии в России. Плеханов, который на II съезде партии (август 1903 г.) и на съезде Лиги (октябрь 1903 г.) был большевиком и который с ноября 1903 г. отчаянно борется с большинством, заявил публично (2 сентября 1904 г.) (этот отзыв напечатан), что силы обеих сторон приблизительно равны. Мы, большевики, утверждаем, что на нашей стороне большинство настоящих русских партийных деятелей. Главной причиной раскола и главным препятствием к объединению мы

считаем дезорганизаторское поведение меньшинства, которое отказалось подчиниться решениям II съезда и предпечло раскол созыву III съезда.

В настоящее время меньшевики производят повсюду в России расколы местных организаций. Так в Петербурге они помешали комитету устроить демонстрацию 28 ноября (см. «Вперед» № 1)⁵³. Теперь они откололись в Петербурге в особую группу, названную «группой при ЦК» и противодействующую местному комитету партии. Такую же местную группу («при ЦК») для борьбы с комитетом партии они основали на-днях в Одессе. Меншевицским центральным учреждениям партии пришлось, в силу фальшивости их позиции, дезорганизовать местную работу партии, ибо эти центральные учреждения не захотели подчиниться решению избравших их комитетов партии.

Принципиальные разногласия между «Вперед» и новой «Искрой» те же, в сущности, какие были между старой «Искрой» и «Рабочим Делом». Эти разногласия мы считаем важными, но при условии возможности отстаивать вполне свои взгляды, взгляды старой «Искры», мы не считали бы эти разногласия сами по себе препятствием для работы сообща в одной партии.

*Написано 4 февраля 1905 г.
Впервые напечатано в 1926 г.
в «Ленинском Сборнике» V.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
т. VII, стр. 91 — 95.*

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ ⁵⁴

7 февраля 1905 г.

Многоуважаемый товарищ!

В тот же день, когда Вы писали мне, мы готовили письмо т. Герману Грейлиху*, в котором изложили, как и почему раскол в социалдемократической рабочей партии России в настоящее время стал совершившимся фактом. Копию этого письма мы сообщим партийному Правлению немецкой социалдемократической партии.

Третий съезд нашей партии будет созван русским Бюро комитетов большинства. Редакция «Вперед» и русское Бюро большинства — только временные центры. Ни я и никто из известных мне редакторов, сотрудников и приверженцев «Вперед» не возьмут на себя в настоящее время ответственности за какие-либо новые важные и связывающие всю партию шаги без решения партийного съезда. Итак, Ваше предложение может быть сообщено только этому партийному съезду.

В заключение позволяю себе также выразить глубокое сожаление по поводу того, что попытка вмешательства германской социалдемократии теперь, возможно, уже запоздала. Я говорю здесь о вмешательстве вообще, не об особых и особенно трудно осуществимых формах вмешательства, как, напр., обязательный третейский суд. Несколько месяцев тому назад, когда, может быть, это было еще не слишком поздно, когда еще существовал след надежды, что III партийный съезд может соединить обе фракции и восстановить *единую* партию, — тогда немецкая социалдемократия сделала все для нее возможное, чтобы закрыть этот путь. Каутский пытался ослабить в «Искре» ценность *формальной* организации. Ежедневник Германской социалдемократии превозносил дезорганизацию и вероломство (Роза Люксембург в «Neue Zeit») под тем остроумным и «диалектическим» предлогом, что организация — это лишь процесс, только тенденция. Раздражение в наших рядах по поводу этого было очень велико. Товарищ Рядовой, очень влиятельный член большинства, стоял на том, что Каутский поместит мой ответ

* См. стр 95—100. *Ред.*

Я держал с ним пари, что будет противоположное этому. Моя «защита» была написана коротко и по существу и ограничилась тем, что исправляла существенные неверности и противопоставляла насмешкам над нашей партией фактическое изложение. Каутский отверг мою статью с замечательной мотивировкой, будто нападки на нас «Neue Zeit» напечатало не потому, что они направлены против нас, но несмотря на это!* Это была просто насмешка! И так, «Neue Zeit» (и не одно оно) желало познакомиться германскую социалдемократию только со взглядами меньшинства. Раздражение по поводу этого в наших рядах было безмерно велико. На мой взгляд было естественно, что германские социалдемократы последовали человечески вполне понятному желанию видеть заграничных представителей русской социалдемократии в давно известных личностях, что они насмеялись над русским партийным съездом и его решениями, над русскими комитетами и их работой. Но после всего этого меня не удивит, если попытки вмешательства со стороны представителей немецкой социалдемократии натолкнутся на затруднения в наших рядах.

*Впервые напечатано в 1926 г.
в «Ленинском Сборнике» V.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
т. VII, стр. 99 и 451.*

* См. приложение II, стр. 140--141. *Ред.*

ПИСЬМО Н. Н. А. БЕБЕЛЮ ⁵⁵

22 февраля 1905 г.

Высокоуважаемый товарищ!

Я—член русского Бюро комитетов большинства РСДРП, только что приехавший из России. В России уже вышло с неделю тому назад печатное извещение этого Бюро о созыве III съезда РСДРП. Перевод и оригинал этого извещения прилагаю при сем для партийного Правления Немецкой социалдемократической рабочей партии. Я был бы очень благодарен, если бы этот перевод был сообщен всей немецкой партии путем опубликования в одном из органов партии.

Тов. Ленин передал мне Ваше письмо к нему от 3 февраля 1905 г.* и копию его ответа Вам от 8 февраля 1905 г.** В качестве члена Бюро я нахожу, что Ленин и не мог ответить иначе, чем он ответил. Теперь, когда съезд нашей партии состоится *в самом близком будущем* (я сообщаю это *только Вам лично*, ибо время созыва съезда мы вынуждены держать в строжайшей тайне), теперь открывается возможность чрезвычайно благоприятных условий для предложенного Вами нам Вашего посредничества. Я надеюсь, Вы не откажетесь воспользоваться этой возможностью, которая, разумеется, повторится не скоро. Я считаю себя обязанным сообщить *Вам лично* (тоже под секретом), что съезд состоится не в России. Вы могли бы, следовательно, явиться на съезд сами и употребить весь Ваш большой авторитет, чтобы побудить явиться на съезд и все учреждения и организации нашего так называемого партийного меньшинства. Ваша попытка посредничества имела бы таким образом всего более шансов на успех.

С социалдемократическим приветом NN.

* См. стр. 142—143. *Ред.*

** Здесь, видимо ошибка: письмо Ленина датировано 7 февраля (см. стр. 101). *Ред.*

Ответить мне я просил бы в *двух* конвертах: снаружи — адрес экспедиции «Вперед», на внутреннем конверте — надпись Стенцову *д л я ч л е н а Б ю р о* NN.

*Печатается по тексту
«Ленинского Сборника» V,
Гиз, 1926 г., стр. 182 — 183.*

ОТВЕТ ГЕРМАНСКИМ ТОВАРИЩАМ

(НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ БЕБЕЛЯ)

Бюро комитетов большинства РСДРП, организующее по поручению комитетов партийного большинства III съезд, выражает от имени этих комитетов немецким товарищам глубокую благодарность за их желание помочь объединению РСДРП. По поводу же конкретной формы, в которой эта помощь предложена немецкими товарищами через т. А. Бебеля (организация третейского суда между большинством и меньшинством), Бюро считает необходимым заявить следующее:

«Немецкие товарищи, повидимому, недостаточно осведомлены о сущности той внутривнутрипартийной борьбы, которая, к сожалению, возникла среди русской социалдемократии; в противном случае они, конечно, не предложили бы посредничества в форме *суда* там, где пред нами столкновение *политических идей*. Дело идет об объединении Российской социалдемократии под знаменем одной из двух партийно-политических тенденций, охватывающих область политической тактики и организации. Ту из них, которую мы защищаем, мы сжато формулируем так: сплотить существующие раздробленные социалдемократические организации в действительную социалдемократическую партию, по своей тактике единую и независимую от других партий и течений, чтобы обеспечить классовую чистоту революционного пролетарского движения; по своей организации централизованную и определенно оформленную, чтобы не расплываться в окружающей революционной среде. Политическую идею меньшинства мы предоставляем формулировать его представителям. Правда, представители эти, приняв предложение относительно суда между ними и нами, тем самым, повидимому, признали, что партийные разногласия имеют для них только *личный* или, в крайнем случае, *групповой* характер. Может быть, их собственная позиция и представляется им в таком виде. Но в таком случае, как

ни отрицательно относимся мы к их стремлениям, мы должны заявить, что, на наш взгляд, они оценивают себя слишком низко. Если и не вполне сознательно, то все же они являются выразителями *политической тенденции*, которая может быть принята или отвергнута *партией*, но не оправдана или обвинена *судом*.

Только партия в лице своего съезда в силах и в праве решить вопрос. Она выяснит способ объединения и объединенного действия в происходящей революционной борьбе.

Возможно, что после этого решения отдельные лица и группы будут чувствовать потребность покончить судом их частные конфликты, Это, по нашему мнению, не дело съезда, и здесь, мы убеждены, услуги немецких товарищей были бы охотно приняты всеми такими лицами и группами, если бы немецкие товарищи сочли нужным и стоящим труда предложить эти услуги.

Горячий привет немецким социалдемократам, давшим новое яркое и живое проявление международной солидарности борющегося за социализм пролетариата.

Бюро комитетов большинства.

24 февраля 1905 г.

Р. С. Тяжелые конспиративные условия работы в России является причиной того, что этот ответ немецким товарищам дается более чем через месяц после опубликования их предложения. БКБ».

*Печатается по тексту «Вперед»
№ 11 от 23 (10) марта 1905 г.*

РЕЗОЛЮЦИЯ ЛУГАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДОНЕЦКОГО СОЮЗА РСДРП*

Принимая во внимание то ужасное положение, в котором находится партия тогда, когда она, как сознательный авангард РСДРП, ввиду надвигающихся событий должна была находиться во всеоружии на своем посту, Луганская организация РСДРП считает единственным достойным и честным выходом для партии из созданного положения дел в ней дезорганизаторской работой «меньшинства» — III съезд, который сможет положить конец разброду и шатанию, так вредно отражающимся на деле пролетариата. Ни в каком случае не находим возможным принять для партии третейский суд, предложенный т. Бебелем между «Впередом» с одной стороны и «Искрой» — с другой, как выход из раздражающих партию раздоров. Возможен третейский суд по известному поводу: обвинение в клевете и т. п., но не допустим третейский суд между двумя борющимися направлениями. Мы бы могли считать предложение т. Бебеля нетактичным, если бы не приняли во внимание ту позорную агитацию «меньшинства» среди заграничных товарищей, представляющую наши разногласия «подвохами отставных литераторов». Мы бы желали, чтобы съезд партии высказался о подчинении меньшинства большинству, против устройства тайной организации внутри партии пролетариата и т. п. Нам думается, что съезд, как бы ни желал мира и единства в партии, не может не остановиться на таких вопросах, меньше всего считаясь с боязнью некоторых лиц, что будто бы постанова последних приведет к расколу. Партия пролетариата не может бояться каких-то угроз, когда приходится определить свое отношение к основным принципам существования партии. Также выражаем свое пожелание, чтоб в основу отношений к периферии были положены соображения, изложенные в брошюре т. Ленина:

* Оглашена 5 мая 1905 г. на 18-м заседании III съезда партии. *Ред.*

«Письмо к петербургскому товарищу»⁵⁶. Затем, принимая во внимание развитие разногласий, в которых новая «Искра» заняла рабочедельческую позицию, отвергнутую II съездом, тем самым разорвала связь, существующую между партией и своим ЦО, — больше того, нарушила моральный * мандат, полученный ею. Признавая «Вперед» истинным продолжателем старой «Искры», борющимся за принципы революционной социалдемократии и против оппортунизма новой «Искры», мы подаем свой голос за «Вперед», как ЦО РСДРП.

Луганская организация Донецкого союза РСДРП.

Резолюцию принял центр и его два ядра: заводское и ремесленное.

*Печатается по тексту
протоколов III съезда РСДРП,
изд. 1924 г., стр. 350—351.*

* Что моральный мандат существовал, см. признание т. Мартова в его реферате на съезде Лиги, где он говорит следующее: «У меня был моральный мандат искровца — не работать с т. Мартыновым, даже если съезд захочет». (Сноска редакционной комиссии протоколов. *Ред.*)

ПИСЬМО МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ БЮРО ⁵⁷

Женева, 2 июня 1905 г.

Международному социалистическому бюро

Дорогие товарищи! Несколько недель тому назад состоялся III съезд РСДРП. Вскоре выйдет в свет и будет доставлена в Бюро специальная брошюра на французском и немецком языках с переводом резолюций съезда. Согласно решению съезда, газета «Искра» перестала быть ЦО партии. Впредь ЦО будет еженедельная газета «Пролетарий» ⁵⁸, выходящая в Женеве.

Будучи, согласно новому уставу, единственным центральным учреждением нашей партии, ЦК назначит представителя партии в Международное бюро. Мы просим Вас обращаться впредь к представителю ЦК, т. Ульянову! 3, rue de la Coléine, Genève.

Примите, дорогие товарищи, наш братский привет.

За ЦК РСДРП Ленин (В. Ульянов).

*Впервые напечатано в 1925 г.
в журнале Красная Летопись
№ 1 (12).*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина
т. VIII, стр. 310.*

**ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «LEIPZIGER
VOLKSZEITUNG»⁵⁹**

[Конец июня—начало июля 1905 г., Женева]

Уважаемые товарищи!

В № 135 «Leipziger Volkszeitung» т. К. Каутский пишет о расколе в русской социалдемократии*. Нам приходится просить вас напечатать наш ответ на нападки Каутского, а также разрешить нам исправить фактические неправильности, имеющиеся в упомянутой статье. Мы будем по возможности кратки.

Каутский говорит: «Немецкое издание резолюций только что закончившегося русского съезда появилось в высшей степени в неподходящий момент, резолюции дадут большинству читателей совершенно ложное представление об отношениях в российской социалдемократии». Каутский идет так далеко, что предлагает немецким товарищам не распространять этих резолюций.

Мы позволим себе возразить на это, что ничто не может дать немецким товарищам такой правильной картины отношений в российской социалдемократии, как подлинные резолюции III съезда РСДРП, а также резолюции «конференции», устроенной новоискровцами.

Мы решительно заявляем, что Каутский совершает большую ошибку, когда пишет о вещах, о которых он в лучшем случае знает только по наслышке, и что данная им картина отношений, существующих в русской социалдемократии, очень неправильна. Так, например, прямо становится смешно, когда Каутский высказывает предположение, что «резолюции III съезда РСДРП, быть может, в настоящий момент потеряли свое значение даже для тех самых лиц, которые были авторами этих резолюций».

Переговоров об объединении между нами и новоискровцами достаточно много ведется теперь и велось в продол-

* См. стр. 146—149. *Ред.*

жение последних 2—3 месяцев, но до сих пор результат этих переговоров равен нулю.

Мы энергично протестуем против попытки заглушить ваш голос в немецкой социалдемократической печати путем такого грубого, механического, неслыханного приема, как бойкот брошюры, которая содержит только перевод резолюций III съезда РСДРП и которая появилась в издании мюнхенского партийного издательства СДРП Германии (Г. Бирк и К^о). Каутский не имеет права говорить о своем беспристрастии. Он был всегда пристрастным в теперешней борьбе внутри российской социалдемократии. На это, конечно, он имел полное право. Но тому, кто пристрастен, лучше не говорить слишком много о беспристрастии, чтобы не быть обвиненным в лицемерии.

Каутский изображает все резолюции III съезда РСДРП как «нападки Ленина и его друзей против Плеханова и его друзей». На это три маленьких замечания. Во-первых, из 17 резолюций только четыре затрагивают прямо или косвенно наших противников внутри РСДРП. Во-вторых, Плеханов теперь вышел из редакции «Искры». Смотри № 101 «Искры». Это показывает, как мало Каутский знает о наших отношениях. В-третьих, мы просим немецких товарищей подумать о том, какое впечатление должно произвести на русских социалдемократов, когда человек с авторитетом т. Каутского пытается подорвать работу всего партийного съезда подобным «изображением»: «Нападки Ленина и его друзей»? Что подумали бы в Германии о людях, которые позволили бы себе (не читая протоколов) изображать обсуждения на Дрезденском партийном съезде⁶⁰ так: Нападки Каутского и его друзей?..

Одно слово предостережения ко всем немецким социалдемократам: Товарищи! Если вы действительно считаете РСДРП братской партией, то не верьте ни единому слову из того, что рассказывали вам о нашем расколе так называемые беспристрастные немцы. Требуйте только документов, подлинных документов. И не забывайте: предубеждение дальше от истины, чем незнание.

С социалдемократическим приветом

Редакция ЦО («Пролетарий») РСДРП.

Р. С. Французские социалисты в противоположность немцам под беспристрастием понимают нечто иное. Их центральный орган «Социалист» только что выпустил в качестве особого приложения перевод резолюций III съезда РСДРП.

*Печатается по тексту
«Ленинского Сборника» XVI,
стр. 111 — 112.*

МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ БЮРО ⁶¹

В БРЮССЕЛЬ

[Перевод с французского]

В СЕКРЕТАРИАТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
БЮРО

Женева, 8 июля 1905 г.

Дорогие товарищи! Ваше письмо от 6 июля ⁶² несколько удивило нас. Вы должны были бы уже знать, что гражданин Плеханов не является более представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро.

В № 101 «Искры» гражданин Плеханов поместил следующее письмо, которое мы переводим дословно и которое он, казалось бы, должен был довести также до сведения Бюро:

«Товарищи, решения конференции (части отколовшейся от партии. В. У.) ⁶³, нанесшие смертельный удар центральным учреждениям нашей партии, заставляют меня сложить с себя звание редактора ЦО и пятого (выбранного вторым законным съездом) члена Совета.

Г. Плеханов.

Р. С. Пользуюсь этим случаем, чтобы печатно спросить ту часть партии, которая признает обязательными решения III съезда, желает ли она, чтобы я попрежнему представлял эту, теперь — увы! — разорванную, партию в Международном социалистическом бюро. Я могу остаться представителем РСДРП *только* в том случае, если этого пожелают *обе* фракции.

Монтре, 29 мая 1905 г.».

На это заявление гражданина Плеханова редакция «Пролетария», ЦО партии, ответила следующей заметкой, помещенной в № 5 от 13 июня с. г.:

«По поводу Р. С. т. Плеханова мы можем заявить, что вопрос о представительстве партии в Международном бюро т. Плехановым поставлен в настоящее время на разрешение ЦК партии».

Вопрос еще не разрешен, и, следовательно, гражданин Плеханов не может в настоящее время подписывать никакого документа, исходящего от Международного бюро, в качестве представителя партии.

Ввиду этого мы обращаем, дорогие товарищи, ваше внимание на то, что нам очень неудобно сноситься с Бюро через посредство товарища, который сам же *публично* заявляет, что он не может представлять партию, пока она его на то определенно не уполномочит. Мы снова повторяем нашу просьбу к Международному секретариату посылать — до тех пор, пока вопрос о представительстве в Международном социалистическом бюро не будет разрешен — все, что касается нас (письма, манифесты, документы, деньги и т. п.) на адрес ЦК партии (В. Ульянов, улица Коллинъ, 3, Женева).

Примите, дорогие товарищи, уверение в наших братских чувствах.

*Впервые напечатано в 1931 г.
в «Ленинском Сборнике» XVI.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
т. XXVIII, стр. 472—473.*

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РСДРП ⁶⁴

Дорогие друзья!... Насчет Плеханова удивляюсь крайне, что вы обошли молчанием вопрос, еще с Винтером [Л. Б. Красин] поднятый у нас здесь. Вправе ли мы назначить представителем партии человека, который не желает войти в партию и признать III съезд? Теперь, ведь, он печатно заявил, что III съезд законным не считает и представителем будет *лишь* от обеих фракций. Здесь ряд товарищей указывал уже тогда, когда Винтер был здесь, что, назначая Плеханова, мы только разбалуем и окончательно испортим его. Я сначала был за Плеханова, но теперь вижу, что назначать его без условий нельзя. Представьте только себе конкретно, что значит иметь представителем в Бюро человека, с которым никто не разговаривает, которого *невозможно* заставить «представлять» действительно ЦК, а не самого себя! Мы теперь добились-таки прямых сношений Бюро (Международного социалистического бюро) с нами и видим, что есть немало делишек и денежных, и других (обращения от имени России и по поводу России, о чем я им недавно писал; способ представительства, о чем они меня запросили на-днях, и т. д.). Бюро писало, что есть опять какое-то «предложение Бебеля» (до нас еще не дошедшее) *; должно быть опять старикашка «мирить» собрался (Каутский поместил преподную статью по поводу немецкого издания «Извещения»). Подумайте, каково наше положение, если представителем будет Плеханов и Плеханову придется иметь дело с Бебелем по вопросу о «мире»? Я очень хорошо понимаю, какие сильные резоны заставляют нас всех и вас особенно желать «мира», желать назначения Плеханова, но я убедился, что такие шаги, без *реального* обеспечения мира, будут лишь фальшивым шагом, еще более запутают дело, вызовут

* См. приложения стр. 145. *Ред.*

новые расколы, нарушения договоров, пререкания, *новое* озлобление и только *отдалят* дело объединения. По-моему, все толки об объединении будут пустой фразой, пока не выработается на опыте *осуществимый* план его: к этому идет дело, надо выждать несколько месяцев, пусть все оценят нелепость решений конференции, пусть *опыт* разрушит их идиотский «организационный устав», пусть *опыт* посократит их претензии (ибо, в общем, у нас дела лучше, и мы, явно, идем к победе), — тогда начнутся переговоры прямые, без посредников, между центрами, тогда мы выработаем (сразу или с 2-х, 3-х раз, не бруссь сказать, конечно) *modus vivendi**). А теперь надо бороться.

Мое предложение: сделать «предложение» Плеханову в духе вашем, *но с условием*, если он пожелает признать III съезд, войти в партию и подчиниться ее решениям. Таким шагом мы и аппараны сблюдем, и обезвредим всякую возможную путаницу.

До получения вашего ответа не буду ничего предлагать Плеханову. Очень прошу отложить решение до нашего свидания в сентябре...

Крепко жму руку.

Н. Ленин.

*Написано 12 июля (29 июня)
1905 г. Впервые напечатано в 1920 г.
в «Ленинском Сборнике» V.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
т. VIII, стр. 7 — 8.*

* --образ действий. *Ред.*

В СЕКРЕТАРИАТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО В БРЮССЕЛЕ

24 июля 1905 г.

Дорогие товарищи! Несколько дней тому назад мы получили ваше письмо от 28 июня и вместе с ним интересные документы (письма товарищей Бебеля и Плеханова), но, будучи крайне заняты, мы не имели возможности вам ответить немедленно.

I. Что касается письма т. Плеханова, то мы принуждены сделать следующие замечания:

1) Утверждение т. Плеханова, будто после II съезда нашей партии (август 1903 г.) между нами разногласия только по организационному вопросу, не вполне соответствует действительности. «Меньшинство» II съезда (с тт. Аксельродом, В. Засулич и Мартовым во главе) фактически раскололо партию немедленно после съезда, объявив бойкот выбранным съездом центральным учреждениям и создав тайную организацию «меньшинства», распущенную лишь осенью 1904 года. Сам т. Плеханов, бывший на нашей стороне на II съезде партии и съезде Заграничной лиги русской социалдемократии (октябрь 1903 г.), был, очевидно, несколько иного мнения о наших разногласиях, когда публично объявил в № 52 «Искры» (ноябрь 1903 г.), что нужно умело делать уступки «ревизионистам» (выражение Плеханова), чтобы избежать раскола в партии.

2) Не соответствует действительности также и утверждение, будто III съезд партии был созван «совершенно произвольно». По уставу партии Совет обязан созвать съезд, коль скоро этого потребует половина комитетов. Совет, как вам известно из резолюций III съезда, переведенных на французский язык, игнорировал устав партии. Комитеты партии и избранное ими «Бюро комитетов большинства» были морально и формально обязаны созвать съезд, хотя бы против воли Совета, уклонявшегося от его созыва.

3) Из тех же резолюций III съезда вы знаете, что на этом съезде было представлено не «что-то около половины полных правных организаций», а значительное большинство наиболее крупных комитетов. 4) В нашей партии, действительно, есть товарищи, которых в шутку называют «болотом». Члены этого «болота», в продолжение раздоров в недрах нашей партии, беспрестанно переходили с одной стороны на другую. Первый из этих перебежчиков был т. Плеханов, который еще в ноябре 1903 г. перешел от «большинства» к «меньшинству», чтобы снова покинуть «меньшинство» в мае сего года, выйдя из редакции «Искры». Мы никоим образом не одобряем таких поворотов, но, думаем, нельзя ставить нам в вину, что товарищи из «болота», после бесконечных комбинаций, решили присоединиться к нам. 5) В письме к Бюро (16 (3) июня 1905) т. Плеханов очень некстати забыл упомянуть свое письмо от 29 мая 1905 г., напечатанное в «Искре» (№ 101), точный и полный перевод которого мы вам уже доставили ⁶⁵. 6) Говоря о другой, «искровской», фракции партии, т. Плеханов опять-таки забывает прибавить, что конференция «меньшинства» (май 1905 г.) отменила устав, выработанный на II съезде, и не создала нового центрального органа. Мы полагаем, что Международное социалистическое бюро должно иметь полный перевод всех резолюций этой конференции. Если же «Искра» не захочет их послать в Бюро, мы готовы взять это на себя. 7) Тов. Плеханов говорит, что за созыв III съезда высказались лишь 2 уцелевшие члена ЦК (остальные были арестованы). Письмо т. Плеханова помечено 16 (3) июня 1905 г.; на следующий день, 17 (4), в № 4 «Пролетария», ЦО партии, созданного III съездом, было помещено следующее заявление: «Ознакомившись с открытым письмом ЦК к председателю Совета партии т. Плеханову и будучи совершенно солидарны с ЦК, мы находим необходимым — по причинам, которые поймут товарищи, осведомленные в ходе дел внутрипартийной жизни, — заявить о нашей солидарности с ЦК публично». Подписи — псевдонимы: Ма, Бем, Владимир, Иннокентий, Андрей, Ворон. Конфиденциально мы можем вам сообщить, что эти псевдонимы принадлежат арестованным членам ЦК ⁶⁶. Следовательно, лишь только члены ЦК узнали о конфликте между ЦК и т. Плехановым (а значит, и Советом) по вопросу о созыве

съезда, большинство их тотчас высказалось за ЦК против т. Плеханова. Мы настоятельно просим Международный секретариат известить нас, счел ли т. Плеханов нужным ознакомить Бюро с этим важным заявлением арестованных членов ЦК, совершенно опровергающим утверждения т. Плеханова в его письме от 16 (3) июня? 8) Тов. Плеханов ошибается, говоря, что обе фракции просили его оставаться представителем партии в Международном бюро. До сих пор ЦК нашей партии не обращался ни с какой просьбой по этому поводу. Как мы вам сообщали несколько дней тому назад, вопрос этот еще не решен окончательно, хотя и поставлен на очередь. 9) Тов. Плеханов полагает, что ему нетрудно быть беспристрастным в вопросе о наших разногласиях. После же всего вышеизложенного мы полагаем, что это ему довольно трудно, а в настоящий, по крайней мере, момент почти невозможно.

II. Перехожу к предложению т. Бебеля, имеющему отношение к данному вопросу.

Тут мне необходимо сделать следующие замечания: 1) Я только один из членов ЦК и ответственный редактор ЦО партии «Пролетарий». За весь ЦК я могу решать только заграничные дела и некоторые другие, специально мне порученные. Во всяком случае все мои решения могут быть отменены общим собранием Центрального комитета. Я не могу, следовательно, решать вопроса вмешательства Бюро в дела нашей партии. Но я немедленно отослал в Россию всем членам ЦК ваше письмо, а также письма гг. Бебеля и Плеханова. 2) Чтобы ускорить ответ ЦК, было бы весьма полезно получить от Бюро некоторые необходимые разъяснения: а) Нужно ли понимать под словом «вмешательство» (intervention) только примирительное посредничество и совет, имеющие лишь моральную, но не принудительную силу; б) или же Бюро имеет в виду обязательное решение при посредстве третейского суда; в) предлагает ли Исполнительный комитет Бюро предоставить право окончательного и безапелляционного решения по вопросу о наших разногласиях общему собранию Международного социалистического бюро.

3) С своей стороны, считаю себя обязанным сообщить для сведения Бюро, что т. Бебель за несколько времени до III съезда сделал уже подобное предложение мне и моим

единомышленникам предлагая нам свои услуги или услуги всего Правления немецкой партии (Partei Vorstand) в качестве третейского судьи в споре между «большинством» и «меньшинством».

Я ответил, что вскоре состоится съезд партии и что я лично не могу решать за партию или от имени ее.

Бюро комитетов большинства отвергло предложение Бебеля. III съезд не принял никакого решения по поводу этого предложения и тем самым выразил молчаливое присоединение к ответу Бюро комитета большинства. 4) Так как Международное бюро считает возможным черпать сведения в «некоторых немецких газетах», я вынужден заявить, что почти все немецкие социалистические газеты, а особенно «Die Neue Zeit» и «Leipziger Volkszeitung», стоят целиком на стороне «меньшинства» и освещают наши дела очень односторонне и неверно. Каутский, например, тоже называет себя беспристрастным, а между тем в действительности он дошел до того, что отказал поместить в «Neue Zeit» опровержение одной статьи Розы Люксембург, в которой она защищала дезорганизацию в партии *. В «Leipziger Volkszeitung» Каутский советовал не распространять немецкого перевода резолюций III съезда!! После этого нетрудно понять, почему многие товарищи в России склонны считать немецкую социалдемократию пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах Российской социалдемократии.

Примите, дорогие товарищи, наш братский привет

Вл. Ульянов (Н. Ленин).

*Написано 24 (11 июля) 1905 г.
Впервые напечатано в 1925 г.
в журнале «Красная Летопись»
№ 1.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
т. VIII, стр. 9 — 12.*

* См. стр. 131—139 *Ред.*

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РСДРП

28 июля 1905 г.

Дорогие друзья! Необходимо как можно скорее решить 2 следующих важных вопроса: 1) О Плеханове. Мы поручили специальному агенту Лядову рассказать вам, как стоит вопрос. Повторю вкратце. Плеханов невероятно нахально поступил, написав в Международное социалистическое бюро, что его уже признали (!) обе фракции, и обругав, опорочив всячески наш III съезд. У меня есть копия его письма, присланного мне из Бюро. Она будет вам послана. Я добился с великим трудом прямых сношений с Международным социалистическим бюро и опроверг Плеханова. Плеханов тогда отказался от представительства. Вы знаете, что я вовсе не был безусловным противником назначения Плеханова, но теперь это было бы прямо немыслимо. Это настолько дезавуировало бы меня, что мое положение стало бы невозможно. Это окончательно уронило бы нас в глазах Международного социалистического бюро. Не забывайте, что все почти заграничные социалдемократы на стороне «икон» и нас считают ничем, третируют. Вы испортите все дело, если сделаете неосторожный шаг. Поэтому убедительно прошу Верцера и Шмидта как можно скорее, хотя бы провизорно, подтвердить мои шаги. Это раз. А второе: предложить Плеханову научный орган от имени ЦК РСДП, но с условием, чтобы Плеханов признал III съезд и обязательность для себя его решений. Если он отвергнет, тогда вина падет на него, а мы доказали свое примиренство. Если он примет, тогда мы сделаем дальнейший шаг навстречу. Итак: решение о представительстве убедительнейше советуем отменить, а о научном органе редактировать с этим условием. 2) О предложении посредничества со стороны Международного социалистического бюро. Полный

текст вам будет послан, хотя Лядов взял уже для вас. Международное социалистическое бюро предлагает для примирения конференцию от нас и от меньшинства с председательством членов Международного социалистического бюро. Заграничные социалдемократы (Бebelъ и др.) усиленно агитируют за то, чтобы Международное социалистическое бюро оказало давление на нас. Такие письма пошли даже от англичан («Социал-демократическая Федерация»⁶⁷, у меня есть копия письма — в обычном примиренском духе, что де преступление в такое время ссориться и т. д.). Я написал в Международное социалистическое бюро, что сам решить этот вопрос я не компетентен, нужно решение всего ЦК, которому я де пишу тотчас. Затем запросил, имеют ли в виду они посредничество только или третейский суд, обязательный для обеих сторон, — мне де важно написать об этом в Центральный комитет. Ответа еще нет от них.

Мое мнение такое. На конференцию согласиться непременно. Назначить время около 1 сентября. Прислать на нее непременно 1—2 члена ЦК из России (не забывают, что к 1 сентября назначен наш съезд и что он крайне необходим во всех отношениях). Посредничество принять с благодарностью. Обязательное третейское решение отклонить на основании постановления III съезда, которое нас связало безусловно и которое гласит, что условия полного слияния с меньшинством должны быть представлены на утверждение IV съезда. Нам поручено от III съезда подготовить и выработать эти условия, но не окончательно утвердить их. Исполняя поручение III съезда, мы принимаем посредничество, постараемся выработать подробнейший модус соглашения теперь же и постепенного слияния. Если удастся, соглашение осуществляем тотчас, а план слияния предлагаем IV съезду, который тогда необходимо созвать в одно время и в одном месте с обязательным съездом всех организаций меньшинства. Крайне важно иметь в виду, что у меньшевиков нет центра, решения которого обязательны для них. «Искра» не подчинена Организационной комиссии. Мы не должны сыграть роль дурачков, договариваясь с людьми, которые не вправе и не в силах говорить от имени всего меньшинства. Необходимо поэтому сразу поставить на вид, что делегаты от меньшинства на

собрании с Международным социалистическим бюро должны быть и от Организационной комиссии и от «Искры», а кроме того должны обещать опросить в краткий срок все организации меньшинства, дав их перечень нам. Впрочем, если с русской точки зрения вам важнее, чтобы преобладали русские меньшевики, тогда вы обсудите, нужны ли особые делегаты «Искры». Это вам виднее. Но не забывайте, что без согласия «Искры» все соглашения будут фикцией. Еще вопрос: нужно ли сообщать в Международное социалистическое бюро тайное постановление III съезда? ⁶⁸ вправе ли мы это сделать? Я колеблюсь. Конечно, сообщение товарищам социалистам Европы не есть «публикация», и их можно обязать не публиковать. Но целесообразно ли это? Решите сами. Дать удовлетворительное объяснение легко и при несообщении о связывающей нас резолюции III съезда.

Открытое письмо Организационной комиссии я напечатал в № 11 «Пролетария» (№ 10 выходит уже), не печатал раньше, потому что ждал от вас разъяснения, которое пришло только вчера. Просим очень надписывать на каждом документе, печатать ли его и тотчас ли.

Итак, отвечайте как можно скорее от имени Вернера и Шмидта по крайней мере: 1) Будете ли писать ответ в Международное социалистическое бюро сами или поручаете мне? 2) Одобряете мой ответ или нет? 3) Если нет, очень просил бы поспешить ответом, чтобы мы дотолковались вполне: всякое недоразумение в таком деле или неясность или неосведомленность чреваты большими опасностями.

P. S. Пересылайте пожалуйста мои письма Дюбуа [Постоловский Д. С.], не имею его адреса.

*Написано 28 (15) июля 1905 г.
Впервые напечатано в 1926 г.
в «Ленинском Сборнике» V.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
т. VIII, стр. 21—23.*

ОСВЕДОМЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ О НАШИХ ПАРТИЙНЫХ ДЕЛАХ^{6.)}

[Сентябрь, до 5 1905 г., Женева].

О с в е д о м л е н и е м е ж д у н а р о д н о й с о ц и а л д е м о к р а т и и о наших партийных делах составляет одну из самых серьезных обязанностей всех живущих за границей социалдемократов. Мы напоминаем им об этом и призываем к самой энергичной агитации в защиту позиции III съезда РСДРП. Агитация должна вестись неустанно, по всякому поводу, при всяком удобном случае, перед всеми решительно кружками заграничных рабочих и отдельными членами заграничных социалдемократических партий. Агитация должна вестись способами, достойными сознательных социалдемократов и членов рабочей партии. В основу агитации должно быть положено *полное* осведомление с *документальной* стороной дела. На первом плане тут стоит распространение изданных нами *и по-французски* (приложение к газете «Le Socialiste» от 25 июня 1905 г. Адрес газеты «Le Socialiste» ЦО французских социалистов: Rue de la Cordeirie, 16, Paris), и *по-немецки* (брошюра «Bericht über den 3. Parteitag. Адрес издателя: Birk et Co, Buchdruckerei und Verlagsanstalt in München. Vittelbacherplatz, 2. Preis 20 pf.) резолюций III съезда РСДРП. И французский, и немецкий переводы резолюций можно получать также из экспедиции нашей партии.

В добавление к этому основному материалу следует переводить важнейшие документы и статьи из нашей литературы. Следует разоблачать при этом неуклюже все неприличие хлестаковской новой «Искры». «Искра» не издает ни по-немецки, ни по-французски полного текста резолюций своей конференции (изобличающего ее в самозванном и узурпаторском присвоении титула ЦО); «Искра» помещает в европейской социалдемократической печати «статии-

стику» организованных рабочих, вызывающую один смех (достаточно сказать, что по-русски новая «Искра» до сих пор не решилась опубликовать этой «статистики», боясь осрамиться, но мы перепечатали эту статистику целиком в № «Пролетария» ⁷⁰. «Искра» рассылает теперь по всем заграничным колониям письмо за подписью редакции, которое содержит такие же забавные хлестаковские уверения в силе меньшинства, до сих пор стыдливо скрываемые от русских читателей наших социалдемократических газет. Бороться с рекламистами надо всеми силами, но бороться достойно, добиваясь *полного осведомления* публики и уяснения дела, без всякого хвастовства и литературного наездничества, отнюдь не опускаясь до сплетен и инсинуаций, боящихся света гласности.

*Печатается по тексту
«Ленинского Сборника» XVI
стр. 132 — 133.*

ПИСЬМО МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ БЮРО

16 (3) сентября 1905 г.

Дорогой товарищ! Все ваши письма с предложением вмешательства Международного социалистического бюро в целях примирения двух фракций нашей партии были посланы в ЦК в Россию. В настоящий момент я могу вам сообщить, что ЦК готов принять участие в конференции, о которой идет речь, с тем условием, чтобы она имела характер только предварительного обсуждения. Я надеюсь, что делегаты ЦК придут в Женеву или Берлин в ближайшем будущем, вероятно в сентябре.

Но я должен вам сообщить, что ЦК готовится заключить в России соглашение с Организационной комиссией — исполнительным органом меньшинства партии. Предварительные переговоры уже имели место, и обе партии пришли к соглашению по поводу сумм, отпущенных заграничным организациям в пользу русской революции. Текст этого соглашения послан вам две недели тому назад.

Ввиду того, что прочность примирения может быть гарантирована только полной договоренностью между товарищами в России, было бы целесообразно дождаться результата этих переговоров, прежде чем сзывать конференцию, о которой вы нам пишете.

Владимир Ульянов (Н. Ленин).

*Гектографированное издание
1905 г. на французском языке.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
т. VII, стр. 206.*

ПИСЬМО МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ БЮРО

Женева, 27 (14) октября 1905 г.

Дорогой товарищ!

28 (15) июня вы нам прислали предложение т. Бебеля по поводу разногласий в нашей партии.

24 (11) июля я вам писал, что не могу вам дать ответа от имени ЦК нашей партии, так как я являюсь лишь одним из членов комитета и просил Бюро дать мне некоторые разъяснения. В ответ я получил письмо от гражданина Гюисманса от 5 августа, в котором он пишет, что вмешательство Исполнительного комитета имеет в виду только моральное воздействие. Я немедленно сообщил ЦК нашей партии о точном характере предложения Бебеля. В настоящее время я получил ответ ЦК, который принимает ваше предложение и назначает своими представителями гг. Васильева [Ф. В. Ленгник], Шмидта [П. П. Румянцев] и Ленина. Тов. Шмидт находится в России. Поэтому нам необходимо заранее знать день, назначенный для совещания (по крайней мере за три недели).

Два других делегата находятся в Швейцарии.

Примите и проч.

В. Ульянов (Ленин).

P. S. Только что я получил еще одно письмо с извещением, что т. Шмидт приедет вскоре (вероятно, в ноябре) за границу, для того, чтобы урегулировать многие дела, касающиеся нашей партии. Поэтому мне было бы чрезвычайно важно получить как можно скорее ответ другой фракции нашей партии относительно дня созыва конференции. Для членов нашей партии, работающих в России, проезд за границу чрезвычайно затруднителен, поэтому желательно, чтобы срок созыва конференции был зафиксирован

теперь же, т. е. чтобы другая фракция и члены Международного бюро сообщили нам как можно раньше о том, когда они хотят созвать эту конференцию.

*Гектографированное издание
1905 г. на французском языке.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
т. VIII, стр. 321 — 322.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ
СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ

...Лежащая перед нами книга т. Ленина, одного из выдающихся руководителей и борцов «Искры» в ее подготовительной кампании к съезду, представляет собой систематическое изложение взглядов *ультрацентралистического* направления в Российской партии. Точка зрения, нашедшая в ней сильное и исчерпывающее выражение, есть точка зрения беспощадного централизма, основной принцип которого состоит, с одной стороны, в резком выделении и обособлении организованных выдающихся и деятельных революционеров из окружающей их, хотя и неорганизованной, но революционно-активной среды; с другой — в строгой дисциплине и прямом решительном и определенном вмешательстве центральных учреждений во все проявления жизни местных организаций партии. Достаточно отметить, что, по этому взгляду, ЦК, *н пр.*, имеет право организовывать все местные комитеты партии и, следовательно, определять личный состав каждой отдельной местной организации, от Женевы и Льежа до Томска и Иркутска, давать им готовый устав, безпелляционно рапускать их и вновь создавать и в результате, таким образом косвенно влиять на состав самой высшей партийной инстанции, съезда. Таким образом, ЦК является единственным, действительно активным ядром партии, все же остальные организации — только его исполнительными органами.

Именно в этом соединении строжайшего организационного централизма с социалдемократическим массовым движением Ленин видит специфический революционно-марксистский принцип и выдвигает множество фактов в защиту своей точки зрения.

...Социалдемократическое движение есть первое в истории

классовых обществ, рассчитанное всеми своими сторонами и общим своим ходом на организацию и непосредственную самодеятельность масс.

В этом отношении социалдемократия создает совсем другой тип организации, чем прежние социалистические движения, напр., якобинско-бланкистского типа.

Ленин, кажется, недооценивает этого, когда в своей книге (стр. 140) высказывает мнение, что революционный социалдемократ есть не что иное, как «якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы». Отличия социалдемократии от бланкизма исчерпываются для Ленина организованностью и классовым сознанием пролетариата в противоположность заговору небольшого меньшинства. Он забывает, что отсюда вытекает полная переоценка организационных понятий, совершенно новое содержание, вкладываемое в понятие централизма, совершенно новое понимание взаимоотношений между организацией и борьбой.

Бланкизм не опирался на непосредственную классовую деятельность рабочих масс и не нуждался поэтому в организации масс. Напротив, так как широкие народные массы должны были появиться впервые на поле борьбы лишь в момент революции, а предварительная деятельность состояла в подготовке революционного удара небольшим меньшинством, то резкое отграничение предназначенных для этой определенной деятельности личностей от народной массы было прямо необходимо для удачного выполнения их задачи. Но в то же время это было возможно и исполнимо потому, что между конспираторской деятельностью бланкистской организации и повседневной жизнью народных масс не было никакой внутренней связи.

...Ленин, быть может, еще остроумнее, чем это мог бы сделать кто-либо из его оппонентов, характеризует свою точку зрения, определяя своего «революционного социалдемократа» как «якобинца, *связанного* с организацией пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы». Но фактически социалдемократия не *связана* с организацией рабочего класса, она и есть *подлинное движение* рабочего класса. Следовательно, социалдемократический централизм должен быть по существу другого характера, чем бланкистский. Он не может быть не чем иным, как властным

выражением объединенной воли сознательного и борющегося авангарда рабочих по отношению к отдельным группам и индивидуумам; это, так сказать, «самоцентрализм» руководящего слоя пролетариата, господство его большинства внутри его собственной партийной организации.

Уже из анализа действительного содержания социал-демократического централизма становится очевидным, что для него в России в настоящее время не может существовать в полной мере необходимых условий, а именно — наличия значительного, уже воспитанного в политической борьбе слоя пролетариата, и возможности проявления его самостоятельности путем прямого влияния на дела (на публичных съездах, в партийной прессе и т. д.).

Последнее условие, очевидно, может быть осуществлено только при политической свободе, первое же — выделение пролетарского авангарда, сознающего свои классовые интересы и умеющего политически ориентироваться — находится лишь в процессе возникновения и должно служить руководящей целью во всей ближайшей как агитационной, так и организационной работе.

Тем поразительнее кажется обратное убеждение Ленина, будто все предварительные условия для создания большой и крайне централизованной рабочей партии имеются в России уже налицо. И если он оптимистически восклицает, что теперь уж «не пролетариату, а некоторым интеллигентам в нашей партии недостает *самовоспитания* в духе организации и дисциплины» (стр. 145), и прославляет воспитательное значение фабрики для пролетариата, которая уже сама по себе подготавливает его к «дисциплине и организации» (стр. 147), то это лишний раз свидетельствует об его слишком механическом представлении о социал-демократической организации. «Дисциплина», которую Ленин имеет в виду, внушается пролетариату не одной только фабрикой, но и *казармой*, и современным бюрократизмом, — словом, всем механизмом централизованного буржуазного государства.

...Наделять руководящее партийное учреждение такими абсолютными полномочиями *отрицательного* характера, как это делает Ленин, значит искусственно усиливать в очень опасной степени и без того неизбежно ему присущий

консерватизм. Если социалдемократическая тактика создается не ЦК, а всей партией в целом или — что еще вернее — всем движением, то отдельным партийным организациям, очевидно, необходима та свобода действий, которая только и дает возможность как использовать целиком предоставляемые данным положением средства для развития борьбы, так и развернуть революционную инициативу. Отстаиваемый же Лениным ультрацентрализм, по всей сущности своей, проникнут, на наш взгляд, не положительным творческим, но бесплодным будочническим духом. Ход его мыслей приурочен главным образом к *контролю* над партийной деятельностью, а не к ее *оплодотворению*, к *сужению*, а не к *развитию*, к зашнурованию, а не к объединению движения.

...Ленин усматривает в абсолютной власти ЦК и в строгом уставном ограждении партии надежную плотину против оппортунистического течения, специфическим признаком которого он считает врожденное пристрастие интеллигента к автономизму и дезорганизации и его отвращение к суровой партийной дисциплине, ко всякому «бюрократизму» в жизни партии. По мнению Ленина, только социалиста-интеллигента в силу врожденной шаткости и индивидуализма может коробить столь неограниченная власть ЦК; настоящий же пролетарий, напротив того, уже в силу своего революционного классового инстинкта, должен испытывать некоторое упоение всей этой строгостью, твердостью и энергией своего высшего партийного начальства и, с зажмуренными от удовольствия глазами, подвергать себя всяческим суровым операциям «партийной дисциплины». «Бюрократизм versus демократизм, — говорит Ленин: — *это и есть организационный принцип революционной социалдемократии по отношению к организационному принципу оппортунистов*» (стр. 151). Он настойчиво ссылается на то, что та же самая противоположность централистических и автономистических взглядов обнаруживается в социалдемократии всех стран, где только противостоят друг другу революционное и реформистское или ревизионистское направление.

...Совершенно иной результат получается, если решать вопрос о формах организации не путем механического перенесения готовых шаблонов из Западной Европы в

Россию, а исследованием данных конкретных русских условий. Приписывать оппортунизму, как это делает Ленин, постоянную привязанность к какой-нибудь определенной форме организации, — скажем, децентрализации, — значит, во всяком случае, не знать его внутренней природы. Оппортунизм, в качестве такового, и в организационном вопросе знает единственный принцип — беспринципность. Свои средства он всегда выбирает, сообразуясь с обстоятельствами, лишь бы они соответствовали преследуемым им целям. И если мы, заодно с Лениным, формулируем оппортунизм как стремление парализовать самостоятельное, революционное классовое движение пролетариата и сделать его орудием властолюбия буржуазной интеллигенции, то в *начальных стадиях* рабочего движения эта цель скорее всего достигается не децентрализацией, а именно строгой *централизацией*, которая малосознательное еще пролетарское движение выдает с головой кучке вождей-интеллигентов. Характерно то, что и в Германии в *начале* социалдемократического движения, когда не выработалось еще ни сильного ядра сознательных пролетариев, ни испытанной социалдемократической тактики, обе организационные тенденции имели своих представителей: крайний централизм — в лице лассальянского Всеобщего немецкого рабочего союза, и, наоборот, автономизм — в лице эйзенахцев. При всей признанной принципиальной расплывчатости тактики эйзенахцев она вызвала значительно более активное участие пролетарских элементов в духовной жизни партии, большую инициативность самих рабочих. Доказательством может служить, между прочим, быстрый рост провинциальной прессы у этой фракции — вообще у нее гораздо больше здорового стремления к росту *вширь*, чем это было у лассальянцев, которые, несмотря на все свои опыты с «диктаторами», приходили неизбежно ко все более плачевным результатам.

Вообще не трудно показать, что при условиях, когда революционная часть рабочей массы еще не сплочена, само движение еще шатко, словом, при условиях, подобных современным русским, как раз строгий, деспотический централизм и является специфической организационной тенденцией, характерной для интеллигентского оппортунизма. Точно так же, как в позднейшей стадии —

при наличии парламентской среды и перед лицом сильной, крепко сплоченной рабочей партии — соответственная тенденция интеллигентского оппортунизма выражается, наоборот, в *децентрализации*.

Именно с точки зрения ленинской боязни пагубного влияния интеллигенции на пролетарское движение его собственные организационные взгляды крайне опасны для русской социалдемократии.

... В корне ошибочна сама основная мысль ультрацентрализма — преградить оппортунизму доступ в рабочее движение при помощи организационного устава. Под непосредственным впечатлением последних событий во французской, итальянской и германской социалдемократии и у русских социалдемократов, очевидно, также обнаруживается склонность смотреть на оппортунизм вообще как на примесь, чуждую самому пролетарскому движению и приносимую в рабочее движение лишь извне буржуазно-демократическими элементами. Если бы это и было так, уставные организационные преграды сами по себе были бы совершенно бессильны против вторжения элементов оппортунизма. Раз массовый приток непролетарских элементов в социалдемократию является следствием таких глубоких социальных причин, как быстрое экономическое крушение мелкой буржуазии и еще более быстрое политическое крушение буржуазного либерализма, отмирание буржуазной демократии, то — наивная иллюзия воображать, будто той или иной формулировкой партийного устава можно создать плотину против бурного напора этой волны. Параграфами можно подчинять себе жизнь лишь небольших сект и частных обществ, исторические же течения всегда умели пробиваться сквозь самые хитрые параграфы. Кроме того, весьма ошибочна и самая мысль, будто в интересах рабочего движения преграждать массовый приток элементов, выделяемых прогрессивно-разлагающимся буржуазным обществом.

... Нужно только, чтобы социалдемократия умела все непосредственные печали и надежды этой пестрой толпы попутчиков неизменно подчинять конечным целям рабочего класса, дух непролетарской оппозиции ввести в рамки революционного пролетарского действия, словом, чтобы она умела ассимилировать притекающие к ней элементы, переварить их.

...Однако этот наплыв буржуазных элементов, как сказано, далеко не является единственным источником оппортунистических течений в социалдемократии. Напротив того, другой источник заключается в сущности самой социалдемократической борьбы, в ее внутренних противоречиях. Всемирно-историческое движение пролетариата к победе есть процесс, особенность которого заключается в том, что здесь впервые в истории народные массы сами и вопреки всем господствующим классам выполняют свою волю, но осуществление этой воли должны перенести по ту сторону современного общества, за его пределы. Но, с другой стороны, выработать в себе эту *волю* массы могут лишь в повседневной борьбе с существующим порядком, т. е. только в его рамках. Широкая народная масса, с одной стороны, и цель, выходящая за пределы всего существующего порядка, с другой, повседневная борьба и революционный переворот — таково диалектическое противоречие социалдемократического движения; и отсюда вытекает для него необходимость на протяжении всего своего развития пробиваться вперед меж двух подводных камней: между утратой массового характера и отказом от конечной цели, между возвращением к состоянию секты и превращением в буржуазное реформистское движение.

Поэтому совершенно неисторической иллюзией является мысль, будто раз навсегда может быть обеспечено революционное направление социалдемократической тактики, что раз навсегда рабочее движение может быть застраховано от оппортунистических шатаний. Правда, учение Маркса дает непреоборимое оружие против всех основных типов оппортунистической мысли. Но так как социалдемократическое движение есть массовое движение и угрожающие ему подводные камни порождаются не людскими измышлениями, а общественными условиями, то нельзя заранее предотвратить возможность оппортунистических шатаний; лишь само движение может преодолеть их — конечно, с помощью оружия, даваемого марксизмом — после того, как они приняты на практике осязательную форму. Рассматриваемый под этим углом зрения, оппортунизм представляется продуктом и самого рабочего движения, неизбежным моментом его исторического развития. Именно в России, где социалдемократия еще молода, а

политические условия рабочего движения так ненормальны, оппортунизм пока должен возникать в значительной мере из этого источника, из неизбежного развития тактики ощупью и путем экспериментов, из необходимости вести текущую борьбу в таких своеобразных, беспримерных условиях и в то же время в согласии с основными принципами социализма.

Если же это так, то тем более удивительной кажется мысль — в самом начале рабочего движения устранить возможность возникновения оппортунистических течений той или иной формулировкой организационного устава. Попытки поразить оппортунизм такими бумажными средствами на самом деле могут нанести глубокий удар не ему, а лишь самой социалдемократии; прекращая в ней биение здоровой жизни, они ослабляют ее стойкость в борьбе не только против оппортунистических течений, но и — что ведь также должно бы иметь некоторое значение — против существующего общественного строя. Средство обращается против цели.

В этом боязливом стремлении части русских социалдемократов опекой всеведущего и вездесущего ЦК предохранить от ложных шагов столь многообещающее и жизне-радостно развивающееся русское рабочее движение нам слышится, впрочем, отголосок того самого *субъективизма*, который уже не одну шутку сыграл с русской социалистической мыслью. Поистине забавны прыжки, которые бывает подчас угодно проделывать почтенному человеческому субъекту истории в его собственном историческом процессе. Раздавленное и стертое в порошок русским абслютизмом «я» берет реванш тем, что в своей революционной мысли сажает самого себя на трон и объявляет себя всемогущим — в образе заговорщического комитета именем несуществующей «Народной Воли». Но «объект» оказывается сильнее, и кнут скоро празднует победу, ибо *он* представляет собою «законное» выражение данной стадии исторического процесса. Наконец, на сцену появляется еще более законное дитя исторического процесса — русское рабочее движение; впервые в русской истории оно с величайшим успехом кладет начало созданию действительной народной воли. Но тут «я» русского революционера поспешно становится на голову и снова объявляет

себя всемогущим вершителем истории, — на этот раз в собственной персоне его величества ЦК социалдемократического рабочего движения. При этом ловкий акробат не замечает, что единственным субъектом, к которому теперь перешла роль вершителя судеб, является *массовое «я»* рабочего класса, упорно требующего себе по всей линии права самому делать ошибки и самому учиться исторической диалектике. И в конце концов скажем, между нами, открыто: ошибки, совершаемые действительным революционным рабочим движением, исторически неизмеримо плодотворнее и ценнее неогрешимости наилучшего «Центрального комитета».

Печатается с сокращениями по тексту перевода напечатанного в меньшевистской «Искре» (№ 69 от 23(10) июля 1904 г.), сверенного с немецким оригиналом.

II

ПИСЬМО В. И. ЛЕНИНУ

27 октября 1904 г. Берлин-Фриденау, Саарская улица, 19.

Дорогой товарищ!

Простите, что запоздал с ответом. Я был в отъезде и были еще другие задержки. Так что только сегодня мне удалось прочесть Вашу статью.

Она ставит меня несколько в затруднительное положение: Вас критиковали в «Neue Zeit» и, следовательно, Вы имеете право ответить. Но Вы в этом ответе разбираете ссору в русской социалдемократии, вопрос, обсуждения которого в «Neue Zeit» я считаю ненужным, даже прямо вредным. Эта ссора такого рода, что немецкие партийные товарищи ее никогда не поймут. Ссора же, сущность которой непонятна, действует отталкивающе. Поэтому сообщение о русской ссоре уменьшит симпатию немецкой социалдемократии к русской социалдемократии *обоим* направлений, так же как, напр., выступление гэдистов из Французской партии в зале Ваграм сильно и на продолжительное время охладило немецкие симпатии к Французской рабочей партии.

Но такое уменьшение немецких симпатий к русской партии я считал бы крайне вредным. Поэтому я все усилия прилагал к тому, чтобы не допускать в немецкой партийной печати изложения русских споров, и не хочу, чтобы они излагались также и в «Neue Zeit», пока споры эти остаются семейными ссорами и не приобретают международного значения.

По этой причине я помешал, напр., тому, чтобы мое письмо Лидину относительно Вашего дела, опубликованное «Искрой», было напечатано в «Leipziger Volkszeitung», как она того желала. Я также постоянно отклонял ряд обращений Ваших противников, равно как и статью самого Лидина. Теперь мне стало известно, что споры

утихают и даже, может быть, совсем затихнут, и мне кажется поэтому в настоящее время еще более неуместным, чем до сих пор, именно сейчас сообщать об этих спорах немецкой социалдемократии.

Статью Розы Люксембург я поместил не *потому*, что в ней обсуждались русские споры, а *несмотря на это*. Я поместил ее потому, что в ней *теоретически* обсуждается организационный вопрос, а этот вопрос интересует также и нас в Германии. Русские споры в ней затронуты лишь слегка, так что неосведомленный читатель даже не обратит на них внимания.

Само собой разумеется, что Вы вправе отвечать на эту критику, но я только должен просить Вас сделать это таким же образом, как это сделала т. Люксембург, выдвигая на первый план *принципиальную* точку зрения и отодвигая русские споры. Для дискуссии о русских разногласиях «Neue Zeit» — неподходящее место.

Вы затрагиваете в своей статье множество вопросов, о которых до сих пор в «Neue Zeit» не упоминалось. Если бы я опубликовал Вашу статью, то Люксембург, Плеханов, Аксельрод и т. д. также потребовали бы изложения своих взглядов; куда бы это нас привело!

Надеюсь, что Вы поймете мою точку зрения, я охотно предоставлю Вам слово для *принципиальной* дискуссии по организационному вопросу. Но мне бы хотелось, напротив, насколько это возможно, не допускать пока в «Neue Zeit» борьбы из-за внутренних ссор в русской социалдемократии. Поэтому я прошу Вас переработать Ваше возражение соответственным образом. Для этой цели я и *возвращаю* Вам Вашу рукопись.

С партийным приветом *К. Каутский*.

*Печатается по тексту
«Ленинского Сборника» XV,
стр. 224 — 226.*

III

ПИСЬМО В. И. ЛЕНИНУ

Уважаемый товарищ!

С разных сторон президиум немецкой социалдемократии просят сделать попытку вмешаться в прикормленный конфликт между приверженцами «Впереда» и «Искры». Давно возникший конфликт в настоящее время влияет особенно губительно на состояние партии, принимая во внимание положение дел в России.

Мне поручено председательствовать в третейском суде, в состав которого должны войти я и по два представителя спорящих партий, для вынесения приговора относительно спорных пунктов.

Два представителя, вводимые каждой партией по ее выбору, не должны, однако, принадлежать ни к русской, ни к польской национальности, а также ни к одной из народностей, подвластных русскому правительству (латыши, финны и пр.), чтобы предотвратить всякое возможное подозрение в пристрастии судей.

Третейский суд должен совершенно объективно исследовать положение дела.

Притом я предполагаю, что в случае принятия Вами и Вашими друзьями такого третейского суда и избрания для него судей Вы и Ваши друзья готовы также подчиниться приговору третейского суда.

Третейский суд должен заседать в *Цюрихе*.

Время заседания суда будет Вам сообщено, как только с обеих сторон будут намечены третейские судьи и обе стороны выразят свое согласие на те условия, на которых должен происходить третейский суд.

Дальнейшее условие — *это приостановка с того дня, когда Вы и Ваши друзья решите принять третейский суд, всякой полемики против стороны, с которой Вы боролись до настоящего времени.*

Само собой разумеется, что от противной стороны будут потребованы таковые же обещания.

Я предполагаю, что Вы и Ваши друзья будете рады положить конец расколу и взаимной борьбе между партийными товарищами, стоящими на одинаковой принципиальной почве. Известие об этом расколе вызвало среди интернациональной социалдемократии большое смущение и определенное недовольство, и всюду существует ожидание, что после свободного обсуждения обе части сумеют найти общую почву для борьбы против общего врага.

Прошу Вас не отказать сообщить мне как только возможно быстро решение Ваше и Ваших друзей.

С социалдемократическим приветом А. Бэббель.

Благоволите *запечатать* Ваше письмо ко мне и адресовать в Берлин, Германский рейхстаг, на мое имя.

3 февраля 1905 г.

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
т. VII, стр. 427.*

IV

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА ПАРТИИ ПО ПОВОДУ ПИСЬМА АВГУСТА БЕБЕЛЯ ОТ 5 ФЕВРАЛЯ 1905 Г.

1. Российская социаледмократическая партия с радостью принимает предложение т. Бебеля, сделанное им от имени Правления Германской рабочей партии. Предложение это находится в полном соответствии с известной резолюцией Интернационального амстердамского конгресса, и отклонение его нашей партией явилось бы вопиющим нарушением с ее стороны своих интернациональных пролетарских обязанностей и резко противоречило бы тому пункту ее программы, который объявляет Российскую социалдемократическую партию «одним из отрядов всемирного пролетариата».

2. Совет партии понимает предложение Бебеля как попытку устранить конфликт между двумя сторонами, из которых одной являются наши центральные учреждения (ЦК, ЦО и Совет) и большинство активных товарищей, признающих законность этих учреждений, а другой — группа, руководимая Лениным и объявляющая их незаконными.

3. Совет партии принимает условия, указанные в письме Бебеля, т. е. заранее обещает за себя и за солидарное с ним большинство партийных работников подчиниться приговору третейского суда и гарантирует с момента его назначения прекращение в «Искре» всякой полемики, касающейся организационных распрей и имеющей объектом те или другие партийные организации. Этим ЦО не лишается права подвергать критике те или другие взгляды на очередные тактические задачи.

4. С своей стороны Совет выбирает в судьи: К. Каутского и Клару Цеткин-Мундель.

7 февраля.

*Печатается по тексту
меньшевистской «Искры»;
за февраль 1905 г., № 86.*

V

**ПИСЬМО В СЕКРЕТАРИАТ МЕЖДУНАРОДНОГО
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО**

25 (12) июня 1905 г.

...Гораздо более важным являются разногласия между нашими русскими товарищами, разногласия, дальнейшее развитие которых не должно быть допущено. Мы считаем, что все это дело может быть ликвидировано небольшой группой лиц легче, чем пленумом Бюро.

Справки, которые мы навели по поводу этих разногласий, заставляют нас думать, что улажение этого конфликта займет несколько дней. Общее собрание Бюро не может посвятить столько времени этому вопросу. Поэтому мы вам предлагаем, чтобы Исполнительный комитет (Международного социалистического бюро. *Ред.*) взял это дело в свои руки и ликвидировал конфликт. В случае надобности пленум Бюро может быть привлечен к делу в качестве последней инстанции.

С братским приветом *Август Бебель.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина,
т. VIII, стр. 472 — 473.*

VI

РАСКОЛ В РУССКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ

В нашей партийной прессе только что появился изданный в Мюнхене «Отчет о III съезде РСДРП». Мы рады всему, что помогает нашим немецким товарищам знакомиться с социалистическим движением других стран, и, тем не менее, появившийся «отчет» вызвал в нас чувство, всего менее сходное с радостью. Это, в сущности, вовсе не отчет о заседаниях съезда, а простое собрание принятых на нем резолюций. Напечатаны они, однако, без всяких комментариев и в таком виде будут не только непонятны огромному большинству читателей, но — что гораздо хуже — они дадут этим читателям совершенно ложное представление об отношениях в русской социалдемократии.

Прежде всего резолюции представляют действительные разногласия в русской социалдемократии гораздо более значительными, чем они являются на самом деле. Я уже говорил в своей статье «О разногласиях между русскими социалистами» («Neue Zeit» № 29 этого года), что между двумя фракциями наших русских товарищей, представленными «Искрой» и «Впередом», действительные разногласия менее значительны, чем те, которые существуют в самой немецкой социалдемократии. С тех пор положение не ухудшилось, а, наоборот, улучшилось, и наблюдателю-иностранцу приходится потратить не мало труда, чтобы открыть хоть какое-нибудь различие между обоими фракциями. Главный вопрос, разделяющий их в настоящий момент, заключается в том, должны ли или не должны члены партии принимать участие в будущем революционном правительстве. Но обсуждать дележ шкуры еще неубитою медведя можно бы, конечно, самым спокойным образом также и внутри единой партии, причём самый спор остается совершенно беспредметным, пока ровно ничего не известно о том, как будет выглядеть то

революционное правительство, в котором мы должны принять участие.

Нашим русским товарищам, следовательно, так же мало надобности раскалываться по этому вопросу, как и по всем другим, о которых идет спор.

Замечательно, однако, что именно теперь, когда разногласий осталось меньше прежнего и революционное положение повелительнее, чем когда-либо, требует полнейшего единения всех, стоящих на одинаковой программной и политической почве — именно в это время между двумя фракциями происходит полный раскол.

Причиной его был съезд, который одной из фракций был признан лишь фракционным, не имеющим права постановлять решений, обязательных для всей партии.

Таким образом, партия фактически распалась теперь на две отдельные организации. Но именно этот внешний раскол может послужить основой объединения. Пока обе фракции принадлежали к одной организации, их конфликт по вопросу о формах организации все более и более сосредоточивался на вопросе о компетенции центров партии — ЦК и ЦО, из которого не находилось никакого выхода.

Теперь этот гордиев узел разрублен. Нет уже надобности заниматься толкованием параграфов устава и решений съезда. Теперь друг против друга стоят две независимых одна от другой организации, которые могут вступать между собою в соглашения и должны будут вступать в них, так как теперь ни одна уже не может рассчитывать подчинить другую посредством мажоритарии, — сохранение же теперешнего состояния войны сделало бы обе фракции посмешищем всего мира.

И действительно, именно после совершившегося раскола потребность в объединении стала сильнее проявляться с обеих сторон и, по доходящим до меня с разным сторонам сведениям, приносятся переговоры.

Очевидно, немецкое издание резолюций только что кончившегося русского съезда появилось в самый неподходящий момент. Мы в праве считать эти резолюции, поскольку они трактуют об отношении к «Искре», за «преходящие явления», которые, быть может, уже в настоящий момент потеряли свое значение даже для

тех самых лиц, которые эти резолюции принимали. Но, как бы там ни было, а иностранцы, раз уж они вмешиваются в эти дела, имеют все причины заботиться не о том, чтобы распространять эти резолюции и, тем самым, вновь разжигать борьбу, а о том, чтобы эти резолюции, вместе с их предварительной историей, были *забыты*. Забвение прошлого, являясь предварительным условием всякого объединения, в особенности необходимо в тех случаях, когда раздор поддерживается с обеих сторон лишь воспоминанием о действительных или воображаемых несправедливостях, а эти несправедливости действуют с особенной силой именно потому, что нет фактических разногласий, устранение которых могло бы смягчить накопившуюся горечь.

Остережемся же от дальнейшего распространения по Германии нападок Ленина и его сторонников на Плеханова и его сторонников, как остерегались бы и в противоположном случае.

Если уж вмешиваться в отношения между русскими фракциями, хотя бы только сообщениями о них немецким товарищам, то лишь таким образом, чтобы внушать русским товарищам сознание самоубийственности той политики раздора, которую они ведут. Я убежден, что не встречу противоречия ни в ком из членов международной социалдемократии, если скажу, что ее чувства по отношению к русским товарищам таковы, что она всего больше будет ценить среди них ту фракцию, тех личностей, которые своей уступчивостью и самоотвержением будут всего сильнее содействовать объединению русской социалдемократии и всех больше облегчат его; и что она сочтет за положительное преступление против освободительной борьбы пролетариата действия той фракции или тех личностей, которые своей обидчивостью или злопамятностью затрудняют начавшееся объединение или даже помешают ему.

Резолюцией по существу дела, как в случае с французами, русскому объединению новый интернационал * не в состоянии помочь, у него нет для этого никакого фактического основания. Но если бы при переговорах отно-

* Так в тексте статьи. *Ред.*

сительно объединения русские социалдемократы встретились с такими затруднениями, с которыми не могли бы сами справиться, тогда их несомненной обязанностью было бы обратиться к пользующемуся их доверием международному форуму, чтобы он помог им устранить все разногласия. Что Интернационал и его представители готовы с радостью взяться за это и что их решение будет беспристрастно, в этом наши русские товарищи могут быть уверены. В настоящее время нет того дела, которое было бы ближе каждому социалдемократу, к какой бы нации ни принадлежал он, чем дело *русской революции* и возможно большее проявление силы русского пролетариата.

*Печатается по тексту
перевода, напечатанного в «Искре»
№ 102 от 28 (15) июня 1905 г.,
сверенного с немецким ори-
гиналом.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впервые доклад был напечатан отдельной брошюрой на немецком языке под названием: Lydin, M. «Material zur Erläuterung der Parteikrise der socialdemokratischen Arbeiterpartei Russlands». Genf. «Iskra» 1904 (М. Лидин. «Материалы к выяснению партийного кризиса РСДРП». Женева, «Искра», 1904 г.). Перевод на русский язык сделан в 1924 г. М. Н. Лядовым. — 3.

² «Доклад, представленный русскими социалдемократами Международному рабочему конгрессу в Лондоне в 1896 г.» — см. Г. Плеханов, Сочинения, т. IX, стр. 353 — 357. — 5.

³ «Рабочая Мысль» — газета, выходившая в Петербурге с октября 1897 г. по декабрь 1902 г., под редакцией К. Тахтарева, Ольхина и др. Наиболее последовательный орган «экономизма» — открыто оппортунистического течения русской социалдемократии в конце 90-х и начале 900-х годов, против которого В. И. Ленин в течение ряда лет вел непримиримую борьбу (о «Рабочей Мысли» см. у В. И. Ленина, Сочинения, т. II, стр. 529, и т. IV, стр. 359). — 8.

⁴ «Рабочее Знамя» — газета, выходившая нелегально в Петербурге в 1899 — 1901 гг., издававшаяся одноименной группой. Отстаивая, в противовес экономизму, необходимость для пролетариата политической борьбы, «Рабочее Знамя» сбивалось, однако, на эсеровские позиции. Впоследствии значительная часть участников этой организации перешла к эсерам, основное же ядро слилось с «Искрой». — 8.

⁵ «Новое Слово» — журнал, с 1894 по 1897 г. — орган либерально-народнического направления. С 1897 г. — орган легальных «марксистов». — 9.

⁶ «Начало» — журнал, выходивший в 1899 г. под редакцией легальных «марксистов» Струве и Туган-Барановского. В нем сотрудничали также Плеханов и Ленин, который поместил в этом журнале несколько рецензий и одну главу из своей работы «Развитие капитализма в России» — 9.

⁷ «Credo» — составленная Е. Кусковой и С. Прокоповичем в конце 90-х годов XIX в. либерально-буржуазная платформа так называемого «экономизма», построенная на принципе — «рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба». Своим острием платформа была направлена против учения Маркса, против образования самостоятельной политической рабочей партии. В. И. Ленин выступил с решительным протестом против оппортунистической системы взглядов, выраженной в этой платформе (см. «Протест 17-ти» и «Credo» в его тексте — Ленин, Сочинения, т. II, стр. 475 — 486). — 13.

⁸ «Союз русских социалдемократов» организовался за границей в 1895 г. из Группы «Освобождение Труда» и представителей молодой

социалдемократической эмиграции. С выходом в 1900 г. из рядов Союза Группы «Освобождение Труда» он сделался центром притяжения оппортунистических элементов за границей, представляя по своей идеологии и тактике разновидность «экономизма». Представители Союза на II съезде РСДРП (Акимов, Мартынов) по всем вопросам занимали ярко выраженную оппортунистическую позицию. — 17.

⁹ «Рабочее Дело» — издававшийся за границей в начале 1900 г. журнал, орган Союза русских социалдемократов. Проводил, хотя и в более замаскированной форме, ту же линию «экономизма», что и «Рабочая Мысль». Стяжал известность настойчивой пропагандой оппортунистических «теорий» «стихийности» и «стадий» и «свободы критики». — 17.

¹⁰ Так называемый «объединительный» съезд заграничных организаций русских социалдемократов, происходивший 4 — 5 октября 1901 г., на котором произошел полный разрыв между «Искрой» и оппортунистическим крылом российской социалдемократии, причем «Искра» целиком взяла на себя инициативу по созыву II съезда РСДРП (см. у В. И. Ленина, Сочинения, т. IV, стр. 281 — 284). — 18.

¹¹ На конференции, созванной в Женеве в июне 1901 г., присутствовали: от Союза русских социалдемократов — Кричевский и Акимов-Махновец, от «Социалдекрата» — Б. Гинзбург-Кольцов, от Бунда — Э. Гуревич, от группы «Борьба» — Ю. Стеклов-Невзоров и от «Искры» — Мартов. — 18.

В результате работы конференции была принята принципиальная основа для соглашения и совместной работы в виде резолюции, осуждающей экономизм, бернштейнианство, мильеранизм и другие отступления от принципов марксизма (резолюцию см. у В. И. Ленина, Сочинения, т. IV, стр. 536 — 538).

¹² «Искра» — социалдемократическая газета, руководящий орган российской социалдемократии в период 1900 — 1903 годов. Возникшая по инициативе В. И. Ленина и издававшаяся под его идейным и практическим руководством, «Искра» составила целую эпоху в истории нашей партии («Искровский период»), эпоху, в которую В. И. Ленин, в решительной и непримиримой борьбе с российским и международным оппортунизмом, заложил основы партии «нового типа» — большевистской партии. По словам В. И. Ленина, «Искра» воспитывала авангард рабочих, способный вести вперед массы» (см. Сочинения, т. XVIII, стр. 219). — 18.

¹³ «Заря» — теоретический журнал революционной социалдемократии, издававшийся под общей с «Искрой» редакцией (В. И. Ленин, Плеханова и др.). Всего вышло три книги. В «Заре» напечатан ряд статей В. И. Ленина, направленных против международного и российского оппортунизма («Господа критики в аграрном вопросе», «Аграрная программа Российской социалдемократии» и др.). — 18.

¹⁴ Название «Социалдемократ» приняла в середине 1900 года бывшая Группа «Освобождение Труда» после выхода ее из оппортунистически настроенного «Союза русских социалдемократов» (см. прим. 8). — 18.

¹⁵ «Борьба» — существовавшая в начале 900-х годов за границей и возглавлявшаяся Д. Рязановым (впоследствии меньшевиком) социалдемократическая группка, сотрудничавшая с «Искрой» и в

то же время пытавшаяся всячески примирить «Искру» с «Рабочим Делом» (с экономистами). — 18.

¹⁶ «Социалисты-революционеры» — возникшая в 1901 г., в связи с подъемом крестьянского движения и на основе использования старых народнических традиций, мелкобуржуазная партия, превратившаяся — в процессе дальнейшего развития — в организацию кулацкой контрреволюции. В годы гражданской войны партия эсеров представляла одну из основных боевых сил буржуазно-помещичьей контрреволюции и интервенции (см. у В. И. Ленина, Сочинения, т. V, стр. 131 — 134, 145 — 161, 200 — 205). — 24.

¹⁷ «Освобождение» — журнал, издававшийся за границей в 1902—1905 гг. под редакцией П. Струве и являвшийся органом либерального, буржуазно-помещичьего «Союза освобождения». — 24.

¹⁸ «Революционная Россия» — центральный орган партии социалистов-революционеров (см. прим. 16), издававшийся за границей с января 1901 г. до декабря 1905 года. Всего вышло 77 номеров. — 25.

¹⁹ Брошюра В. И. Ленина «К деревенской бедноте», написанная им весной 1903 г., вышла первым изданием в мае 1903 г., и переиздана в 1904 году (см. Сочинения, т. V, стр. 263 — 317). — 29.

²⁰ Сионизм — буржуазно-националистическое движение среди евреев, ставящее своей конечной целью создание самостоятельного еврейского государства в Палестине. Пользуясь известным влиянием в среде еврейской буржуазии и буржуазной интеллигенции, сионизм захватывал в отдельные периоды и некоторые отсталые прослойки еврейского мелкобуржуазного пролетариата. — 31.

²¹ «Польская социалистическая партия» — ППС, возникла в 1892 году. Мелкобуржуазная националистическая партия, сходная по своей идеологии, социальной базе и контрреволюционной роли в настоящее время (ППС представляет ныне оплот пилсудчины) с партией социалистов-революционеров. — 31.

²² Имеются в виду, во-первых, возникшая в 1898 г. армянская партия — «дашнакцутюн», во-вторых, «партия социалистов-федералистов Грузии», возникшая в конце 90-х годов XIX века. — 31.

²³ С. В. Зубатов — видный охранник, пытавшийся в 1901 — 1903 гг. насаждать, с целью отвлечения рабочих от политической борьбы и революционной социалдемократии, рабочие союзы под руководством полиции («полицейский социализм»). Вследствие безуспешности усилий Зубатова и даже опасности для царской власти его опытов, вызывавших, в конечном счете, направление активности рабочих по революционному руслу, царское правительство вскоре прекратило эти попытки, а самого Зубатова уволило в отставку. — 32.

²⁴ Так называемая «Псковская» конференция, состоявшаяся в г. Пскове в половине ноября 1902 г. на квартире т. Лепешинского в составе: В. П. Краснухи (от ПК), И. И. Радченко (от «Искры»), Е. Я. Левина (от «Южного Рабочего»), А. М. Стопани (от Северного союза). С правом совещательного голоса присутствовали — П. Н. Лепешинский и — от Киевского союза — П. А. Красиков. На этой конференции был избран Организационный комитет в составе: В. П. Краснухи, И. И. Радченко и Е. Я. Левина. Кроме того, в порядке кооптации в состав ОК вошли: Г. М. Кржижановский, Ф. В.

Ленгник, П. А. Красиков, П. Н. Лепешинский и А. М. Стопани. Кандидаткой утверждена Г. И. Окулова. — 41.

²⁵ Под «манифестом» имеется в виду «Извещение об образовании ОК», опубликованное 28 декабря 1902 г. в № 32 «Искры» (см. также «Протоколы II съезда РСДРП», изд. ИМЭЛ, 1932 г., стр. 458—459). — 41.

²⁶ В статье «С чего начать?» (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 107 — 113). — 45.

²⁷ «Что делать?» (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 359 — 508). — 45.

²⁸ «Бунд» — Всеобщий еврейский рабочий союз России, Польши и Литвы, возникший в 1897 году. Склоняясь в основном к «экономизму», «Бунд» обнаруживал, с другой стороны, мелкобуржуазные националистические тенденции, нашедшие выражение в требованиях на II съезде федеративного принципа строительства партии. По другим вопросам на II съезде бундовцы шли рука об руку с крайними оппортунистами, вроде Акимова и Мартынова. После отклонения съездом требования бундовцев о федерации представители «Бунда» ушли со съезда.

Проект устава Бунда, внесенный делегацией Бунда на обсуждение II съезда РСДРП — см. в приложениях к «Протоколам II съезда РСДРП», изд. 1932 г., стр. 482 — 484. — 46.

²⁹ Цитата взята из речи В. И. Ленина на II съезде по вопросу «О месте Бунда в РСДРП» (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 18). — 47.

³⁰ Цитата взята из речи В. И. Ленина на II съезде по вопросу «О месте Бунда в РСДРП» (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 19). — 48.

³¹ «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» — см. В. И. Ленин, Сочинения, т. V, стр. 180. Приведенные ниже в тексте цитаты взяты из этого письма. — 48.

³² Цитата представляет начало восьмого пункта партийного устава, принятого II съездом. Весь этот пункт был принят в следующей формулировке: «Центральный комитет организует комитеты, союзы комитетов и все другие учреждения партии и руководит их деятельностью; организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение; распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии; разбирает конфликты как между различными учреждениями партии, так и внутри их и вообще объединяет и направляет всю практическую деятельность партии.

Примечание. Члены ЦК не могут быть одновременно ни в какой иной партийной организации, кроме Совета партии» (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 404). — 52.

³³ Цитата взята из речи В. И. Ленина на II съезде партии в прениях об уставе партии (см. «Протоколы II съезда РСДРП», изд. 1932 г., стр. 266 — 267). — 56.

³⁴ Настоящая цитата, как и последующие, взята из речи Плеханова на II съезде партии в прениях по уставу (см. «Протоколы II съезда РСДРП», изд. 1932 г., стр. 273 — 274). — 57.

³⁵ Цитата взята из речи В. И. Ленина на II съезде партии по вопросу об уставе (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 32—33) — 58.

³⁶ «Южный Рабочий» — существовавшая до II съезда партии социалдемократическая группа, опиравшаяся в своей литературно-издательской деятельности (газета «Южный Рабочий») на Екатеринославский и Харьковский комитеты. На II съезде представители группы — В. Розанов, Е. Левин и др. — были в составе «меньшинства», т. е. будущих меньшевиков. — 60.

³⁷ «Заграничная лига российской революционной социалдемократии» — возникла по инициативе В. И. Ленина в 1901 г. с целью организации революционных элементов социалдемократической эмиграции в помощь практической работе «Искры» (издательство, транспорт, подготовка партийных работников для России, информация за границы о русском революционном движении и т. д.). После II съезда партии меньшевикам удалось получить преобладание в Лиге, превратив ее в оплот борьбы с большевизмом. В начале 1905 г. Лига ликвидировалась. — 65.

³⁸ Имеется в виду «заявление о сложении с себя должности члена Совета партии и члена редакции ЦО» от 1 ноября 1903 г. (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 106). — 67.

³⁹ По имени Швейцера, деятеля германского рабочего движения, руководившего в конце 60-х и начале 70-х годов, после смерти Лассаля, лассальянской сектой — оппортунистическим течением в германском рабочем движении. В руководимом им Всеобщем германском рабочем союзе он установил личную диктатуру, прикрывавшуюся культом вождя и основателя союза, Лассаля. — 69.

⁴⁰ По имени русского мелкобуржуазного революционера С. Г. Нечаева, бывшего, по мнению М. Н. Покровского, «фанатиком заговора». Стремление к единоличному руководству в создававшейся им заговорщической организации и неразборчивость в средствах вызвали отрицательное отношение к нему в революционных кругах. Особенно важно отметить факт отмежевания от Нечаева I Интернационала, принявшего это решение в 1871 г. по предложению Маркса. — 69.

⁴¹ По определению Ленина бонапартизм «означает приобретение власти путем *формально* законным, но *по существу* дела вопреки воле народа (или партий)» (Сочинения, т. VI, стр. 298).

«Бонапартизм, — говорит т. Сталин, — есть попытка навязать большинству волю меньшинства путем насилия. Бонапартизм есть захват власти в партии или в стране меньшинством против большинства путем силы» (Сталин, сборник «Об оппозиции», стр. 715). — 69.

⁴² «Почему я вышел из редакции» — открытое письмо В. И. Ленина в редакцию меньшевистской «Искры» в декабре 1903 года. Ввиду отказа редакции поместить письмо на страницах «Искры» большевики опубликовали его отдельным листком (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 124 — 131). — 78.

⁴³ Брошюра В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» — см. Сочинения, т. VI, стр. 155 — 336. — 79.

⁴⁴ Письмо Александрова (М. С. Ольминского) вместе с ответом редакции было напечатано в «Приложении» к № 56 меньшевистской «Искры» от 1 января 1904 года. — 80.

⁴⁵ Настоящая статья является ответом на статью Розы Люксембург «Организационные вопросы русской социалдемократии» (см.

выдержки из нее на стр. 131 — 139), написанную Розой по просьбе редакции новой (меньшевистской) «Искры» против брошюры Ленина «Шаг вперед два шага назад». Статья Р. Люксембург была опубликована в «Neue Zeit» (№№ 42 и 43, июль 1904 г.) и (в русском переводе) в меньшевистской «Искре» № 69 от 23(10) июля 1904 года.

Ленин предназначил свой ответ для помещения в «Neue Zeit», но Каутский, поддерживавший меньшевиков, отказался поместить статью и вернул рукопись обратно с «дипломатическим» письмом (письмо Каутского — см. на стр. 140—141). — 83.

⁴⁶ Брошюра «Шаг вперед, два шага назад» — см. В. И. Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 155 — 336. — 83.

⁴⁷ Под «противником» В. И. Ленин имел в виду М. Макадзюба (Панина), автора статьи «К вопросу о наших партийных задачах. Об организации», напечатанной в приложении к меньшевистской «Искре» № 57 от 28 (15) января 1904 года. — 85.

⁴⁸ Имеется в виду статья лидера меньшевиков П. Аксельрода «Объединение Российской социалдемократии и ее задачи», напечатанная в №№ 55 и 57 «Искры» за 1904 год. Ответ на нее В. И. Ленина см. в статье «Шаг вперед, два шага назад» (Сочинения, т. VI, стр. 301). — 86.

⁴⁹ Сопроводительное письмо (или «введение» к очерку), опубликованное от имени Бернской группы содействия большевикам, несомненно написано, как и самый очерк, В. И. Лениным. Тов. Степанов, о котором упоминается в сопроводительном письме, был А. М. Эссен (Бур), являвшийся в то время заграничным представителем Бюро комитетов большинства. — 95.

⁵⁰ Брошюру «Заявления и документы о разрыве центральных учреждений с партией» — см. В. И. Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 377 — 386. — 95.

⁵¹ Членами ЦК, «вошедшими в сделку с тайной организацией меньшинства», были: Глебов (В. А. Носков), Никитич (Л. Б. Красин) и Валериан (А. И. Любимов), занявшие по отношению к меньшевикам примиренческую позицию. Эта тройка в угоду меньшевикам кооптировала в декабре 1904 г. в состав ЦК трех меньшевиков: Попова (В. Розанов), Фомина (В. Крохмаль) и Фишер (Роза Гальберштадт). — 98.

⁵² «Вперед» — первая большевистская газета, выходившая в Женеве в начале 1905 г. под редакцией В. И. Ленина, М. С. Ольминского, В. В. Воровского и А. В. Луначарского. Газета сыграла огромную роль в качестве заграничного центра большевистской партии (ЦО), наряду с БКБ (Бюро комитетов большинства), явившимся первым практическим российским центром большевизма. — 99.

⁵³ См. об этом статью В. И. Ленина «Пора кончить» (Сочинения, т. VII, стр. 40 — 43). — 100.

⁵⁴ Вождь швейцарских социалдемократов Грейлих в своем письме от 1 февраля 1905 г. в редакцию «Вперед» (см. стр. 95) сообщал, что он обратился в Международное социалистическое бюро (МСБ) с предложением путем вмешательства II Интернационала содействовать разрешению партийного кризиса РСДРП. В письме на имя В. И. Ленина от 3 февраля 1905 г. (см. стр. 142 — 143) Август Бебель,

видный вождь II Интернационала и германской социалдемократии, предложил «большинству» для улажения «конфликта» третейский суд, сообщив одновременно, что он уполномочен Правлением Германской социалдемократической партии председательствовать на этом суде. Подобное же предложение Бебель сделал и меньшевикам в лице редакции «Искры» (см. № 86 меньшевистской «Искры» от 16(3) февраля 1905 года). Меньшевики охотно приняли предложение А. Бебеля (см. их ответ стр. 144). Что касается большевиков, то они, как это видно и из письма В. И. Ленина к А. Бебелю, и из письма N.N. (см. стр. 103 — 104), и из «ответа германским товарищам» Бюро комитетов большинства (см. стр. 105 — 106), решительно отклонили третейское разбирательство, указав, что вопрос о расколе в РСДРП, происшедшем на почве принципиальных расхождений, на почве расхождения «двух партийно-политических тенденций», может быть разрешен только созываемым партийным (III) съездом. Подлинного письма Ленина к А. Бебелю в распоряжении Института Маркса - Энгельса - Ленина не имеется, но сохранился черновик немецкого текста, с перечеркнутым третьим абзацем. Хотя по всем данным письмо Бебелю было послано в составе двух первых абзацев, — мы помещаем его целиком, вместе с вычеркнутым абзацем (печатается мелким шрифтом), ввиду большого исторического значения последнего: в нем В. И. Ленин выдвигает прямое обвинение лидеров германской социалдемократии в поддержке российских оппортунистов. — 101.

⁵⁵ Письмо А. Бебелю писано рукой В. И. Ленина, подписано N.N. От чьего имени писал Ленин, не выяснено, повидимому это был А. М. Эссен (Бур), который в это время был заграничным представителем Бюро комитетов большинства. — 103.

⁵⁶ Под «Письмом к петербургскому товарищу» имеется в виду «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» — см. Сочинения, т. V, стр. 179 — 192. — 108.

⁵⁷ Вопрос о представительстве РСДРП в Международном социалистическом бюро в 1905 г. имеет следующую историю: 20 (7) мая 1905 г. ЦК РСДРП были приняты постановления: 1) «ЦК назначает т. Плеханова ответственным редактором научного органа партии». 2) «ЦК поручает т. Плеханову представлять РСДРП в Международном социалистическом бюро». Постановления подписали три члена ЦК — Л. Б. Красин, Ленин и Д. Постоловский. Эти постановления сопровождалась следующей оговоркой: «Оба вышеизложенные постановления поручается привести в исполнение т. Ленину, как только закончатся в благоприятном смысле начатые в настоящее время с т. Плехановым переговоры». Ввиду того, что Плеханов занял враждебную позицию по отношению к ЦК, выбранному на III съезде, и к тактическим резолюциям съезда, назначение его представителем в Международное социалистическое бюро естественно отпадало, о чем Ленин довел и до сведения Международного социалистического бюро (см. стр. 109).

Но так как Плеханов, не имея полномочий от большевиков, заявил 16 июня в Международное социалистическое бюро, что он представляет оба течения и, к тому же, стал освещать раскол перед Международным социалистическим бюро в меньшевистском

духе, Ленин предпринял решительные шаги и к дезавуированию его выступлений, и к выделению ЦК в Международное социалистическое бюро большевика. Члены ЦК Богданов, Красин, Румянцев и Постоловский долго колебались в вопросе о пересмотре по существу у с л о в н о г о решения ЦК от 20 (7) мая, и лишь энергичное давление Ленина, настаивавшего на выделении в Международное социалистическое бюро В. В. Воровского, положило конец этим колебаниям: осенью 1905 г. ЦК назначил в Международное социалистическое бюро Ленина, выдав ему следующий мандат: «*Центральный комитет* в заседании своем от . . . октября постановил предложить т. Ленину взять на себя представительство РСДРП в Международном социалистическом бюро». В ответном письме к ЦК от 25 (12) октября 1905 г. Ленин писал: «Только что получил Ваше письмо о назначении меня в Международное бюро: жаль, что не назначили Орловского (В. В. Воровского. — *Ред.*)». — 109.

⁵⁸ «*Пролетарий*» — большевистская газета, издававшаяся в Женеве с 27 (14) мая по 25 (12) ноября 1905 г., являвшаяся ЦО нашей партии. Ответственным редактором «Пролетария» был В. И. Ленин, назначенный на этот пост ЦК, избранным на III съезде. Ближайшими сотрудниками Ленина по изданию «Пролетария» были гг. М. С. Ольминский, В. В. Воровский, А. В. Луначарский и др. — 109.

⁵⁹ «Открытое письмо...» написано В. И. Лениным в ответ на статью Каутского («*Die Spaltung der russischen Sozialdemokratie*») («Раскол в русской социалдемократии») в № 135 «*Leipziger Volkszeitung*» от 15 июня 1905 г. и в русском переводе в № 102 меньшевистской «Искры» от 28 (15) июля 1905 г. (см. стр. 146 — 149). Ответ Ленина на статью Каутского в «*Leipziger Volkszeitung*» помещен не был. Оценку статьи Каутского В. И. Лениным — см. стр. 115. Полемике со статьей Каутского посвящена отчасти глава «Смеем ли мы победить?» в брошюре «Две тактики» (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 101). — 110.

⁶⁰ Дрезденский партийтаг (партийный съезд) Германской социалдемократической партии, происходивший в Дрездене в 1903 году. — 111.

⁶¹ См. прим. 57. — 113.

⁶² Письма Международного социалистического бюро от 6 июля в архиве Института нет, и содержание его не выяснено. — 113.

⁶³ Речь идет о Женевской конференции меньшевиков и примыкавших к ним делегатов некоторых комитетов, выбранных на III съезд партии. Конференция состоялась одновременно с III съездом (съезд происходил в Лондоне, конференция — в Женеве) в мае 1905 года. На ней был принят ряд резолюций, выражавших тактику меньшевиков и была избрана Организационная комиссия, практический руководящий центр отколовшегося от партии меньшевистского течения. — 113.

⁶⁴ Настоящее письмо вызвано было следующими постановлениями ЦК, сообщенными Ленину за границу в письмах секретаря ЦК т. Стасовой: «9 июля (26 июня) 1905 г. *Постановление о представительстве РСДРП в Международном социалистическом бюро*. На основании § 5 устава РСДРП ЦК постановил предложить т. Плеханову

быть представителем партии в Международном социалистическом бюро». И далее, по вопросу «об издании научного органа» «Предложить т. Плеханову взять на себя организацию и ведение литературной стороны издания партийного социалдемократического научного органа, на правах его ответственного редактора». Далее следовала приписка: «Эти два постановления еще не разосланы по комитетам и будут разосланы только в том случае, если Вы по условиям, которые Вам лучше известны, найдете их правильными и подлежащими опубликованию».

Явная ошибочность этих решений ЦК *после* опубликования письма Плеханова от 29 мая 1905 г. (см. стр. 113) и заставила В. И. Ленина написать в ЦК как это письмо, так и письмо от 28 июля 1905 г. (см. стр. 121 — 123). — 115.

⁶⁵ Письмо Плеханова от 29 мая 1905 г. — см. стр. 113. — 118.

⁶⁶ Перечисленные псевдонимы принадлежали членам ЦК: Ма — В. А. Носкову, Бем — М. А. Сильвину, Владимир — Л. Я. Карпову, Иннокентий — И. Ф. Дубровинскому, Андрей — А. А. Квятковскому и Ворон — Л. Е. Гальперину. — 118.

⁶⁷ «Социалдемократическая федерация» — первая в Англии социалдемократическая организация, основанная в 1884 г. Гайндманом. Для нее характерна слабая связь с массовым рабочим движением как результат доктринерски-сектантского понимания учения Маркса. В 1911 г. Федерация прекратила свое существование, образовав совместно с левыми элементами Независимой рабочей партии — Британскую социалистическую партию.

Копия упоминаемого Лениным письма, как и самое письмо федерации не разысканы. — 122.

⁶⁸ Под «тайным постановлением III съезда» Ленин имеет в виду следующее постановление, вынесенное III съездом партии по вопросу «о подготовке условий слияния с меньшевиками»: «Третий съезд РСДРП поручает ЦК принять все меры к подготовке и выработке условий слияния с отколовшейся частью РСДРП, причем окончательное утверждение таких условий должно быть предоставлено новому партийному съезду» (см. «ВКП(б) в резолюциях» часть I, изд. ИМЭЛ, 1932 г.). — 123.

⁶⁹ Заметка В. И. Ленина «Осведомление международной социалдемократии о наших партийных делах» была без подписи напечатана в № 15 большевистской газеты «Пролетарий» от 5 сентября (23 августа) 1905 года. — 124.

⁷⁰ В статье «Наши Хлестаковы» в «Пролетарии» № 9 от 26 (19) июля 1905 г., начальные и конечные строки которой принадлежат Ленину, напечатано сообщение, посланное газетой «Искрой» во французскую социалистическую газету и содержащее хвастливые, явно раздутые «статистические» данные о местных партийных организациях, якобы подерживающих меньшевиков. «Курьеры скачут, 40 000 курьеров приглашают новоискровских Хлестаковых партией управлять!» — замечает в заключительных строках заметки В. И. Ленин по поводу этих лживых меньшевистских данных. — 125.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Предисловие</i>	III
Материалы к выяснению партийного кризиса РСДРП	3—128
<i>М. Лидин [Лядов]</i> . Доклад большевиков Амстердамскому международному социалистическому конгрессу 1904 г.	3—82
Предисловие к немецкому изданию	—
I. Период до появления «Искры»	5
II. Искровский период	19
III. Партийный съезд	41
IV. После съезда	64
<i>В. И. Ленин</i> . Шаг вперед, два шага назад. Ответ Розе Люксембург.	83
<i>В. И. Ленин</i> . Краткий очерк раскола в РСДРП. Письмо Грейлиху. 4 февраля 1905 г.	95
<i>В. И. Ленин</i> . Письмо А. Бебелю. 7 февраля 1905 г.	101
<i>Н. Н.</i> Письмо А. Бебелю. 22 февраля 1905 г.	103
Ответ германским товарищам. Письмо Бюро комитетов большинства А. Бебелю. 24 февраля 1905 г.	105
Резолюция Луганской организации Донецкого союза РСДРП	107
<i>В. И. Ленин</i> . Письмо Международному социалистическому бюро. 2 июня 1905 г.	109
<i>В. И. Ленин</i> . Открытое письмо в редакцию «Leipziger Volkszeitung». Конец июня — начало июля 1905 г.	110
<i>В. И. Ленин</i> . Международному социалистическому бюро. 8 июля 1905 г.	113
<i>В. И. Ленин</i> . Письмо ЦК РСДРП. 12 июля 1905 г.	115
<i>В. И. Ленин</i> . В Секретариат Международного социалистического бюро в Брюсселе. 24 июля 1905 г.	117
<i>В. И. Ленин</i> . Письмо ЦК РСДРП. 28 июля 1905 г.	121
<i>В. И. Ленин</i> . Осведомление международной социалдемократии о наших партийных делах До 5/IX 1905 г.	124
<i>В. И. Ленин</i> . Письмо Международному социалистическому бюро. 16 (3) сентября 1905 г.	126
<i>В. И. Ленин</i> . Письмо Международному социалистическому бюро. 27 (14) октября 1905 г.	127

	Стр.
ПРИЛОЖЕНИЯ	129—149
<i>Р. Люксембург.</i> Организационные вопросы русской социал- демократии	131
<i>К. Каутский.</i> Письмо В. И. Ленину	140
<i>А. Бебель.</i> Письмо В. И. Ленину	142
Постановление Совета партии по поводу письма Августа Бебеля от 5 февраля 1905 г.	144
Письмо в Секретариат Международного социалистического бюро. 25 (12 июня 1905 г.	145
<i>К. Каутский.</i> Раскол в русской социалдемократии	146
Примечания.	150

ИЛЛЮСТРАЦИЯ

Обложка брошюры на немецком языке: М. Лидин. «Материалы к выяснению «партийного кризиса РСДРП» — 1904 г.	1
---	---

Цена 1 р. 30 к.